№3 (35), 2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Входит в Перечень ВАК
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Журнал открытого доступа
Плата за публикацию с авторов не взимается

5.4 Социология

5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
5.4.7 Социология управления

5.3 Психология

5.3.3 Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

5.8 Педагогика

5.8.7 Методология и технология профессионального образования

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ А.А. ЛЕОНОВА

Свидетельство о регистрации Эл №ФС77-64254 от 25 декабря 2015 года
ISSN (On-line): 2500-4204
www.sgtjournal.ru

Научный журнал
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
№ 3 (35), 2025
ISSN (Online) 2500-4202

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 г.
Учредитель: «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии»,
г. Королев, Россия (141074, Московская обл., г. Королев, ул. Гагарина, д.42) / 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Кирилина Т.Ю., доктор социологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Афонин И.Д., кандидат педагогических наук, доцент
Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
Гайдабрус Н.В., кандидат философских наук, доцент
Гусева И.И., доктор философских наук, профессор
Долгорукова И.В., доктор социологических наук, профессор
Захарова Н.Л., доктор психологических наук, профессор
Капранова М.В., кандидат психологических наук, доцент
Когтева Е.В., кандидат социологических наук, доцент
Костыря С.С., кандидат психологических наук, доцент
Красикова Т.И., кандидат филологических наук, профессор
Кюрегян М.П., кандидат социологических наук
Лапшинова К.В., кандидат социологических наук, доцент
Ларионов А.Э., кандидат исторических наук, доцент
Магомедов К.О., доктор социологических наук, профессор
Морозюк С.Н., доктор психологических наук, профессор
Морозюк Ю.В., доктор психологических наук, профессор
Романов П.С., доктор педагогических наук, доцент
Старцева Т.Е., доктор педагогических наук, профессор
Тавокин Е.П., доктор социологических наук, профессор
Ткалич М.А., кандидат социологических наук

EDITOR-IN-CHIEF:
Kirilina T.Yu., Doctor of Sociology, Professor

EDITORIAL BOARD:
Afonin I.D., PhD {Pedagogy}, Associate professor
Barkov A.S., Doctor of Sociology, Professor
Gaydabrus N.V., PhD, Associate professor
Guseva I.I., Doctor of Philosophy, Professor
Dolgorukova I.V., Doctor of Sociology, Professor
Zakharova N.L., Doctor of Psychology, Professor
Kapranova M.V., PhD {Psychology}, Associate professor
Kogteva E.V., PhD {Sociology}, Associate Professor
Kostyrya S.S., PhD {Psychology}, Associate professor
Krasikova T.I., PhD {Philology}, Professor
Kyuregyan M.P., PhD {Sociology}
Lapshinova K.V., PhD {Sociology}, Associate professor
Larionov A.E., PhD {History}, Associate professor
Magomedov K.O., Doctor of Sociology, Professor
Morozyuk S.N., Doctor of Psychology, Professor
Morozyuk Yu.V., Doctor of Psychology, Professor
Romanov P.S., Doctor of Pedagogy, Associate professor
Startseva T.E., Doctor of Pedagogy, Professor
Tavokin E.P., Doctor of Sociology, Professor
Tkalich M.A., PhD {Sociology}

Над выпуском работали:
Паршина Ю.С.
Когтева У.А.

29.09.2025 г.

Адрес редакции:
141070, Королев, Ул. Октябрьская, 10а
Тел. (495)543-34-31
e-mail: sgt@ut-mo.ru
www.sgtjournal.ru

© Технологический университет

СОДЕРЖАНИЕ

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ 3

Денисова А.Б., Хохлов С.В. Жизненные ценности студентов-первокурсников: анализ изменений 3

Кирилина Т.Ю. Становление метрического общества в России: социальные возможности и риски.....13

Ткалич М.А. Особенности поведенческих паттернов молодежи и их влияние на бизнес (в контексте теории поколения У. Штрауса и Н. Хоу).....21

Чанкова Е.В. Коммуникативная компетентность личности в эпоху искусственного интеллекта .. 28

5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ 35

Васильева Е.Ю. Проблемы жилищного обеспечения детей-сирот: социологический анализ .35

Демидов А.В., Юдина Т.Н. Социальные технологии как фактор устойчивого развития средних городов: управленческий потенциал и ограничения.....42

Лапшинова К.В., Уражок Т.В. Деятельность института докторантуры в зеркале социологического анализа.....53

Пилипенко Б.А., Рогач О.В. Исследование влияния крупного бизнеса на экологическую ситуацию в мегаполисе (на основе оценок жителей Санкт-Петербурга).....63

Рязанов М. Медиатехнологии как инструмент оптимизации управленческих процессов: анализ эффективности и стратегии внедрения.....73

5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА.....82

Алексеев Д.Е. Осознанность как буфер отчуждения моральной ответственности у обучающихся образовательных организаций МВД России.....82

Капранова М.В. К постановке задач психологического сопровождения карьерного развития90

Никулина Т.И. Различия эмоционального выгорания у практикующих психологов и студентов психологов направления подготовки служебной деятельности 96

5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....103

Прусакова Д.А., Ершова О.В. Аксиологический подход как основа методологии формирования гражданской идентичности выпускников вуза 103

Квач С.С., Квач И.В. Институт правовой помощи в международном частном праве как учебная дисциплина: содержательное наполнение и методические аспекты преподавания 114

Романов П.С. Искусственный интеллект в системе высшего образования США и Канады...123

Филатова Е.А., Айданова Ю.Ф. Особенности диагностики и развития КИ российских и зарубежных студентов в образовательном пространстве вуза средствами английского языка ...131

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

ОБ АВТОРАХ:

Денисова Алла Борисовна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Хохлов Сергей Викторович,
кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Denisova Alla B.,
Cand. Sci. (Phil.), Associate Prof., Associate Prof., Department of Philosophy, Political Science, Sociology named after Galina Arefieva of the National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia

Khokhlov Sergey V.,
Cand. Sci. (Phil.), Senior lecturer, Department of Philosophy, Political Science, Sociology named after Galina Arefieva of the National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia

УДК 316

Денисова А.Б., Хохлов С.В.

Жизненные ценности студентов-первокурсников: анализ изменений

Рассматриваются и анализируются ценности студентов вузов, обучающихся на первых курсах. На основании проведенных исследований определено, какое значение для студентов имеют такие жизненные ценности как: развитие себя, духовное удовлетворение, креативность, активные социальные контакты, собственный престиж, высокое материальное положение, достижения и сохранение собственной индивидуальности. Получены также значения, отражающие иерархию значимости для студенческой молодежи таких жизненных сфер как: профессиональная жизнь, обучение и образование, семейная жизнь, общественная жизнь, увлечения и физическая активность. Проведено сравнение результатов исследований, полученных в 2015, 2023 и 2024 г. По итогам сравнения исследований отмечается снижение значимости для студентов высокого материального положения в перечне других ценностей, сохранение на высоком уровне значимости увлечений, не самый высокий приоритет сферы профессиональной жизни, обучения и образования, а также семейной жизни. Выделены причины и условия, на фоне которых поддерживалась и изменялась значимость для студентов различных ценностей и сфер в рассматриваемые периоды времени.

Ключевые слова: ценности, жизненные ценности, жизненные сферы, студенческая молодежь, социальные контакты, материальное положение, вузы.

Для цитирования: Денисова А.Б., Хохлов С.В. Жизненные ценности студентов-первокурсников: анализ изменений // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С. 3-12.

LIFE VALUES OF FIRST-YEAR STUDENTS: ANALYSIS OF CHANGES

Denisova A.B., Khokhlov S.V.

The article is devoted to the study of changes in value orientation of modern student youth in Russia, with data recording in 2015, 2023 and 2024. The study is based on the morphological test methodology of life values developed by V.F. Sopov and L.V. Karpushina. The article presents an analysis of a sample of first-year students. The importance of studying values emerging in the context of political and economic change is emphasized. It is investigated how different factors affect the social perception and common life orientation of young people. In the political situation of the 1990s, a system of axiomatic dominants developed. Despite the observed predominance of pragmatic and material values in early 2015, by 2023 a shift was recorded among students' priorities towards intangible and spiritual values such as creativity and spiritual satisfaction. These changes can be explained as the result of public policy aimed at reviving spiritual and moral values. However, the decline in emphasis on material values raises concerns about the future economic and social development of a country, which also requires material motivation. In the course of an additional study of the hierarchy of values of students in 2024 was not established significant differences with data of 2023. It is also indicated on the identified differences in values between students of technical and pedagogical universities. It is important to take these results into account when designing

educational programmes.

Keywords: values, life values, life spheres, student youth, social contacts, material position, universities.

For citation: Denisova A.B., Khokhlov S.V. Life values of first-year students: analysis of changes. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 3 (35): 3-12. (In Russ.)

Введение. Ценности служат основой и фундаментом всякой культуры и представляют собой ключевые элементы сознания, наиболее значимые для человека смыслы [12]. Ценности определяют поведение людей, восприятие и оценку различных явлений и событий. Студенческий период является временем становления взрослой личности и социально значимых жизненных ориентиров. В зависимости от того, на какие ценности ориентируются студенты – к чему они стремятся в жизни, что хотят создать или получить, в чём видят ценность общения, своей деятельности – можно судить об их социальной и гражданской зрелости. Сегодняшние студенты через некоторое время будут преобладать на рынке труда и активно влиять на социальные и экономические тенденции. Определяя ценностные ориентации современной молодежи, мы можем предугадать и действия, с помощью которых будут реализовываться их жизненные приоритеты в профессиональной и гражданской деятельности.

Сегодня мы живем в ситуации политических трансформаций и уже совершившейся глобальной цифровизации, что приводит к изменениям во всех сферах жизни. В периоды социальных перемен исследования изменений аксиологических доминант становятся особенно актуальными. Учитывая зависимость социализации и развития индивида от процессов, происходящих в обществе, интересно проанализировать ценностные приоритеты современной студенческой вузовской молодежи, изменения, произошедшие с их ценностными ориентациями в последнее десятилетие и выявить корреляцию жизненных приоритетов с событиями, которые происходят в социуме.

Методика исследования. Для определения системы ценностей студенческой молодежи в исследовании была использована методика В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной «Морфологический тест жизненных ценностей» (далее – МТЖЦ) [19]. После появления в начале 2000-х МТЖЦ использовался для изучения различных аудиторий и категорий граждан. Респондентами были школьники разных возрастов, делинквентные подростки, работники разных организаций, осужденные (включая наркозависимых), безработные граждане, педагоги, представители музыкальных субкультур, юристы, медицинские работники, незамужние бездетные женщины, спортсмены, мигранты и т.д. Среди авторов, проводивших соответствующие исследования можно назвать таких как Мозговая Н.Н., Шамионов Р.М., Скрынник Н.Е., Суворова О.В., Чупина В.А., Максимова Л.А. и др. Исследования по методике МТЖЦ проводились не только российскими, но и белорусскими, казахстанскими, армянскими, польскими учеными.

Студенческая аудитория также изучалась как в целом, так и в более узких выборках с дифференциацией по полу, семейному положению, направлению подготовки (будущие психологи, медики, работники системы МВД России, работники в сфере физической культуры, работники оборонных предприятий и т.д.). Сравнивались также ценности российских и иностранных студентов. Авторы, проводившие исследования непосредственно в отношении студентов – Шавырина С.В., Швырева Е.Ю., Дуванская М.К., Лоретц О.Г., Ручкин А.В., Мозговая Н.Н., Ионина О.С., Карпушина Л.В. Устинова Н.П., Леоненко Н.О., Новаковски А., Жданова Н.Е., Фофанова Г.А. и др.

Исследования различных авторов по методике МТЖЦ публиковались в журнальных статьях, материалах конференций, а также включались в диссертации.

Первичным результатом опроса по методике МТЖЦ является количественная оценка важности явления, жизненного факта, поставленная тестируемым (от 1 до 5 баллов по степени важности). Баллы суммируются в определенном порядке и переводятся в стены по таблицам МТЖЦ. Параметры, выявляемые посредством методики: 8 жизненных ценностей (развитие себя, духовное удовлетворение, креативность, активные социальные контакты, собствен-

ный престиж, высокое материальное положение, достижение, сохранение собственной индивидуальности), которые по-разному реализуются в 6 жизненных сферах (сфера профессиональной жизни, сфера обучения и образования, сфера семейной жизни, сфера общественной жизни, сфера увлечений, сфера физической активности).

В настоящей статье приводятся результаты опроса путем тестирования учебных групп первого курса разных российских вузов. Изначально полученные результаты были проверены на нормальность распределения критерием Колмогорова-Смирнова, что позволило использовать среднее значение показателей в качестве характеристики группы. Далее средние показатели групп по каждому параметру сравнивались попарно и на основании критерия Стьюдента определялась существенность или несущественность различий. Во всех тестах использовался 5% уровень значимости (α=0,05), равный вероятности ошибочно опровергнуть гипотезу о несущественности различий двух выборок.

Исследования студенческой молодежи в 2015 г. Студенты, попавшие в выборку в 2015 г., родились во второй половине 90-х годов прошлого века. Политические события, происходившие в нашей стране в 90-х годах, сопровождались экономическим и социальным кризисом, выразившимся в резком падении уровня жизни населения, безработице, сломе советской модели социальной стратификации, социальной поляризации и т.д., что привело к разрушению прочной ценностно-нормативной базы, резкой смене нравственных ориентиров. Провозглашенная наступившая свобода, часто переходящая во вседозволенность и произвол, привела и к нравственному релятивизму: общепринятые принципы морали и нравственности, стали подменяться принципом толерантности, терпимости, а установка, что все условно и относительно стирает грань между добром и злом. Индивидуальные ценности не просто стали противостоять общественным, государственным, но часто даже отрицали их. Трудовая мотивация заменялась на спекулятивно-стяжательскую, интересы проявлялись исключительно в сфере досуга, антисоциальное поведение становилось почти нормой и, напротив, происходило культивирование ценностей, ассоциированных с удаленностью от труда.

Засилье принципов «общества потребления» (Э. Фромм), когда главной ценностью становится участие в потребительской деятельности, ставило под сомнение необходимость таких личностных характеристик как честность, открытость, доброта, порядочность, как мешающих добиваться прагматических целей («ничего личного, только бизнес»). Опираясь на высказывания людей, возглавляющих образование, можно сделать вывод, что «общество потребления» не нуждается в фундаментальном образовании. Так, А. Фурсенко (министр образования и науки РФ с 2004 по 2012 г.) на ежегодном молодежном форуме заявил, что «недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя» [15], в школах же, по его мнению, достаточно преподавания четырех предметов, главный из которых – физкультура. Эту же идею продолжил министр (с 2012 по 2016 г.) Д. Ливанов, утверждавший, что «готовить надо не разработчиков технологий, а специалистов, которые могут адаптировать заимствованные технологии» [14]. Нельзя не привести цитаты из выступлений главы Сбербанка Г. Грефа, который в интервью «Комсомольской правде» в 2016 г. заявил, что математические школы не нужны и являются пережитком прошлого [11], а двумя годами позже: «Как только все люди поймут основу «своего я» и самоидентифицируются, то управлять ими, то есть манипулировать, будет чрезвычайно тяжело» [16].

Таковы были подходы в сравнительно недавнее время. Размывание единого российского образовательного пространства, утверждение вариативности, бесконечные реформы образования, череда сменяющих друг друга образовательных стандартов, введение компетентностного подхода, выведение образовательных учреждений на коммерческий рынок, последовательные шаги по интеграции в глобальное научно-образовательное пространство, обслуживающее, в конечном счете, интересы других стран и транснациональный бизнес – все это позволяет сделать вывод, что после распада Советского Союза «наше государство отказалось от высокой образовательной миссии, но поставило простую утилитарную задачу – сделать образование услугой по производству квалифицированного потребителя» [9, с. 96] и потеряло суверенитет в этой сфере.

Функция формирования мировоззрения, ценностно-смысловых ориентиров всегда от-

водилась гуманитарным дисциплинам, объем часов на которые стал катастрофически уменьшаться, согласно практико-ориентированности образовательных программ и отсутствия воспитательных задач в образовательных стандартах. Например, в статье «Требования ФГОС ВО по формированию гражданской позиции студентов» проведен анализ компетенций в образовательных стандартах по техническим направлениям обучения и сделан вывод, что «компетенций, формирующих гражданскую позицию студента, в стандартах заложено минимальное количество». Так, например, в стандарте по направлению 09.03.02 (имеющем наибольшее количество (54) общекультурных, профессиональных и общепрофессиональных компетенций) компетенций, связанных с формированием гражданской позиции, всего 4 [8, с. 48].

В действующих на сегодняшний день обновленных федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО 3++) определены универсальные компетенции (связанные, прежде всего, с т.н. «мягкими навыками» («soft skills»)) и исключены основополагающие компетенции, существовавшие в предыдущем варианте стандарта: «способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции» и «способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции».

Рассмотрев факторы, которые влияли на формирование ценностных приоритетов молодежи в период их становления (вторая половина 90-х – 2000-е гг.), становится понятна иерархия, в которой выстраиваются ценности. Так, в работе большой группы авторов «Система ценностных ориентаций “поколения Z”: социальные, культурные и демографические детерминанты» делается вывод, что «поведение «Z» в большей степени определяется ориентацией на независимость, удовольствия и развлечения» [20, с. 59]. Другие исследования показывают, что мировоззрение студенческой молодежи характеризуется прагматическими ценностями и целями (высокооплачиваемая работа, деньги, желание получить от жизни как можно больше удовольствий) [3, с. 134]; среди жизненных ориентиров нивелированы ценности труда, деформированы традиционные моральные нормы и ценности [18, с. 169]; «счастье других», «общественное призвание» занимают последние места в ценностной иерархии [17, с. 152]; параметры «общая хорошая обстановка в стране», «познание», «общественное признание», «творчество», «возможность творческой деятельности», «красота природы и искусства» имеют низшие показатели значений [13, с. 47].

Приведенные результаты исследований разных авторов согласуются с результатами, полученными в 2015 г. одним из авторов данной статьи - Денисовой А.Б. Целевая выборка исследования включала в себя студенческую молодежь первых курсов крупных вузов России (13 учебных групп, 321 чел. в возрасте 17-18 лет): Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ), Московский институт электронной техники (МИЭТ), Институт архитектуры и дизайна Казанского государственного архитектурно-строительного университета (КГАСУ), Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ), Сибирский государственный университет техники и связи (СибГУТИ), Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики (ПГУТИ). Разные направления подготовки студентов, попавших в выборку (гуманитарное, экономическое, техническое образование, архитектурное (художественно-техническое образование)), могли явиться дополнительными факторами различий ценностно-мотивационной структуры личности бывших абитуриентов, сделавших выбор определенного учебного заведения и будущей профессиональной деятельности.

Статистический анализ результатов показал, что различия средних значений показателей групп студентов первого курса вузов России по большинству из параметров не являются значимыми (значимые различия описаны в статье А.Б. Денисовой 2016 г. [7]). Ценностные предпочтения девушек и юношей также не имели значимых различий. В итоге получилась следующая картина ценностных предпочтений (рис. 1):

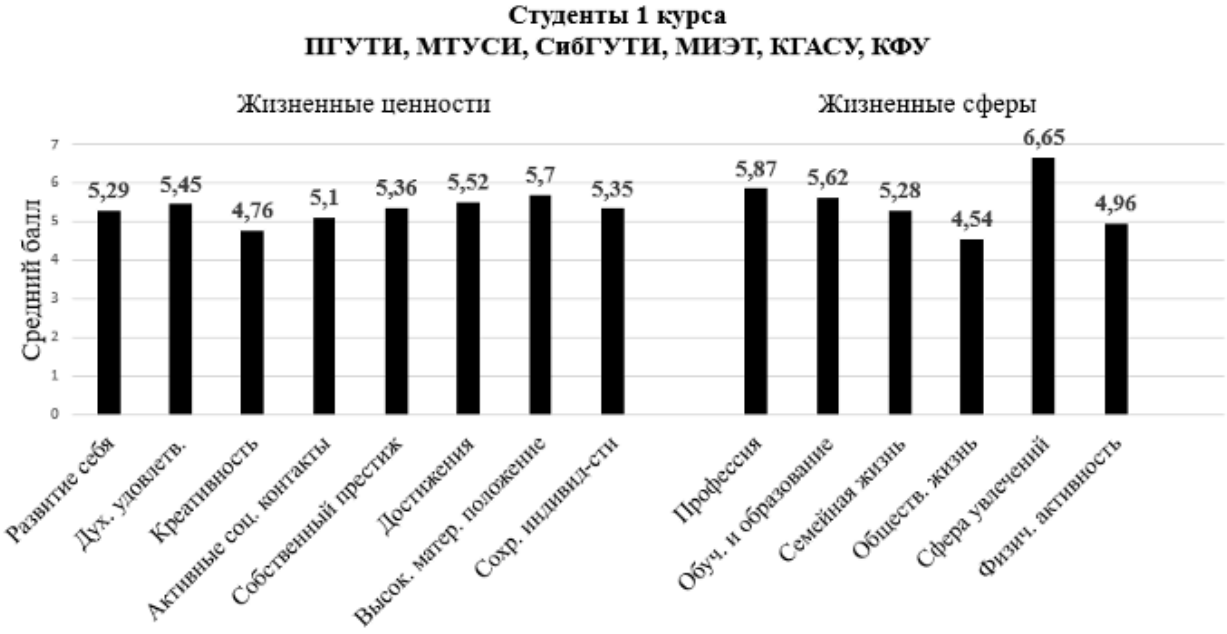

Рисунок 1. Результаты опроса в 2015 г.

Исследование показало, что для молодых людей из разных регионов России, поступивших в вузы на разные направления подготовки, наиболее значимой жизненной ценностью является «Высокое материальное положение», как главное условие жизненного благополучия, а самой значимой жизненной сферой – сфера увлечений. Самые низкие показатели имеют ценности «активные социальные контакты», «креативность» и сфера общественной жизни.

Исследования студенческой молодежи в 2023 г. и в 2024 г. До 2022 г. система ценностей российских студентов формировалась в условиях некой стабильности, в ощущении относительной физической и экономической безопасности. По состоянию на текущий момент на фоне измененной внешнеполитической обстановки, санкционнного давления (и не только) ситуация значительно поменялась. В научных исследованиях отмечается важная роль государства в формировании университетской среды (в вопросах финансирования, назначения руководителей, определения степени университетской свободы) [10, с. 152]. Но политика, проводимая государством, направляющая образовательные процессы и определяющая воспитательные приоритеты, является и важнейшим фактором формирования ценностных ориентаций молодого поколения.

Про важность воспитательной работы, патриотизм говорилось и раньше. Например, в 2012 г. на совещании по вопросам нравственного и патриотического воспитания молодежи Президент Российской Федерации отмечал: «Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – это патриотизм. Мы, как бы долго ни обсуждали, что может быть фундаментом, прочным моральным основанием для нашей страны, ничего другого все равно не придумаем. Это уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России. (...) Нам необходимо в полной мере использовать лучший опыт воспитания и просвещения, который был и в Российской империи, и в Советском Союзе» [4]. Но только в 2022 г. на федеральном уровне был осуществлен масштабный проект с введением цикла внеурочных занятий во всех школах России «Разговоры о важном», а с сентября 2023 г. в образовательные программы вузов была включена новая учебная дисциплина «Основы российской государственности». Также в 2022 г. был принят Указ Президента Российской Федерации по вопросам духовно-нравственных ценностей [21].

Согласно пункту 5 данного Указа к традиционным ценностям, помимо прочего, относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, крепкая семья, созида-

тельный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений и иные.

Дальнейший анализ основан на эмпирическом исследовании, проведенном авторами настоящей статьи в октябре 2023 г. и в октябре 2024 г. в Федеральном государственном бюджетном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ» (далее – НИУ МЭИ) по методике МТЖЦ, которая использовалась в исследовании 2015 г. Тестирования проводились среди студентов первого курса таких направлений подготовки как: ядерная энергетика и теплофизика, электроэнергетика и электротехника, теплоэнергетика и теплотехника, информатика и вычислительная техника, прикладная информатика, биотехнические системы и технологии, лингвистика. Также проведено сопоставление с исследованием В.О. Богдановой, выполненным за счет гранта Российского научного фонда по методике Милтона Рокича и опубликованном в 2023 г. [2]. В обоих случаях исследования проводились на основе опроса студентов первого курса. Но, если большинство опрошенных студентов НИУ МЭИ являются представителями технических направлений и профилей подготовки, то выводы работы В.О. Богдановой делаются на основе опросов студентов педагогического вуза.

Целевая выборка исследования, проведенного авторами данной работы в 2023 г., включала в себя студенческую молодежь 1 курса НИУ МЭИ: опрашивались респонденты в возрасте 17-18 лет, объем выборки – 267 респондентов (24 учебные группы) (рис.2):

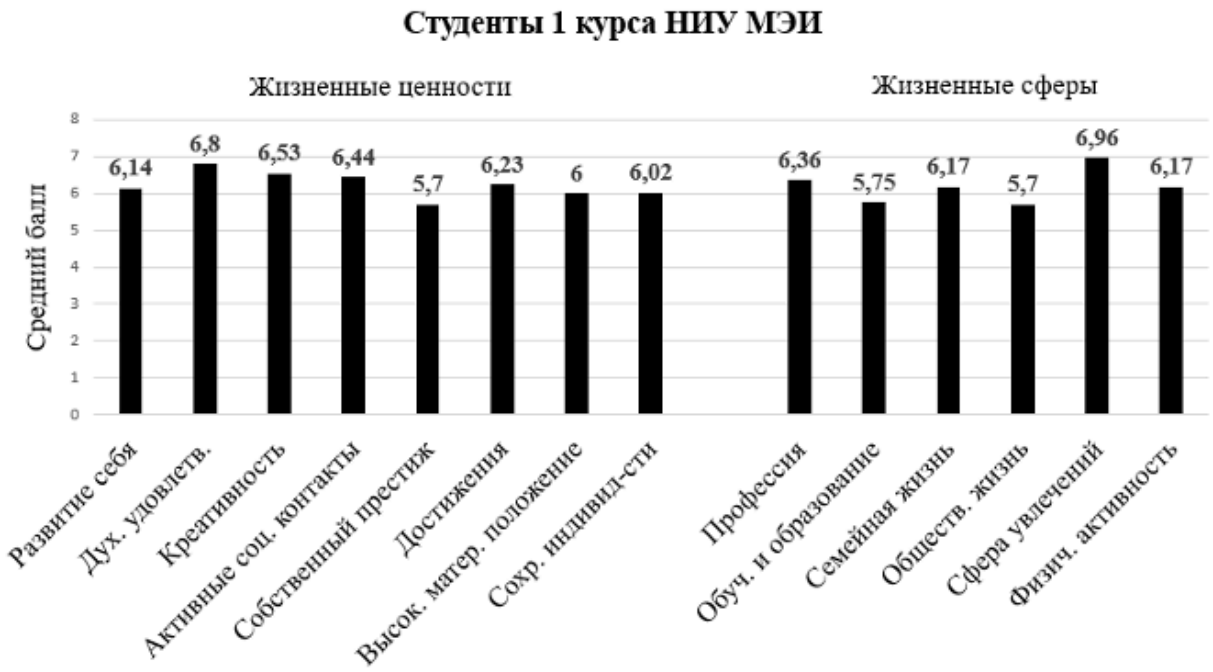

Рисунок 2. Результаты опроса в 2023 г.

В целом, по сравнению с результатами исследования, проведенного в 2015 г., среднее значение всех показателей стало выше, и разница между ними уменьшилась. Изменения приоритетности жизненных ценностей и жизненных сфер по сравнению с 2015 г. были выявлены по следующим параметрам:

1. Жизненная ценность «Собственный престиж» имеет наименьшее числовое значение, так же, как и «Сохранение собственной индивидуальности» (в 2015 г. они имели серединное положение). Интересно отметить, что на фоне всеобщего релятивизма и плюрализма мнений во многих исследованиях до этого времени делался вывод, что главенствующей, «ядерной» ценностью для молодежи является автономность, независимость в суждениях и поступках [20, с. 59].

2. Жизненная ценность «Высокое материальное положение», которая лидировала по опросам в 2015 г., получила одно из самых низких значений в 2023 г., при этом наивысший

средний балл получил параметр «Духовное удовлетворение», чуть ниже «Креативность», которая в предыдущем срезе занимала последнее место.

Из этого, однако, можно сделать двоякий вывод. С одной стороны, высокий приоритет нематериальных ценностей, фиксируемый в рамках тестирования, может свидетельствовать о том, что проводимая системная работа со стороны государства в части возрождения духовно-нравственных ценностей имеет определенный эффект. Отмечается особая важность для студентов нематериальных благ – креативности, увлечений, спорта и т.д. В то же время, существенное снижение материальных ценностей также представляется нежелательным для развития общества и страны в целом. Материальные устремления и потребности, стимулирующие поддержание спроса на те, или иные материальные блага, а как следствие – развитие различных отраслей и секторов экономики и занятости в них, должны оставаться на определенном уровне. Представляется, что с точки зрения успешного экономического развития общества значение приоритетности высокого материального положения не должно понижаться чрезмерно, притом, чтобы и не быть главенствующим.

Надо отметить, что полученная в результате исследования картина изменения приоритетов, косвенно подтверждается данными, которые были представлены генеральным директором Фонда ВЦИОМ Константином Абрамовым на учебно-методической конференции «Основы российской государственности. Развитие» 4 марта 2025 года: перемещение ценности «Высокое материальное положение» на второй план по сравнению с «Духовным удовлетворением» коррелируется со значительным падением (на 11 пунктов за год) образа идеальной России как благоустроенной страны (см. рис. 3).

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОЙ РОССИИ

Скажите, какой прежде всего Вы хотели видеть Россию через 10-15 лет
(% от опрошенных, закрытый вопрос, 1 ответ)

		2023 г.	2024 г.
Благоустроенная страна	Жить комфортно и безопасно с доступными медицинскими услугами, качественными дорогами, вежливой полицией, хорошей экологической ситуацией	40%	29%
Великая страна	Вызывает чувство гордости, с мощными экономикой и вооруженными силами, выдающимися достижениями в культуре, спорте, авторитетной в мире	20%	22%
Современная страна	Высокотехнологичная экономика, где передовые технологии широко применяются в различных сферах – инфраструктуре, образовании, здравоохранении, услугах	14%	18%
Демократическая страна	Соблюдаются права и свободы граждан, с независимым судом, свободой слова, политической конкуренцией, сменяемостью власти	11%	12%
Социальное государство	Обеспечены социальная справедливость и социальная защита граждан, где сокращается неравенство между разными слоями населения	8%	8%

Рисунок 3. Информация из доклада, представленного на конференции учебно-методической конференции «Основы российской государственности. Развитие» 4 марта 2025 года

Также надо отметить, что полученный результат не вполне соотносится с результатами исследования, проведенного в 2023 г. В.О. Богдановой, на основании которого отмечены высокие показатели параметра «материально обеспеченная жизнь» и делается вывод, что «цифровое поколение стремится к материальным ценностям, поскольку в современном обществе социальный статус человека во многом определяется уровнем благосостояния» [2, с. 45].

3. Среди жизненных сфер также продолжает доминировать «Сфера увлечений». В этом плане существенные изменения не произошли, несмотря на изменившуюся обстановку. Актуальны выводы в статьях авторов прошлых лет о том, что «в современной России мы можем наблюдать усиление гедонистических тенденций, причем в разных социальных слоях и стратах… жить ради наслаждения, которое выступает иногда и как смысл самой жизни, и как одна из форм реализации высших потребностей» [6, с. 17]. Конечно, подобное отношение к жизни формирует и массовая культура, призывающая «жить в моменте», «здесь и сейчас». Результаты исследования 2023 г. Богдановой В.О. также свидетельствуют, что «смысл жизни

цифровое поколение связывает с ярким проживанием настоящего». Автор объясняет это невозможностью перспективного планирования в существующем настоящем [2, с. 47], а также тем, что «гипертрофированное стремление к удовольствиям может говорить об инфантильности» [2, с. 45].

4. Самые низкие показатели вновь оказались у сферы общественной жизни, а также у сферы обучения и образования (что является очень настораживающим результатом, так как студенты только поступили в образовательное учреждение). Стоит отметить, что в статье Осиповых 2017 г., где проводится сравнительный анализ результатов опросов 1991 г. и 2016 г., значимость образования в обоих случаях также занимает одно из самых низких мест [13, с. 50-51].

5. Сфера профессиональной деятельности для первокурсников важна, что показывают результаты 2015 г. и 2023 г., хотя в это время они еще не погружены в специфику профессии. Вероятно, такой результат можно объяснить тем, что студенты, делая выбор учебного заведения, ориентировались на дальнейшую сферу деятельности и выбирали ее исходя из своих интересов. Поэтому, не испытывая особого рвения к учебе (как бы парадоксально это не звучало) у них существует интерес к профессиональной сфере и желание быстрее в нее встраиваться.

В исследовании В.О. Богдановой «ценность «интересная работа» не вошла в список приоритетных ценностей», что интерпретируется как отсутствие связи для студентов процесса самореализации с профессиональной деятельностью, или они «не имеют четких представлений о себе в профессии» [2, с. 45]. Не возражая по поводу последнего утверждения, можно наблюдать корреляцию параметров «Духовное удовлетворение» и ценность профессиональной сферы (наряду со сферой увлечений). По многочисленным наблюдениям, кризис, разочарование в профессии наступает у студентов к концу второго – началу третьего курсов. Вероятно, для первокурсников НИУ МЭИ при отсутствии четкого представления о себе в профессии, эта сфера приоритетна.

Исследование было продолжено в 2024 г. По методике МТЖЦ опрашивались (тестировались) респонденты в возрасте 17-18 лет, объем выборки – 210 респондентов (10 учебных групп). Обработанные результаты опроса выглядят следующим образом:

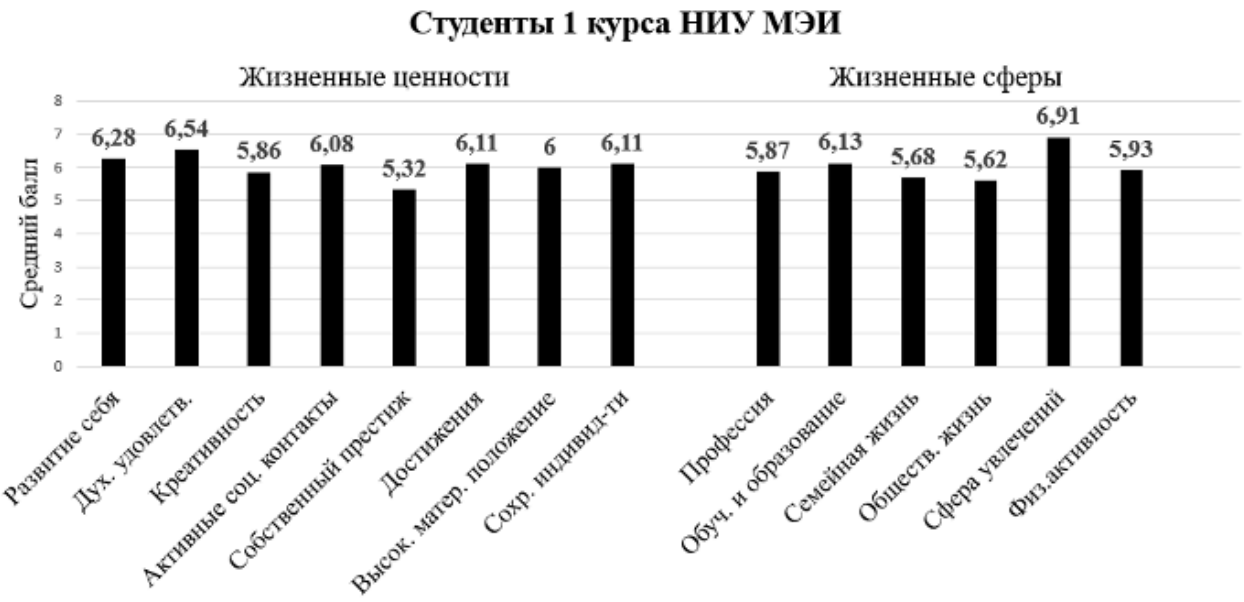

Рисунок 4. Результаты опроса в 2024 г.

Несмотря на некоторые различия в результатах, их сравнение по критерию Стьюдента (см. рис. 5) не дало статистически значимых различий:

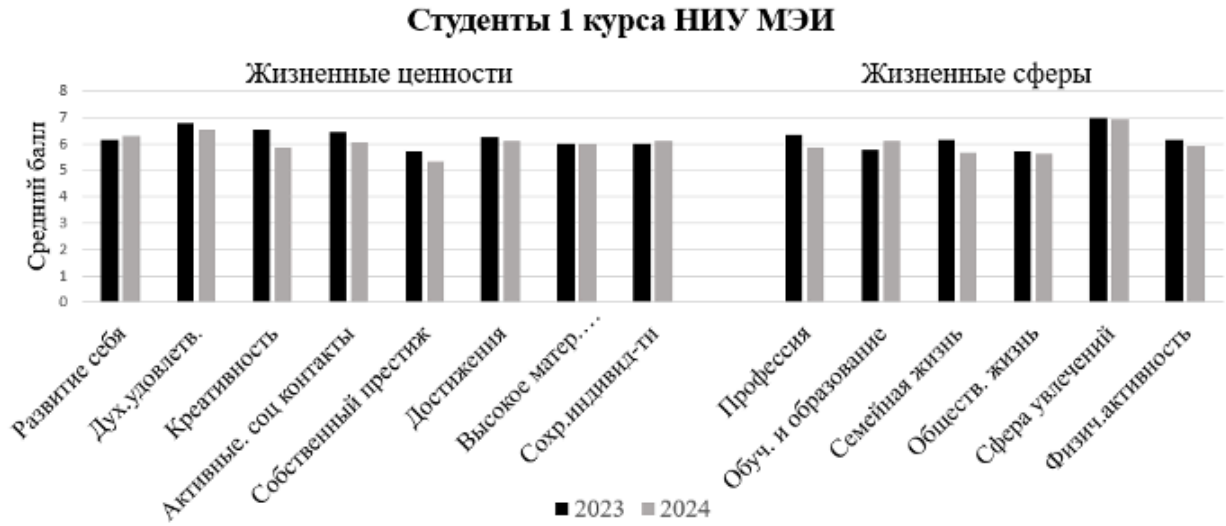

Рисунок 5. Сравнение результатов опроса в 2023 г. и в 2024 г.

Заключение. Формирование и изменение ценностных ориентаций – длительный процесс. Поэтому изменение факторов влияния дает результат, отложенный во времени. В частности, можно наблюдать, что меры, которые предприняты на государственном уровне для улучшения демографии в России, сохранения семейных ценностей не имеют моментального эффекта и, как показывают результаты исследования, для студентов ценность «семейной жизни» не стала доминирующей, а даже, напротив, распространение идей отказа от деторождения (т.н. «чайлдфри»), по мнению главы Фонда ВЦИОМ К. Абрамова, стало серьезной контрпродуктивной тенденцией. Однако, «если еще 10 лет назад большинство россиян считали, что идеальная семья – это семья, в которой двое детей, то сейчас более 50% граждан заявляют, что детей должно быть трое и больше» [5]. В 2022 г. отмечалось повышение престижа традиционных ценностей (в их числе, очевидно, и ценность семьи) всего на 5,5 п.п. (до 39%) [1, с. 51]. Хотя приведенные данные и были зафиксированы до нормативного утверждения духовно-нравственных ценностей, и касались разновозрастного населения, а не одних студентов, отмеченный небольшой рост престижа традиционных ценностей косвенно свидетельствует о медленности изменений в этих вопросах.

Возрождение духовно-нравственных ценностей – непростая задача в государстве, отказавшемся от пути социализма, повернувшего в сторону капиталистического устройства, поскольку ключевые принципы капиталистического общества (многообразие форм собственности, свободная рыночная экономика и др.) также закреплены в основных документах страны и отказ от них не предвидится в ближайшем будущем. При этом современная система высшего образования, осуществляющая укрепление духовно-нравственных ценностей опирается на компетентностный подход и имеет практико-ориентированную направленность, что порождает прагматический образ мышления обучающихся. Тем не менее, изменения, произошедшие в ценностных приоритетах молодых людей, позволяют констатировать определённую эффективность мероприятий, предпринятых на государственном уровне.

Интересно отметить факт расхождения ценностных приоритетов студентов технического и педагогического вузов. Регулярное исследование ценностных приоритетов молодежи позволяет выявлять изменения, которые происходят в обществе, их корреляцию с другими социальными процессами, а также может быть полезно для разработки программ воспитания и обучения, направленных на формирование социально и гражданско зрелой личности.

Литература:

1. Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49-61. DOI: 10.31857/S013216250020368-7.

2. Богданова В.О. Ценностные ориентиры и жизненные смыслы представителей цифрового поколения на при-

мере студентов педагогического вуза: социально-аксиологический аспект исследования // Социум и власть. 2023. № 1(95). С. 39-50. DOI: 10.22394/1996-0522-2023-1-39-50.
3. Васильева Т.В., Касаткина Н.Э. Ценностные ориентации студентов российских вузов // Система ценностей современного общества. 2014. № 38. С. 133-139.
4. Встреча с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодёжи [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/16470 (дата обращения: 06.04.2025).
5. Глава фонда ВЦИОМ рассказал об отношении россиян к своей стране. URL: https://ria.ru/20241210/rossija-1988300858.html (дата обращения: 06.04.2025).
6. Гладков О.Б. Трансформация социокультурных ценностей в России вследствие иррационализации общественного сознания // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 2 (28). С. 11-18.
7. Денисова А.Б. Влияние информационно-коммуникационных технологий на формирование мотивационно-ценностной структуры личности // Мир образования - образование в мире. 2016. № 2 (62). С. 136-142.
8. Денисова А.Б. Требования ФГОС ВО по формированию гражданской позиции студентов // Актуальные вопросы высшего образования – 2018. Материалы международной научно-методической конференции, Уфа, 31 октября 2018 года. Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет. 2018. С. 45-48.
9. Иванова А.Д. О'кей, Игрек! Ценности и психологические особенности поколения Y (1981–1995 г.р.) СПб: СУПЕР Издательство, 2022.
10. Ключарев Г.А. Об университетской автономии в институциональном исполнении // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 152-157. DOI: 10.31857/S013216250020079-9.
11. Конюхова К. Чем математические школы мешают Герману Грефу [Электронный ресурс]. URL: https://www.kp.ru/daily/26897.7/3941592/ (дата обращения: 26.03.2025).
12. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 4-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2019.
13. Осипов П.Н., Осипова Л.Н. Ценностные ориентации студентов // Право и образование. 2017. № 6. С. 45-52.
14. Павленко В., Литвиненко В. Российское образование: народность против «элитарности». «Модернизаторство» как средство разрушения и деградации [Электронный ресурс]. URL: https://iarex.ru/articles/51994.html (дата обращения: 26.03.2025)
15. Платова Г. Творец или потребитель [Электронный ресурс] // КПРФ Москва. URL: https://msk.kprf.ru/2022/06/30/220067/ (дата обращения: 26.03.2025)
16. Расинский П. Война с наукой и образованием [Электронный ресурс]. URL: https://rossaprimavera.ru/article/voyna-elity-s-naukoy-i-obrazovaniem (дата обращения: 26.03.2025).
17. Сидоров Д.Г. Динамика ценностных ориентаций студентов в период обучения // Приволжский научный журнал. 2013. № 1(25). С. 150-153.
18. Скрипова Н.Е. Ценностная ориентация на рабочие профессии как достижение обучающимися образовательного учреждения личностных результатов // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. С. 169.
19. Сопов В.Ф., Карпушина Л.В. Морфологический тест жизненных ценностей: Руководство по применению. Методическое пособие. Самара: Изд-во СамИКП – СНЦ РАН, 2002.
20. Яницкий М.С., Серый А.В., Браун О.А., Пелех Ю.В., Маслова О.В., Сокольская М.В., Санжаева Р.Д., Монсонова А.Р. Дагбаева С.Б., Неяскина Ю.Ю., Кадыров Р.В., Капустина Т.В. Система ценностных ориентаций «поколения z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3.
21. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 06.04.2025).

УДК 316

ОБ АВТОРЕ:

Кирилина Татьяна Юрьевна,
доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой, НИУ «МЭИ», Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Kirilina Tatiana Yu.,
Doctor of Sociology, professor, Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology, National Research University "MPEI", Moscow, Russia

Кирилина Т.Ю.

Становление метрического общества в России: социальные возможности и риски

В статье рассматривается процесс формирования метрического общества в России, характеризующегося доминированием количественных показателей (метрик) как ключевого инструмента оценки, управления и конструирования социальной реальности. Автор анализирует теоретические основы данного феномена, опираясь на концепции цифровизации, датификации, алгоритмизации и платформизации, а также на работу Штефана Мау о метрическом обществе.

Выделяются основные принципы метрического общества: редукция качества к количеству, примат сравнения и ранжирования, перформативность метрик и стимулирование поведения через системы показателей. Подробно исследуются проявления метрификации в различных сферах российской жизни: цифровые государственные услуги (портал «Госуслуги»), образование (ЕГЭ, рейтинги вузов), рынок труда (KPI, системы мониторинга), финансовая система (скоринг), социальные сети и платформы.

Отмечается амбивалентность последствий данного процесса. С одной стороны, повышаются эффективность и прозрачность услуг, упрощаются административные процедуры. С другой – возникают значительные социальные риски: усиление цифрового разрыва и социального неравенства, эрозия социального капитала, рост психологической напряженности и выгорания, алгоритмическая дискриминация, подмена реальных целей симуляцией достижения метрик.

Особое внимание уделяется трансформации системы высшего образования, где деятельность преподавателя редуцируется до наукометрических показателей (публикации в Scopus, Web of Science, РИНЦ, индекс Хирша), что ведет к девальвации педагогического труда и фундаментальных исследований.

Делается вывод о необходимости выработки сбалансированной государственной политики, направленной на усиление позитивных эффектов метрификации и минимизацию ее социальных издержек, включая развитие цифровой грамотности, обеспечение прозрачности алгоритмов и защиту прав граждан.

Ключевые слова: метрическое общество, цифровизация, датификация, квантификация, социальные риски, алгоритмическое управление, наукометрия .

Для цитирования: Кирилина Т.Ю. Становление метрического общества в России: социальные возможности и риски // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С.13-20.

THE FORMATION OF THE METRIC SOCIETY IN RUSSIA: SOCIAL OPPORTUNITIES AND RISKS

Kirilina T.Yu.

The article examines the process of formation of the metric society in Russia, characterized by the dominance of quantitative indicators (metrics) as a key tool for assessing, managing, and constructing social reality. The author analyzes the theoretical foundations of this phenomenon, based on the concepts of digitalization, datification, algorithmization and platformization, as well as Stefan Mau's work on the metric society. The basic principles of the metric society are highlighted: the reduction of quality to quantity, the primacy of comparison and ranking, the performativity of metrics and the stimulation of behavior through indicator systems. The manifestations of metrification in various spheres of Russian life are studied in detail: digital public services (Gosuslugi portal), education (USE, university ratings), labor market (KPIs, monitoring systems), financial system (scoring), social networks and platforms. The ambivalence of the consequences of this process is noted. On the one hand, the efficiency and transparency of services are being improved, and administrative procedures are being simplified. On the other hand, there are significant social risks: the strengthening of the digital divide and social inequality, the erosion of social capital, the growth of psychological tension and burnout, algorithmic discrimination, and the substitution of real goals by simulating the achievement of metrics. Special attention is paid to the transformation of

the higher education system, where the teacher's activity is reduced to scientometric indicators (publications in Scopus, Web of Science, RSCI, Hirsch index, grant funding volume), which leads to a devaluation of pedagogical labor and fundamental research. It is concluded that it is necessary to develop a balanced public policy aimed at enhancing the positive effects of metrification and minimizing its social costs, including the development of digital literacy, ensuring the transparency of algorithms and protecting the rights of citizens.

Keywords: metric society, digitalization, datification, quantification, social risks, algorithmic management, scientometry.

For citation: Kirilina T.Yu. The formation of the metric society in Russia: social opportunities and risks. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii.* 2025; 3 (35): 13-20. (In Russ.)

Введение

Актуальность исследования обусловлена стремительным проникновением цифровых технологий во все сферы общественной жизни, что привело к формированию так называемого «метрического общества» – социального порядка, в котором количественные показатели становятся доминирующим инструментом оценки, управления и конструирования реальности. В России этот процесс приобретает особую значимость в контексте активной цифровизации государственного управления, образования, здравоохранения, финансовой системы и рынка труда, инициированной преимущественно «сверху».

Изучение метрического общества является междисциплинарной проблемой, находящейся на стыке социологии, цифровых исследований, теории управления и науки о данных. Возрастающая роль больших данных, алгоритмов, платформ и систем количественной оценки трансформирует традиционные социальные институты, порождая новые формы стратификации, контроля и самоидентификации.

Особую актуальность тема приобретает в связи с российской спецификой внедрения метрических систем: сочетанием рыночных механизмов с сильной ролью государства, унаследованными административными практиками и высокими темпами цифровой трансформации. Это вызывает необходимость критического анализа как позитивных эффектов (повышение эффективности, прозрачности, удобства услуг), так и социальных рисков (цифровое неравенство, психологическое выгорание, алгоритмическая дискриминация, подмена целей деятельности).

Таким образом, актуальность работы определяется необходимостью осмысления трансформации социальной реальности под влиянием метрификации и выработки сбалансированных подходов к управлению этим процессом в условиях современной России.

Современный этап развития социума неразрывно связан с процессами цифровизаци и датификации. Австрийский социолог Нэйл Селвин в работе «Что такое цифровая социология?» определили четыре важнейших технологии, получивших сегодня широкое распространение и имеющих серьезные социальные последствия: сетевые коммуникации, технологии больших данных, алгоритмы и платформы [20]. Д.Е. Добринская, опираясь на концепцию Н. Селвина, за основу описания цифровизации берет анализ процессов сетевизации, алгоритмизации, платформизации и датификации [1; 2].

Характеризуя феномен сетевизации, М. Кастельс отмечал, что современный мир становится свидетелем преобразования материальных основ общественной жизни, организованной вокруг пространства, которое пронизано информационными потоками и где отсутствует время [14; 15]. Поскольку формирование смыслов и значений начинает во многом определяться потокамиинформации, передающихся через сети, власть принадлежит коммуникационным сетям и их владельцам [3].

Повседневная жизнь общества всё больше регулируется алгоритмами, которые оперируют огромными и структурно сложными массивами данных, выходящими за пределы человеческой логики. Глубокую трансформацию социальных институтов вызывает платформизация – экспансия цифровых платформ, которая меняет сложившиеся практики, механизмы формирования норм и систему общественного управления. По своим масштабам эффекты платформизации, по мнению профессора сравнительных медиаисследований Амстердамского университета Дейк Йосе ван, могут быть сопоставимы с индустриализацией или электри-

фикацией [16].

Термин «датификация» был введен в научный оборот в 2013 г. как «процесс представления явлений в количественном формате для дальнейшего сведения их в таблицы с целью последующего анализа», а «датифицировать» означает «записывать информацию в числовом виде» [4]. Катализатором датификации стало развитие цифровых технологий. Этот процесс носит социальный характер, так как он переводит человеческое поведение в формат данных, делая его измеримым. Социальность приобрела новые формы: дружба поддерживается алгоритмами социальных сетей, авторитет измеряется метриками, а профессиональные связи строятся через цифровые профили. Собранные платформами данные становятся доступны третьим сторонам, порождая целую индустрию, основанную на ценности данных.

Суть датификации, по мнению Н. Коулдри и У. Мехиаса, заключается в двух взаимосвязанных процессах:

1. Квантификация – преобразование аспектов человеческой жизни в количественные данные.

2. Извлечение ценности – превращение этих данных в различные виды ценности [19].

Процесс квантификации заключается во внедрении количественных методов оценки в различные сферы. Он предполагает создание систем ранжирования и рейтингов; разработку новых метрик и показателей; применение алгоритмических систем оценки (скоринг); распространение практик самоизмерения и самоконтроля. Социологический подход подчёркивает, что количественные показатели не просто пассивно фиксируют существующие социальные реалии, а активно конструируют их. Важно отметить, что люди не только подвергаются этому контролю, но и добровольно участвуют в нем, занимаясь самоквантованием, тем самым становясь, по выражению Б. Аджаны, «проектом управления собой и наблюдения» [12, p. 3–4].

Посредством таких механизмов, как лайки, рейтинги, отзывы и рекомендательные системы, создаются и закрепляются новые формы социальных различий и иерархий. Датификация привела к тотальной квантификации социальной жизни. Метрики (числовые показатели) стали универсальным языком социальной ценности. Как пишет социолог Д. Беер, они являются мощным инструментом управления [13, p. 4]. Формируется «метрическая культура», которая отражает отношения власти и контроля, влияя на самоидентификацию и то, что считается легитимным в обществе.

Интеграция разнообразных персональных данных (финансовых, коммуникационных, поведенческих) в единой цифровой среде формирует условия для установления всеобъемлющего цифрового контроля.

В этом контексте приобретает актуальность концепция «метрического общества» (metric society), введенная в научный оборот немецким социологом Штефан Мау для описания социального порядка, где доминирующей логикой становится измерение, квантификация и сравнение [18]. Жизнь человека, его успехи и неудачи, социальные связи и потребительское поведение переводятся в цифры, индексы и рейтинги. Под «метрическое общество» Ш. Мау понимает квантификацию всех социальных процессов и явлений, а также идентичности личности [17]. По мнению Ш. Мау, в метрическом обществе формируются новые «порядки ценности», где каждый вид деятельности, достижение или личная характеристика получает определенную количественную оценку. Квантификация социальной жизни обостряет конкуренцию, так как числовые данные делают сравнения легкими и повсеместными, подпитывая дух соперничества. Цифры воспринимаются как более объективный критерий, преодолевающий ограниченность субъективного мнения. Кроме того, квантификация ведет к усилению социальной иерархии, поскольку качественные различия между индивидами преобразуются в измеримые количественные неравенства в рамках универсальной оценочной системы [18, p. 6]. Таким образом, ценность чего–либо определяется не его внутренними свойствами, а внешней оценкой, которую может дать любой член общества. Это придает ценности статус «социально производимого» феномена [17].

Теоретико–методологические основания исследования.

Понятие «метрическое общество» описывает социальный порядок, в котором количественные показатели (метрики) становятся доминирующим инструментом оценки, управления и конструирования реальности. Данный феномен является логическим развитием идей научного менеджмента (тейлоризма), транслированных из сферы производства в повседневную

жизнь и усиленных возможностями цифровых технологий сбора и анализа больших данных (Big Data).

Теоретический каркас метрического общества базируется на нескольких принципах:

1. Редукция качества к количеству. Сложные социальные феномены (качество образования, эффективность работы врача, благополучие) замещаются упрощенными, поддающимися измерению индикаторами (баллы ЕГЭ, количество принятых пациентов, индекс удовлетворенности).

2. Примат сравнения и ранжирования. Люди, организации и территории постоянно сопоставляются друг с другом через систему рейтингов, что интенсифицирует конкуренцию и создает поле перманентного оценивания.

3. Перформативность метрик. Показатели не просто отражают реальность, но и активно формируют ее, определяя приоритеты и конструируя новые практики.

4. Стимулирование поведения. Внедрение систем поощрений и наказаний, основанных на достижении целевых показателей, направляет деятельность в желаемое русло, что зачастую приводит к стратегической симуляции («гона за показателями»), когда целью становится улучшение цифр в отчетности, а не достижение реального результата.

Формирование метрического общества в России характеризуется ускоренным и зачастую принудительным характером, инициируемым преимущественно «сверху» – государственными структурами и крупными корпорациями. Государство выступает в этом процессе как ключевой актор. Цифровые платформы (портал «Госуслуги») являются не только инструментом предоставления услуг, но и масштабной системой сбора данных, формирующей комплексный цифровой профиль гражданина. Интегрированные системы рейтингов и обратной связи превращают пользователей в активных участников процесса метризации.

В образовательной системе Единый государственный экзамен (ЕГЭ) является классическим примером редукции многолетнего образовательного процесса к единому количественному показателю. На его основе строятся рейтинги учебных заведений, непосредственно влияющие на их финансирование и статус.

Метрификация коснулась рынка труда и найма. Повсеместно внедряются KPI (ключевых показателей эффективности), системы электронного мониторинга (тайм–трекеры, учет производительности) и алгоритмического управления (в сервисах такси и доставки). Все это трансформирует труд в непрерывно измеряемый и оптимизируемый процесс.

В финансовой системе метрификация проявляется в форме финансового скоринга. Кредитные рейтинги, присваиваемые банками (на основе анализа транзакций) и государственными системами (на основе данных о штрафах, долгах), количественно определяют финансовую надежность индивида, регулируя его доступ к экономическим ресурсам.

В социальных сетях и платформах («ВКонтакте», Яндекс.Дзен). преобладает логика, основанная на метриках вовлеченности (лайки, просмотры, подписчики), формирующая «экономику внимания» и поощряющая конструирование онлайн–идентичности, ориентированной на погоню за количественным одобрением. Сервисы типа Avito, Яндекс.Услуг и TripAdvisor делают цифровую репутацию, основанную на оценках пользователей, ключевым активом и фактором доверия в цифровой среде.

Воздействие процессов метрификации на социальную ткань современной России носит глубоко противоречивый и многогранный характер, включающий как позитивные аспекты, так и значительные социальные риски, возникающие в результате внедрения в различные сферы жизни логики квантификации.

Следует отметить позитивные аспекты. Во-первых, повышение удобства и эффективности административных процедур. Наиболее очевидным и широко признанным позитивным последствием является кардинальное упрощение взаимодействия граждан с государственными и коммерческими структурами. Портал «Госуслуги» стал ключевым элементом цифровой инфраструктуры государства. Согласно отчету Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации за 2024 год, на платформе зарегистрировано более 113,8 млн. человек, а доля популярных услуг, оказываемых в электронном виде, превысила 85% [9]. Это позволило не только сократить временные издержки (так, время получения загранпаспорта или регистрации по месту жительства сократилось в среднем в 3-5 раз за счет исключения необходимости многократного посещения МФЦ), но и минимизиро-

вать коррупционные риски, связанные с непосредственным контактом с чиновником. Процесс становится «прозрачным» и отслеживаемым для самого пользователя, что повышает уровень доверия к системе. Согласно Федеральному проекту «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» ключевой целевой показатель достижения национальной цели – увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95% к 2030 году [10].

Рейтинговые системы, основанные на отзывах и оценках, создают иллюзию объективности и демократизации оценки качества. Для потребителя это выражается в возможности сделать более информированный выбор. В сфере услуг: платформы типа «Яндекс.Услуги» или «Профи.ру» агрегируют оценки исполнителей, формируя цифровую репутацию. Пользователь, выбирая мастера с рейтингом 4.9, а не 3.5, опирается на коллективный опыт предыдущих клиентов.

В образовании официальные рейтинги вузов, публикуемые Минобрнауки РФ (например, «Мониторинг качества приема в вузы»), хотя и не лишены недостатков, предоставляют абитуриентам и их родителям структурированные данные для сравнения учебных заведений по формальным критериям (средний балл ЕГЭ зачисленных, объем научно-исследовательской деятельности, зарплата выпускников, рейтинг вуза) [5].

Анализ больших данных (Big Data) позволяет адаптировать предлагаемые услуги и информационное поле под индивидуальные предпочтения пользователя. Алгоритмы рекомендательных систем («Яндекс.Музыка», «КиноПоиск», «Яндекс.Дзен») на основе анализа истории просмотров и лайков формируют персонализированную ленту, теоретически повышая релевантность контента. В коммерческом секторе персональные предложения от банков и ритейлеров, сгенерированные на основе анализа транзакций, также призваны повышать удовлетворенность клиента.

Наряду с позитивными изменениями формирование метрического общества несет в себе социальные риски и вызовы. Наиболее острой проблемой становится усиление социальной стратификации по новому признаку – способности успешно функционировать в метрическом обществе. «Цифровой разрыв» проявляется на нескольких уровнях. Согласно данным Росстата за 2023 год, несмотря на высокую общую проникновение Интернета в стране (около 85% домохозяйств), в сельской местности и среди старших возрастных групп (65+) этот показатель остается значительно ниже (около 70% и 55% соответственно) [9]. Это создает структурное неравенство в доступе к цифровым сервисам. Даже при наличии доступа к Интернету, низкая цифровая грамотность становится серьезным барьером. Пожилые люди, малообеспеченные граждане, не имеющие возможности постоянно обновлять свои навыки, оказываются исключены из таких важных процессов, как запись к врачу через «Госуслуги» или получение налоговых вычетов в цифровом формате. Это не просто неудобство, а прямая потеря доступа к публичным сервисам, ведущая к маргинализации.

Поскольку метрическое общество поощряет и вознаграждает в первую очередь индивидуальные, а не коллективные достижения, это приводит к эрозии социального капитала и ценностей солидарности. Так, при внедрении в образовании платформ типа «Московская электронная школа» (МЭШ), где успехи каждого ученика (баллы, активности) переводятся в цифры и доступны учителям и родителям, создает среду перманентного сравнения. Ребенок с ранних лет учится воспринимать одноклассников не как партнеров по учебе, а как конкурентов в борьбе за более высокий рейтинг в классе. На рынке труда системы KPI и бонусов, привязанные к индивидуальным, а не командным результатам, порождают внутреннюю конкуренцию внутри коллективов, подрывая доверие и готовность к кооперации. Сотрудники могут начать скрывать успешные практики от коллег, чтобы сохранить конкурентное преимущество.

Постоянное давление необходимости «соответствовать» количественным нормативам ведет к серьезным психологическим последствиям – росту психологической напряженности и выгорания. Это явление известно как «metric fixation» (навязчивая фиксация на метриках). Человек начинает страдать синдром самозванца и оценивать свою состоятельность исключительно через призму внешних, зачастую случайных или нерелевантных, цифр. Несоответствие ожидаемым показателям порождает хроническое чувство тревоги и собственной неадекватности. В условиях, когда производительность постоянно измеряется (например, с помощью тайм-трекеров или систем учета производительности в кол-центрах), сотрудник ли-

шается автономии и возможности работать в своем ритме. Это приводит к эмоциональному истощению и цинизму. Социальные сети, где жизнь сводится к социальному сравнению и формированию идеального цифрового профиля (лайки, подписчики, количество реакций), являются мощным источником тревоги и депрессии, особенно среди молодежи, чья самооценка становится напрямую зависимой от внешней валидации через метрики.

Датификация в свою очередь становится условием распространения алгоритмов. Делегирование принятия жизненно важных решений алгоритмам создает риски утраты человеческой свободы и усиления скрытой дискриминации. Например, решение о выдаче кредита все чаще принимается автоматизированной системой на основе анализа цифрового следа. Например, Т-Банк использует для скоринга не только кредитную историю, но и данные о транзакциях, геолокации, поведении в приложении [11]. Человек может получить отказ, не понимая его причин, и не имея возможности оспорить решение у «безликого» алгоритма. Это создает почву для «цифровой дискриминации», когда алгоритм, обученный на исторических данных, воспроизводит и усиливает существующие социальные предрассудки (например, в отношении профессий, района проживания или возраста).

Системы автоматического анализа резюме (ATS – Applicant Tracking Systems) отсеивают до 75% кандидатов до того, как их анкета попадет к живому рекрутеру. Критерии отбора могут включать ключевые слова, не имеющие прямого отношения к компетенциям, что лишает соискателей возможности проявить себя и приводит к непрозрачности процесса найма.

Стремление к оптимизации отчетных показателей приводит к их фетишизации, когда метрика из инструмента измерения превращается в саму цель деятельности. Происходит подмена целей и институционализация симуляции. Это порождает повсеместную симуляцию и «игру в показатели». Процесс обучения сводится к подготовке учеников к сдаче конкретного теста (ЕГЭ, ОГЭ) в ущерб получению глубоких знаний и развитию критического мышления. Учителя вынуждены «натаскивать» учащихся на тесты, жертвуя фундаментальностью образования, так как финансирование и репутация школы напрямую зависят от этих результатов.

В здравоохранении врач в поликлинике, на которого возложен план по количеству принятых пациентов (метрика «доступность»), вынужден сокращать время приема, что негативно сказывается на качестве диагностики. Медицинские учреждения могут манипулировать статистикой, чтобы улучшить отчетные показатели по времени ожидания или удовлетворенности.

В бизнесе и госуправлении возникает культура «отчетности ради отчетности». Энергия направляется не на решение реальных проблем, а на создание видимости активности и благополучия через положительную динамику в графиках и отчетах. Ярким примером является практика «накрутки» лайков, отзывов и просмотров в социальных сетях и на маркетплейсах, которая стала отдельной индустрией.

Формирование метрического общества не могло не повлиять и на систему высшего образования. Трансформация высшего образования в России в рамках парадигмы «экономики знания» привела к повсеместному внедрению инструментов количественной оценки эффективности. Университеты как ключевые институты метрического общества были подвергнуты логике аудита, где ценность академического труда редуцируется до набора формализованных показателей. Деятельность преподавателя оказывается встроенной в сложную систему метрических оценок, определяющих не только его материальное вознаграждение, но и профессиональный статус и карьерные траектории. Наукометрические показатели деятельности преподавателей вузов становятся важным фактором не только репутации преподавателя, но и его заработной платы [7; 8].

В современном российском вузе оценка деятельности преподавателя является комплексной и многокомпонентной. Ее можно разделить на два основных блока: научно–исследовательский и учебно-методический. Показатели оценки научно–исследовательской деятельности в первую очередь нацелены на анализ публикационной активности преподавателей. Учитывается не просто количество, но и «качество» публикаций, определяемое местом в иерархизированных метрических системах. В первую очередь, количество публикаций в журналах, индексируемых в международных базах данных Scopus и Web of Science (WoS). Особенно ценятся публикации в журналах, входящих в квартили Q1 и Q2 и с высоким импакт–

фактором. Наукометрическим показателем является и количество публикаций в журналах из перечня Высшей аттестационной комиссии (ВАК) и в журналах (особенно К-1 и К-2), входящих в ядро РИНЦ (Russian Science Citation Index). Важным показателем является и количество цитирований на публикации автора (индекс Хирша). Этот показатель напрямую влияет на рейтинг ученого и университета.

Во многих вузах центральным показателем научно–исследовательской деятельности преподавателей выступает привлечение внешнего финансирования, объем средств, полученных по грантам (РФФИ, РНФ) или хозяйственным договорам. Данный показатель является одним из ключевых в мониторинге эффективности вуза, проводимом Минобрнауки РФ. Количество выступлений с докладами на международных и всероссийских конференциях и в других научных мероприятиях, также учитывается при оценке научно-исследовательской деятельности преподавателей. Еще одним важным показателем является количество защитившихся под руководством преподавателя аспирантов.

Как справедливо отмечает А.В. Морозов, борьба за «количество» еще нигде и никогда не становилась, по сути своей, борьбой за «качество». Гораздо чаще эти две дефиниции воспринимаются как понятия взаимоисключающие. Насильственное внедрение всевозможных «индикаторов», «предикторов», «индексов» и т.д., как убедительно показывает практика, весьма плачевно сказывается на реальном состоянии как научной, так и педагогической деятельности [6]. По сути происходит смещение фокуса с содержательной стороны работы на достижение формальных показателей. Это порождает стратегии, известные как «игра с метриками». Преднамеренный выбор тем исследований, которые гарантируют быстрые и легко публикуемые результаты, в ущерб фундаментальным и рисковым исследованиям. Погоня за цитируемостью через договорные цитирования в «дружественных» журналах. Значительное время, которое ранее тратилось на исследование и непосредственную работу со студентами, теперь уходит на составление отчетов, заполнение форм в информационных системах и подготовку документов на гранты.

Поскольку основные метрики успеха (и, соответственно, финансирование и репутация вуза) завязаны на наукометрии, педагогическая деятельность отходит на второй план. Происходит девальвация педагогического труда. Вложения в качественное преподавание не окупаются с точки зрения личных KPI преподавателя. Постоянное давление необходимости «выполнять план» по публикациям, цитированиям и грантам приводит к хроническому стрессу, профессиональному выгоранию и росту конкурентных, а не коллаборационных отношений внутри коллективов.

Заключение

Российское общество активно интегрируется в глобальный тренд метрификации. Однако этот процесс имеет национальную специфику, определяемую сильной ролью государства и унаследованными административно–командными практиками. Элементы метрического общества в России формируются как инструмент не только рыночной эффективности, но и социального контроля и управления. Амбивалентность последствий метрификации – ее способность одновременно повышать эффективность и порождать новые формы неравенства, контроля и психологического дискомфорта – требует выработки сбалансированной государственной политики, направленной на усиление позитивных эффектов и минимизацию социальных рисков. Необходимо развитие цифровой грамотности населения, обеспечение прозрачности алгоритмов и защита прав граждан в условиях тотальной квантификации.

Метрическое общество радикально изменило ландшафт высшего образования в России, превратив преподавателя из автономного исследователя и педагога в «академического предпринимателя», чья ценность измеряется набором внешних, зачастую редуктивных показателей. В погоне за наукометрическими показателями происходит фундаментальная трансформация академических ценностей. Глубина исследования подменяется количеством публикаций, педагогическое мастерство – формальными отчетами, а научная кооперация – конкуренцией.

Не отрицая определенных стимулирующих эффектов метрификации, необходимо признать, что ее доминирование создает системные риски для качества образования и науки. Требуется разработка более сбалансированных моделей оценки, которые бы сочетали количественные метрики с качественной экспертной оценкой, защищали автономию академиче-

ской профессии и признавали истинную ценность педагогического труда, не сводимого к простым числам.

Литература:

1. Добринская, Д. Е. Цифровая социология для изучения цифрового общества / Д. Е. Добринская // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – № 2. – С. 250–259. – DOI 10.17072/2078–7898/2021–2–250–259. – EDN VXPEYC.

2. Добринская, Д. Е. Что такое цифровое общество? / Д. Е. Добринская // Социология науки и технологий. – 2021. – Т. 12, № 2. – С. 112–129. – DOI 10.24412/2079–0910–2021–2–112–129. – EDN ZLKPXS.

3. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 564 с.

4. Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 240 с.

5. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Мониторинг качества приема в вузы. [Электронный ресурс] URL: https://minobrnauki.gov.ru/press–center/news/novosti–ministerstva/93604/ (дата обращения: 22.08.2025).]

6. Морозов А. В. Наукометрические показатели и публикационная активность научных и педагогических работников // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2023. №4. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/naukometricheskie–pokazateli–i–publikatsionnaya–aktivnost–nauchnyh–i–pedagogicheskih–rabotnikov (дата обращения: 22.08.2025).]

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 19.03.2022 №414 «О некоторых вопросах применения требований и целевых значений показателей, связанных с публикационной активностью» // [Электронный ресурс] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203210040 (дата обращения 15.08.2025).

8. Распоряжения Правительства РФ от 26.11.2012 г. № 2190–р «Об утверждении Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы»

9. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). (2023). Итоги выборочного наблюдения использования населением информационных технологий и информационно–телекоммуникационных сетей. [Электронный ресурс]. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/ (дата обращения 15.08.2025).

10. Цифровое государственное управление [Электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya–gosudarstva/vedomstvennyj–proektnyj–ofis–vpo/administrirovanie–soprovozhdenie–ispolneniya–naczionalnoj–programmy–czifrovaya–ekonomika–rossijskoj–federaczii/czifrovoe–gosudarstvennoe–upravlenie (дата обращения 15.08.2025).

11. Что такое скоринг и как он помогает банку решить, кому выдавать кредиты [Электронный ресурс]. URL: https://www.tbank.ru/finance/blog/scoring/ (дата обращения: 20.08.2025).].

12. Ajana B. Introduction: Metric Culture and the Over–examined Life // Metric Culture: Emerald Publishing Limited, 2018. P. 1–9.

13. Beer D. Metric Power. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. 223 p.

14. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society: Oxford University Press, 2002. 304 p.

15. Castells M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture: Vol. I. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. 594 p

16. Dijck J. van. Datafication, Dataism and Dataveillance: Big Data between Scientific Paradigm and Ideology // Surveillance and Society. 2014. Vol. 12. No. 2. P. 197–208. DOI: 10.24908/ss.v12i2.47

17. Mau S. Numbers Matter! The Society of Indicators, Scores and Ratings // International Studies in Sociology of Education. 2020. Vol. 29. No. 1–2. P. 19–37. DOI: 10.1080/09620214.2019.1668287.

18. Mau S. The Metric Society On the Quantification of the Social. Cambridge, UK; Medford, MA: Policy Press, 2019. 200 p.

19. Mejias U.A., Couldry N. Datafication // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8. No. 4. P. 1–10. DOI: 10.14763/2019.4.1428

20. Selwyn N. What is Digital Sociology? Cambridge, UK: Polity Press, 2019. 134 p.

УДК 316

ОБ АВТОРЕ:

Ткалич Мария Алексеевна,
кандидат социологических наук, и.о. заведующего кафедрой гуманитарных и социальных институт, «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии», Королёв, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

Tkalich Maria A.,
Ph.D. in Sociology, Acting Head of Department of Humanities and Social Sciences, Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Cosmonaut A.A. Leonov is a branch of a federal state budgetary educational institution of higher Education "Moscow State University of Geodesy and Cartography", Korolev, Russia

Ткалич М.А.

Особенности поведенческих паттернов молодежи и их влияние на бизнес (в контексте теории поколения У. Штрауса и Н. Хоу)

В статье исследуется восприятие понятий семьи, работы и образа жизни современными поколениями. Отдельное внимание уделено изменениям в идеалах молодежи, повышению значимости индивидуального развития и приверженности здоровым привычкам. Автор также обращает внимание на изменение подхода к образованию, предлагающему применять игровые формы обучения (геймификацию и эдьютейнмент), а также важность эмоциональной независимости молодых людей, открытости к новым знаниям и технологиям. Автором предлагается ввести специальные экологистические профессии в компаниях для эффективного управления сортировкой отходов, а также внедрение цветовой кодификации QR-кодов на упаковке товаров.

Ключевые слова: теория поколений, молодежь, поведенческие паттерны, коммуникационные практики.

Для цитирования: Ткалич М.А.. Особенности поведенческих паттернов молодежи и их влияние на бизнес (в контексте теории поколения У. Штрауса и Н. Хоу) // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С. 21-27.

BEHAVIORAL PATTERNS OF YOUTH AND THEIR IMPACT ON BUSINESS (IN THE CONTEXT OF GENERATIONAL THEORY BY W. STRAUSS AND N. HOWE)

Tkalich M.A.

The article examines the perception of concepts such as family, work, and lifestyle by contemporary generations. Special attention is paid to changes in the ideals of young people, increased importance placed on individual development, and adherence to healthy habits. The author also highlights changes in educational approaches, which propose implementing game-based learning techniques (gamification and edutainment), as well as the significance of emotional independence, openness to new knowledge, and technology among young people. In conclusion, the author proposes introducing specialized logistics professions in companies to efficiently manage waste sorting and implement color-coded QR code markings on product packaging.

Keywords: generational theory, youth, behavioral patterns, communication practices.

For citation: Tkalich M.A. Behavioral patterns of youth and their impact on business (in the context of generational theory by W. Strauss and N. Howe). *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii.* 2025; 3 (35): 21-27. (In Russ.)

Теоретические аспекты проблематики.

В настоящее время теория поколений У. Штрауса и Н. Хоу используется в дифференциации возрастных групп многих исследовательских центров (ВЦИОМ, РОМИР, АКАР и др.). Данная теория предназначалась для анализа американского и британского общества, однако впоследствии получила признание и применяется в различных странах, включая Россию. Сторонники данной концепции утверждают, что ценности поколений в разных государствах сходны вследствие глобальных явлений и событий, таких как появление интернета и мобильных телефонов, влияющих на все страны одновременно. Авторы выделяют три основные критерия для идентификации поколений. Первый критерий заключается в том, что члены одного

поколения проживают общую историческую эпоху, сталкиваясь с одними и теми же значимыми историческими событиями и общественными тенденциями на одинаковых этапах своей жизни. Второй критерий предполагает наличие общих убеждений и поведенческих моделей. Третий критерий включает осознание принадлежности к своему поколению благодаря общему опыту и характеристикам, присущим сверстникам [2].

Несмотря на критику несостоятельности эмпирики теории поколения У. Штрауса и Н.-Хоу, авторы одни из первых указали на некую цикличность проявления в истории определённых архетипов (глобальных идей). Ученые связали жизненный цикл объекта (рост, зрелость, спад, гибель) с развитием общества, и указали на особые идеи (идеалы), которым следуют поколения внутри данного цикла. Построение новых идеалов происходит с появлением поколения Героев («Величайшее поколение», «Миллениалы»); поколения Художников («Молчаливое поколение», «Зумеры») – поколения людей, которые «обрамляют» сформированные идеалы; поколение Пророков («Беби-Бумеры», «Альфа») – доводят идеалы до фанатизма, что опосредованно вызывает критику этих идеалов; поколение Странников («Икс», «Бета») – приводят критику идеалов к их кризису и разрушению, затем пытаются найти новые идеалы. Тем самым, ученые создали условную прогнозную карту кризисных точек общества и возможных смен парадигм.

Прежде чем начать изучение молодого поколения Альфа (далее – поколение A) и уже почти сформированного поколения Зумеров (далее – поколение Z), необходимо определить периоды в которых поколения появлялись и их многочисленность. Так, поколением «Молчаливым поколением» принято считать людей в возрасте с 80 до 101 года (1925-1946 гг.), «Беби-Бумерами» от 62 до 79 лет (1947-1964 гг.), поколение X от 45 до 61 года (1965-1980 гг., поведенческие паттерны данного поколения В. Пелевин описывал в своей книге «Generation P»), поколение Y от 23 до 45 лет (1981-2002 гг.), поколение Z от 10 до 23 лет (2001-2015 гг.), поколение A до 10 лет (2016-2027 гг.), будущее поколение «Бета» будет рождаться в период с 2028-2040 гг. [6] Можно отметить, что вслед за ускоренным развитием технологий, сокращается и диапазон развития поколения. Если раньше он мог составлять 25 лет, то в настоящее время прогнозируется в пределах 12 лет. Также нужно сказать, что по данным опросов ФОМ граница понятия «молодежь» за последние 20 лет выросла: 30% респондентов считают, что пределы границы составляет 35 лет (+4 п.п.), как установлено ВОЗ [13].

Несмотря на утверждение авторов о единой схеме смены поколений по всему миру, важно учитывать специфику российских реалий. Необходимо отметить, что до сих пор идет дискурс о возрастных границах тех или иных поколений, актуальных для России. Так, одними из первых, кто занялся адаптацией теории поколений был психолингвист Е.Шамис и психолог А. Антипов (рис. 1) [15]. Основываясь на ключевых событиях русской истории, они предложили такие диапазоны поколений:

– **дети революции** (с 1900 по 1923 г.);
– **молчаливое поколение** (с 1923 по 1943 г.);
– **бумеры** (с 1943 по 1963 г.);
– **поколение X** (с 1963 по 1983 г.);
– **поколение Y** (с 1983 по 2003 г.);
– **поколение Z** (с 2003 по 2023 г.).

Рисунок 1. Поколения в России по Е. Шамис и А Антипова (рисунок консальтинговой компании Bitobe)

Свое видение адаптированной теории поколений предложил и Ю. Левада, руководитель исследовательской компании «Левада-Центр»[1] (рис. 2).

Рисунок 2. Поколения в России по Ю. Левада (рисунок консалтинговой компании Bitobe)

Ученый В. Радаев предложил собственную классификацию российских поколений, исходя из исторических условий формирования каждой возрастной группы. В частности, особое значение автор придает поколению миллениалов, утверждая, что оно обладает существенными отличительными чертами от предыдущих поколений. Период взросления миллениалов совпал с относительно стабильным временем в политической и социальной сферах российского общества, которое исследователь характеризует как этап социального перело-

[1] АНО “Левада-Центр” внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента

ма [10].

Опираясь на данные Мирового центра народонаселения ООН, в мире самым многочисленным было как раз поколение миллениалов, поскольку в абсолютном приросте (без учета показателя смертности) в период с 1980 по 2002 гг. они составили примерно 1,7 млрд. человек (в тоже время, 1,03 млрд.чел. – беби-бумеры, 1,1 млрд.чел. – поколение X, 1 млрд.чел. – поколение Z, 1,2 млрд.чел. – прогноз поколения A). Если рассматривать статистику по демографии России, то самым многочисленным поколением было поколение Беби-бумеров – 50 млн. человек (также без учета показателя смертности). Далее динамика родившихся шла на спад: 42,6 млн. – поколение X, 24,4 млн. – поколение Y, 5,9 млн. – поколение Z, 7 млн. – прогноз поколения A [8].

Анализ исследований по проблематике.

Некоторые исследовательские компании утверждают, что поколение A может стать самым многочисленным поколением [11], но не учитывают ни количество одиноких, бездетных людей фертильного возраста (Y, Z), ни прогрессирующую идеологию, внушаемую им десятилетиями, «жить для себя».

По исследованиям ВЦИОМ, данные поколения считают одной из значимых ценностей свою самореализацию (Поколение Z – 45% опрошенных, Миллениалы – 32%)[12]. Также, в структуре ценностей важным для Миллениалов является свобода выбора (38%), а для Поколения Z – дружба (48%). Не смотря на то, что у всех поколений главной ценностью является семья, но каждое поколение могло интерпретировать понятие по-своему. Так, отвечая на открытый вопрос «Как Вы представляете себе идеальную семью?», почти половина респондентов (48%) описала ее как людей, которые любят друг друга, помогают друг другу и не конфликтуют. При этом, в данных выражениях не упоминается наличие детей в семье. Данные ФОМ показывают, что молодежь, в отличие от более старшего поколения, имеет другой менталитет и взгляды на жизнь (15%), плохое воспитание (10%), а жизненные цели молодого поколения сосредоточены на материальном благополучии (26%), построении карьеры (14%), хорошем образовании (9%) и самореализации (5%). Данное поколение растет в условиях доступности дополнительного образования, путешествий, активного отдыха и развлечений, благодаря этому молодые люди направляют свободные ресурсы на развитие собственной уникальности и реализацию личностного потенциала.

Педагоги-практики отмечают, что у подростков есть запрос не просто на получение образования для успешной карьеры, но и реализацию своей глобальной идеи, миссии. Необходимо сказать, что привычная система школьного образования, основанная на строгих правилах и принуждении, уже давно подвергается критике. По мнению Катерины Лукши, руководителя методической программы сообщества «Вдохновители», целесообразно рассмотреть применение образовательных технологий, включающих элементы развлечения и игры, такие как эдьютейнмент и геймификация, позволяющие ребенку легко перестраиваться между различными видами деятельности. К тому же, поколение Z и поколение A гораздо менее зависимы от чужого мнения и внешних оценок, готовы открыто вступать в конфронтацию со старшими, обладают твердым внутренним стержнем и осознают собственные границы [1].

Можно отметить, что работать в удовольствие – еще один из явных паттернов поведения поколения Z. Именно данное поколение нейтральнее всего относится к трудоспособным людям, которые не работают (46%), и также высказались о нежелании работать, если бы была такая возможность (20%). В соотношении с миллениалами - 38% нейтральное отношение к неработающим людям трудоспособного возраста, и 16% - нежелание работать при возможности. Надо сказать, что чем старше поколение, тем проценты по выбранным данным вариантам оказались все ниже [5].

Старшие миллениалы и поколение X (31-45 лет) критично относятся к работе более молодых людей - 53% опрошенных считают, что они не любят работу и работают плохо. 47% респондентов данного возрастам также считают, что раньше молодежь была более умственно развитой. Младшие миллениалы и поколение Z (18-30 лет), напротив, считают, что любят работать и работают хорошо (52%). Исследование американских и британских ученых отмечают быстроту приобретения навыков использования гаджетов детьми. Около 90% осваивают управление планшетами примерно к двухлетнему возрасту, к тому же, среди представите-

лей поколения А личный гаджет появляется у каждого пятого ребёнка в возрасте 3-4 лет, а к 5-7 годам такую технику имеют почти половина детей. Поколение А вскоре сможет на бытовом уровне освоить искусственный интеллект и перестанет пользоваться поисковыми системами. Данный тренд является таким же трудным переходным периодом для педагогов, как и появление некогда электронных ресурсов.

Необходимо отметить и еще один важный для молодого поколения тренд – стремление к здоровому ментально и физически образу жизни. По исследованиям Ромир 89% респондентов от 18-24 лет не пробовали и не имели желания курить сигареты [4], а по данным РБК люди от 18 до 34 лет выпивают на 20% меньше на душу населения, чем старшие поколения. Проведенный опрос hh.ru и DDX Fitness показал, что в данной возрастной группе 68% людей занимаются фитнесом, а 43% ответили, что хотели бы, чтобы работодатели оплачивали им часть расходов на занятия спортом [9].

Нужно сказать, что поколение Z научное сообщество называло «хоумлендерами» (от англ. home – дом, lander – приземляющийся), поскольку прогнозировалось, что данное цифровое поколение предпочтет коммуникации через гаджеты и приложения, чем личные контакты. Как оказалось, они не только ведут активный образ жизни, но и любят офлайн-коммуникации. Даже следующее поколение А организует свой отдых не только через интернет-игры, но и личное общение с друзьями и семьей [3]. В тоже время, необходимо отметить, что именно с выходом на рынок труда поколения Z (который пришелся на период самоизоляции и восстановления после COVID-19), многие компании начали поднимать вопрос об удаленной работе (работе из дома), работе с дистанционным доступом к документам и т.д. Количество компаний с удаленным форматом работы растёт из-за дефицита кадров, но распределение неравномерное: чаще всего дистанционный формат работы применяется в IT, телекоме и финансовой сфере, а также в крупных организациях.

Необходимо отметить, что по данным Всемирного экономического форума, две трети профессий, по которым придется работать поколению А, еще не изобретены, что существенно затрудняет прогноз карьерных предпочтений и интереса к сферам деятельности.

Осознанное потребление и желание заботиться об экологии один из явных паттернов поведения молодежи (рис. 3). И поколение Z, и поколение X отметили, что отсутствие необходимой инфраструктуры не дают им возможности больше заботиться об окружающей среде (54,6% и 56,2% соответственно), также они не обладают достаточной информацией о том, как сохранять экологию (31,1% и 26,5% соответственно)[7]. Технологический прогресс и изменение экономических условий способствуют формированию экологического сознания и развитию «зеленых» навыков среди населения, особенно среди молодых поколений, что ведет к распространению моделей осознанного потребления и переработки отходов. В тренд-леттере ИСИЭЗ НИУ ВШЭ прогнозируется, что вслед развитию у молодежи экологического мышления, компании начнут постепенно переходить на организацию процессов замкнутого цикла. Переход к экономике замкнутого цикла позволяет значительно сократить объемы производимых отходов и снизить выбросы парниковых газов, способствуя созданию устойчивого будущего [14].

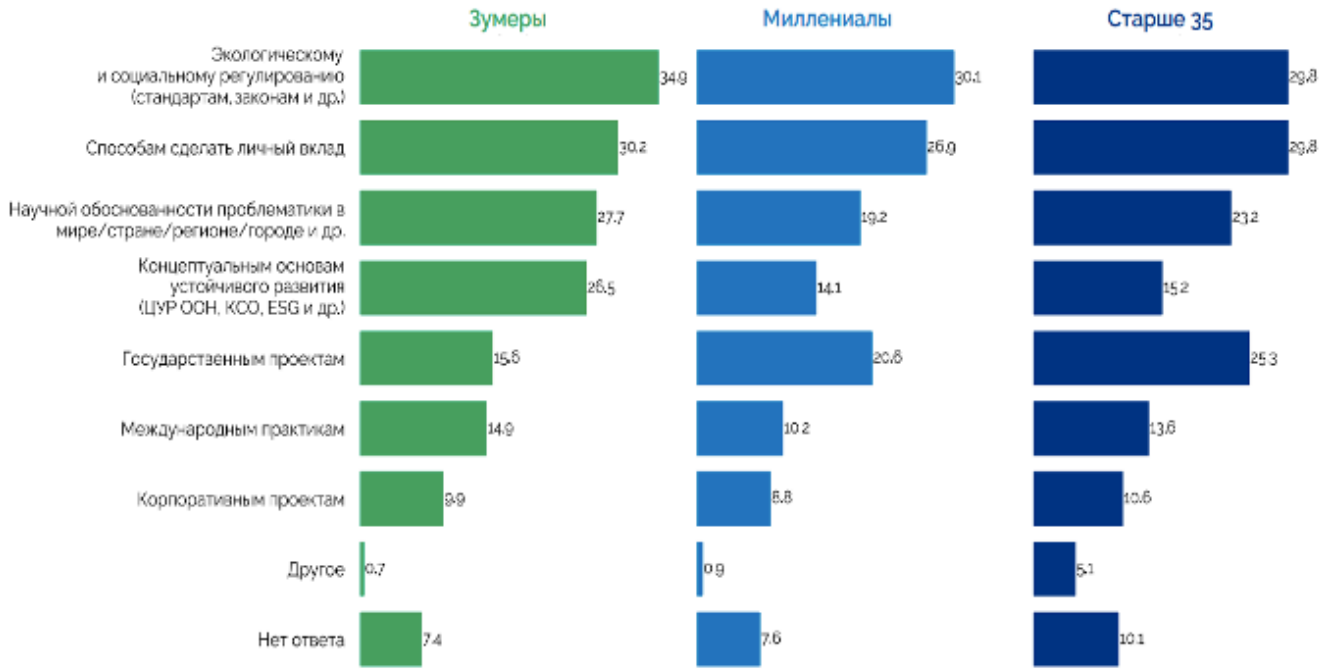

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каким темам нужно уделять больше внимания в рамках просвещения в области устойчивого развития?», % (материалы исследования Центра устойчивого развития Школы управления СКОЛКОВО)

Основные выводы и рекомендации.

Хочется отметить, что в настоящее время молодежь предпочитает здоровый образ жизни, стремится к личной реализации, демонстрирует рост экологического сознания, заинтересованность в устойчивых практиках потребления и переработки отходов. Эти тенденции влияют на образование, карьеру и социальные отношения. Стабилизация экономической ситуации и рост благосостояния населения, так или иначе, повлечёт за собой необходимость предприятиям отстраиваться от конкурентов неценовым способом, одним из которых является увеличение репутационного капитала за счет участия в экологических, благотворительных и иных социальных инициативах. Нужно сказать, что современное поколение выбирает для своей работы «ответственный бизнес». Причем, это относится не только к социальным инициативам организаций, но и к стилю руководителей разных уровней и политике компании.

Тем самым, автором выносится предложение о введении в коммерческих или иных предприятиях должности специального экологиста для организации сортировки мусора сотрудников и клиентов. В его функционал работы должна входить коммуникация с организациями по переработке сортированного мусора, а также информирование внешней и внутренней общественности организации о правильной сортировке мусора и других экологических инициативах. В настоящее время контейнеры для сортировки мусора являются лишь частью ландшафта города или (что крайне редко) располагаются в торговых центрах, хотя как большую часть времени люди проводят внутри разных зданий. А для того, чтобы люди понимали и запоминали лучше информацию по выбросу определенных категорий мусора, необходимо обязать производителей указывать не только общепринятые знаки переработки, а создавать цветовые куаркоды на своих упаковках (каждый цвет соответствует определенной категории, например, зеленый - пищевые отходы, голубой - пластик, коричневый - бумага и т.д.) с подробной инструкцией по утилизации. К тому же, такие действия простимулируют производителей внимательнее относиться к выбору упаковки товара (для полной ее переработки), сократит сложности с сортировкой мусора потребителей.

Литература:

1. Ефимова, А. Их вайб: 10 главных ценностей поколения // Forbes Media. – 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.forbes.ru/forbeslife/521956-ih-vajb-10-glavnyh-cennostej-pokolenia-al-fa?.

2. Исаева, М. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3. – С. 290-295.

3. Исследование поколения Альфа от Yappy: дети смотрят вертикальные видео чаще других форматов // Исследование Газпром-Медиа Холдинг. – 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazprom-media.com/ru/media/issledovanie-pokoleniya-alfa-ot-yappy-deti-smotryat-vertikalnye-video-chashche-drugih-formatov.

4. Кто в России НЕ курит? // Исследование РОМИР. – 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://romir.ru/feed/kto-v-rossii-ne-kurit.

5. Кто не работает, тот... что? // Исследование ВЦИОМ. – 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kto-ne-rabotaet-tot-chto.

6. Миклашевская, А. Детей, рожденных с 2025 года, будут называть «поколением Бета» // Издательский дом «Коммерсантъ». – 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7420251.

*7. Молодое поколение как драйвер esg-трансформации // Центр устойчивого развития Школы Управления Сколково. – 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/f76c9043-fe1d-4f40-acd6-cd6736f1295a/youth-esg-driver.pdf?_gl=1*kncq1g*_ga*nzkwndc4otuxlje3mtmyntu5odm.*_ga_zv5kmbpmnl*mtcxmzi1ntk4mi4xljeumtcxmzi1odqymy44ljauma.*

8. Народонаселение // Организация объединенных наций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/conferences/population.

9. Одинцов, Е. Стало известно, кто в России чаще всего занимается фитнесом. – 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/07/12/23443933.

10. Радаев, В. Миллениалы: Как меняется российское общество [Текст] / В. В. Радаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.

11. Сентебова, П. Детство у экрана: чем отличается поколение альфа и какое будущее его ждет // «ГК РБК». – 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://style.rbc.ru/life/650ad3839a79474a6559404f.

12. Современная молодёжь: чем современная молодёжь отличается от старшего поколения? // Исследования ФОМнибус. – 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fom.ru/TSennosti/15039.

13. Традиционные ценности: ожидание и реальность // Исследование ВЦИОМ. – 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost.

14. Трендлеттер ИСИЭЗ НИУ ВШЭ от 4 июня, 2024 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2024/06/04/2130469202/Trendletter_19_2024_Sustainable_%D0%A1onsumption.pdf.

15. Шамис, Е., Антипов, А. Теория поколений // Психология и бизнес. – 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://psycho.ru/library/2581.

УДК 316

ОБ АВТОРЕ:

Чанкова Елена Вадимовна,
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Россия, Москва.

ABOUT THE AUTHOR:

Chankova Elena V.,
Doctor of sociology, professor of the department of advertising, public relations and design, Plekhanov's Russian Economy University, Russia, Moscow

Чанкова Е.В.

Коммуникативная компетентность личности в эпоху искусственного интеллекта

В статье рассмотрена проблема коммуникативной компетентности личности в условиях взаимодействия индивида и искусственного интеллекта. Соотношение данных понятий позволило определить, что искусственный интеллект является фактором изменяющейся социальной реальности, а коммуникативная компетентность в этих условиях конструируется на основе механизма саморегуляции.
Рассмотрены особенности структуры коммуникативной компетентности для виртуальной социокультурной среды: ценности, нормы, умения коммуникации, способы поведения. Выявлена сложность и полемичность вопроса категоризации и функции искусственного интеллекта во взаимодействии с человеком. Проанализированы понятия «искусственной социальности», «гибридной реальности» «искусственной коммуникации».
Автором изучены контакты человека с ИИ с позиции признаков коммуникации, социальной коммуникации, социального действия; особенности проявления искусственного интеллекта в интеракции с человеком с позиции феноменологической концепции.
Сделан вывод о том, что интеракция «Человек – ИИ» является коммуникацией, а социальность ИИ является сконструированной человеком проекцией социальности актора; в данных интеракциях востребована коммуникативная компетентность личности саморегуляционного типа.

Ключевые слова: искусственный интеллект, коммуникативная компетентность личности, коммуникация, социальная коммуникация, саморегуляция коммуникативной компетентности личности, «искусственная социальность», «гибридная реальность», «искусственная коммуникация».

Для цитирования: Чанкова Е.В. Коммуникативная компетентность личности в эпоху искусственного интеллекта // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С. 28-34.

COMMUNICATIVE COMPETENCE OF THE PERSONALITY IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Chankova E.V .

The article considers the problem of communicative competence of the personality in the context of interaction between an individual and artificial intelligence. The relationship between these concepts allowed us to determine that artificial intelligence is a factor in the changing social reality, and communicative competence in these conditions is constructed based on the mechanism of self-regulation. The article considers the features of the structure of communicative competence for the virtual socio-cultural environment: values, norms, communication skills, and behavioral modes. The complexity and controversy of the issue of categorization and the function of artificial intelligence in interaction with humans are revealed, the concepts of "artificial sociality", "hybrid reality" and "artificial communication" are considered. The author analyzes human contacts with AI from the standpoint of the features of communication, social communication, social action; the features of the manifestation of artificial intelligence in interaction with humans from the standpoint of the phenomenological concept. It is concluded that the "Human - AI" interaction is communication, the sociality of AI is a human-constructed projection of the actor's sociality; communicative competence of the personality of the self-regulatory type is in demand in these interactions.

Keywords: artificial intelligence, communicative competence of the personality, communication, social communication, self-regulation of communicative competence of the personality, “artificial sociality”, “hybrid reality”, “artificial communication”.

For citation: Chankova E.V. Communicative competence of the personality in the era of artificial intelligence. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 3 (35): 28-34. (In Russ.)

Введение

В эпоху быстрых изменений во всех сферах жизнедеятельности человека повседневная жизнь индивида не только упрощается из-за новых технологий, но и усложняется из-за них же в вопросах организации своих социальных связей, требующих коммуникативных навыков. Сложность, в первую очередь, в том, что от индивида требуются личные усилия по созданию персонализированного комплекса, включающего способность изменять, переконструировать коммуникативные умения, адекватно соответствующим постоянно меняющимся технологиям [7]. Поскольку устойчивость и воспроизводимость общества, представляющего систему социальных связей, напрямую зависит от умения людей их устанавливать, то в условиях усложнения общества, в том числе за счет изменения и усложнения IT, особую роль начинает играть компетентность личности в построении социальных связей, компетентность в первую очередь в коммуникации. При этом под коммуникативной компетентностью подразумевается в наиболее общем виде «способность личности сохранять свою социальность» [13].

Из развивающихся сфер исследований искусственного интеллекта (далее –ИИ) рассмотрим социологические. Глухих В.А., Елисеев С.М., Кирсанова Н.П. указывают, что искусственный интеллект представляет собой «… алгоритмы или модели, созданные человеком, которые выполняют определенные задачи и помогают ему управлять конкретными процессами в различных сферах общества» [5]. Резаев В.П. и Трегубова Н.Д., раскрывая данное понятие, более конкретно формулируют задачи, выполняемые искусственным интеллектом: «Искусственный интеллект представляет собой ансамбль разработанных и закодированных человеком рационально-логических, формализованных правил, которые организуют процессы, позволяющие имитировать интеллектуальные структуры, производить и воспроизводить целерациональные действия, а также осуществлять последующее кодирование и принятие инструментальных решений вне зависимости от человека» [11].

Шмерлина И.А. пошла по пути обнаружения логических ошибок в самом термине искусственного интеллекта: «…понятие ИИ представляет собой, по сути, оксюморон, выстроенный на соединении соотносимого с человеком понятия интеллект и определении «искусственный», выводящим этот феномен за границы естественных человеческих свойств. Метафорическая условность данного понятия заключается в том, что речь идет не более чем об определенном сегменте познавательных способностей человека, связанном с рациональными и достаточно легко алгоритмизируемыми операциями логического вывода» [14].

«Будучи «познанием рассудочным», ИИ не способен прорваться к явлениям, которые познаются иначе, другими «опциями» и интенциональными порывами сознания – экзистенциально-мировоззренческими, эмоциональными, эстетическими, нравственными» [14, с. 7]. То есть, искусственному интеллекту человеком делегировано выполнение части действий, ранее выполняемых человеком. Данные действия определены программами, имитирующими интеллектуальные структуры. Человек тем самым отчуждает от себя как от сложной психобиосоциальной организации отдельные функции, которые можно обеспечить программой. Но, когда индивид начинает формулировать для ИИ задачи, получает ответы – начинается процесс, требующий исследования.

Формат, который мы можем видеть при работе индивида с искусственным интеллектом, имеет узнаваемую форму диалога, а, значит, социального взаимодействия как системы взаимообусловленных социальных действий. Индивид при контакте с ИИ использует конструкции, которые можно идентифицировать как социальное действие в веберовском понимании: «действие, направленное на другого и ориентированное по смыслу на этого другого» [4]. Например, типовая обучающая формулировка Тренажера, облегчающего пользователю поиск оптимальных языковых средств для постановки задачи для GPT: «Расскажи мне о самых специфических и узких понятиях, методах, авторских ноу-хау (если есть, то с указанием автора) и подходах в области [введите свою область]. Какие малоизвестные и специализированные аспекты существуют в [введите свою область]?» выглядит как формулировка, с которой актор обратится к собеседнику. Запрос имеет конкретный смысл и обращен к вопрошае-

мому [12]. Однако, наш вопрошаемый, то есть искусственный интеллект, не является человеком – то есть, исходя из определения социального действия, не является тем другим субъектом, на которого может быть направлено действие, отсутствует признак социальности.

Имеет место противоречие между параметрами IT, не имеющими социальную природу, и требованиями к коммуникативной компетентности личности в контакте с ИИ. Требует разрешения проблема соотнесения параметров интеракции «человек- ИИ» со структурой коммуникативной компетентности личности, вскрывающей потенциал ее для взаимодействия с ИИ.

В данной статье утверждается, что такая новейшая технология, как искусственный интеллект, требует категоризации контакта индивида и ИИ с позиции коммуникации и социальности, рассматривается, востребована ли коммуникативная компетентность личности в интеракции с ИИ.

Методы

Рассмотрим концептуальные основания коммуникативной компетентности, а также вытекающую из концепции и определения структуру коммуникативной компетентности личности; а также концепции, раскрывающие сущность искусственного интеллекта, имманентные характеристики природы контакта между человеком и искусственным интеллектом.

Феноменологическая теория А. Щюца [15], теория конструирования социальной реальности П. Бергера и Н. Лукмана [3] теория изменяющейся социальной реальности Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова [6] являются теоретико -методологическим основанием концепции коммуникативной компетентности личности. Данная концепция рассматривается как социальная реальность, являющаяся результатом субьективного отношения к обьективной действительности. Коммуникативная компетентность рассматривается как гибкий самонастраивающийся феномен, подверженный конструированию и саморегуляции. Построение социальной реальности связывается со смыслообразованием: «…устойчивость ценностно-смысловых факторов в регуляции определяет интерпретации реальности, представления о значимых событиях, жизненные выборы и в целом направленность социального поведения отдельных групп, отражая тем самым исторически сложившиеся образцы культуры» [6].

Смыслы, порождаемые коммуникативной деятельностью, не являются константой, а подвергаются пересмотру, переконструированию под влиянием изменения опыта индивида в ходе познания. Исходя из определения, «…под коммуникативной компетентностью личности в условиях изменяющейся социальной реальности понимается способность личности сохранять свою социальность посредством подвижных ценностей и конструирования гибкой, индивидуальной социокультурной нормы коммуникации, пластичных коммуникативных умений и вариативных способов поведения» [13] в структуре коммуникативной компетентности содержатся ценности, нормы, умения коммуникации, способы поведения, концепция жизненного мира.

Требует отдельного пояснения характер социокультурной среды, в которой происходит взаимодействие индивида с ИИ. Поскольку коммуникативная компетентность проявляется в разных социокультурных средах современного сложного общества, то приведенные ниже характеристики очерчивают следующие особенности коммуникативной компетентности:

- проявленность институциональных связей, регулирующих интеракцию. В среде с сильными институциональными связями, например, в межличностном взаимодействии, эта сила будет наиболее проявленной, нежели в виртуальной среде Интернет- пространства, где регулирующее воздействие институтов будет ослабленным, до полного размывания. В случае взаимодействия с ИИ фактор институциональности оказывается полностью отсутствующим.

- характер ценностно- нормативных структур, регулирующих взаимодействие. Напрямую связан со степенью устойчивости институтов, подвергающихся размыванию. В коммуникативной среде индивида с ИИ подвижный ценностно-нормативный контур является результатом саморегуляции индивида;

- наличие (отсутствие) готовых социокультурных форм взаимодействия. Здесь очевидна связь наличия готовых социокультурных форм с уровнем силы институционального влияния на коммуникацию. При взаимодействии с ИИ индивид вынужден создавать такие формы коммуникации, которые соответствуют запросу индивида и соответствуют алгоритмам программы ИИ. Создаются подобные формы обычно в виде постановки задач для ИИ. Имеют

особое значение принятые в культуре грамматические и синтаксические формы формулировки запроса, при этом данные формы не имеют готовых социокультурных статусных аналогов ввиду отсутствия социального статуса у ИИ;

- способы рационализации коммуникативного поведения акторами зависят от возможности применить определенную статусно-ролевую конструкцию. В случае невозможности применить статусно-ролевой формат, акторы вынуждены обращаться к иным, глубинным слоям культуры, отраженным в его социальной реальности как результате личного опыта (традиции, менталитет, архетип, габитус) [6]. Результатом рационализации будет соотнесение своего опыта с параметрами ситуации коммуникации и выбор наиболее подходящего из множества вариантов по своему выбору. В случае взаимодействия индивида с ИИ инициатором рационализации становится ИИ, требующий рационализации действий от индивида в усилиях по формулировке задачи для ИИ;

- способы построения личностью социальной реальности в итоге зависят от умения рефлексивно отнестись к подвижному характеру параметров коммуникации, умению создать адекватный для той пространственно-временной ситуации, в которой находится в данный момент актор, способ взаимодействия с ИИ;

- в зависимости от социокультурных параметров среды, в которой разворачивается коммуникация, выделяется два типа коммуникативной компетентности. Первый тип - институциональная, для межличностного взаимодействия, регулирующая интеракции на основе статусно-ролевого распределения ценностей, сохранения социального пространства и солидарности, выполнения участниками институциональных норм, социального контроля и социальных санкций. Для такого типа интеракций существуют готовые социокультурные формы в статусно-ролевых конструкциях.

Второй тип коммуникативной компетентности – саморегуляционный, для ситуаций, созданных виртуальной реальностью. Ценности, нормы, умения в данном типе носят подвижный пластичный характер, что ведет к невозможности использовать готовые социокультурные формы интеракции. Саморегуляция проявляется в необходимости самостоятельного конструирования способа взаимодействия. В подобном случае индивид обращается не к институциям, а глубинным слоям культуры, проявляющим себя в менталитете, архетипах, стереотипах в форме личного опыта.

Для анализа проявления характера коммуникативной компетентности личности в интеракции с ИИ использован метод контент- анализа на примере инструкций- памяток тренажера «Техники для Chat GPT, которые помогут получать хорошие ответы».

Результаты

Рассмотрим на примере тренажера «Техники для Chat GPT, которые помогут получать хорошие ответы» [12] примеры рекомендаций для формулировок постановки задачи для искусственного интеллекта с позиции структуры коммуникативной компетентности актора:

Объясни, как работает [название подхода или метода] в контексте [конкретный аспект, применение или отрасль]. Какие примеры успешного применения и лучшие практики существуют?

Концепция жизненного мира личности актора связана с представлением о мире как изменяющемся, имеющим нелинейные параметры функционирования и развития, в отличие от концепции жизненного мира как структурированного и стабильного в межличностном реальном взаимодействии. Появление ИИ связано с идеей быстрой обработки растущих объёмов информации, стимулирующих нелинейные процессы.

Ценности создающего контент автора носят выраженный инструментальный характер (в отличие от терминальных ценностей межличностной коммуникации), поскольку сама решаемая с помощью ИИ задача носит инструментальный характер. Отметим, что носителем инструментальных ценностей является только человек. ИИ- вне ценностной сферы.

Норма коммуникации отчасти предлагается тренажером, задавая синтаксическую и грамматическую форму обращения и формулировки задачи, тем самым предлагая индивиду в дальнейшем самостоятельно конструировать норму коммуникации с искусственным интеллектом. Конструктором нормы является индивид, ИИ является проекцией нормы коммуникации.

Умения коммуникации и способы реализации коммуникативного поведения также

предлагаются тренажером. Предлагаемый в инструкции алгоритм ориентирует индивида на рационализацию выбора речевых паттернов из возможных в данной ситуации. Ситуация интеракции индивида и ИИ – зона целерационального типа действия.

Социальная реальность индивида во взаимодействии с искусственным интеллектом создается им основе предыдущего опыта интерсубьективности, отрефлексированного и рационализированного, является результатом саморегуляции. ИИ является проекцией опыта интерсубьективности индивида.

Все элементы структуры коммуникативной компетентности личности функционируют для индивида во взаимодействии с ИИ в полном объёме.

Насколько же данный контакт является социальной коммуникацией, и само пространство их контакта – социальным – рассмотрим далее.

Обсуждение

Особого внимания заслуживает трактовка пространства, в которой происходит взаимодействие индивида и искусственного интеллекта.

Наиболее часто встречающиеся трактовки пространства встречи человека и ИИ – искусственная социальность (Т. Мальш, А.В. Резаев.), искусственная коммуникация (Е. Эспозито), гибридная реальность (Б. Латур).

Термин «искусственная социальность» предложен группой ученых с Т. Малышем во главе. «Искусственная социальность» представлена как «…коммуникативная сеть, в которой, наряду с людьми, иногда вместо людей, участвуют другие агенты (искусственный интеллект), а средой взаимодействия является интернет» [10]. Данное определение дополнено А.В. Резаевым: «Искусственная социальность представляет собой эмпирический факт участия агентов ИИ в социальных взаимодействиях в качестве активных посредников или участников этих взаимодействий» [10]. По мнению Глухих В.А., Елисеева С.М. и Кирсанова Н.П., данное утверждение требует дополнительной проверки, что указывает на полемичность вопроса.

Термин «искусственная коммуникация» возникает в ходе осмысления Е. Эспозито теории социальных систем Н. Лумана. Согласно Н. Луману, «… коммуникация начинается не там, где кто-то что-то сообщает, а там, где кто-то воспринимает нечто как сообщение» [9]. Из этого следует, что, если сказанное никто не услышал - коммуникация не состоялась. Если же кто-либо услышал несказанное на самом деле – коммуникация, по Н Луману, состоялась. Таким образом, теория Н. Лумана позволяет идентифицировать функционирование алгоритмов ИИ как коммуникацию, когда этап создания смыслов для их размещения в сообщении становится не столь значимым. Чтобы создать условия для коммуникации - достаточно обеспечить данные в виде сообщения для восприятия людьми.

По мнению Б. Латура, «реальность, в которой живет человек, является многоуровневой, гибридной» [8]. Глухих В.А., Елисеев С.М., Кирсанова Н.П. утверждают, что «гибридная (смешанная) реальность создает виртуальные образы в пространственно-временных границах социальной реальности, визуализирует и закрепляет их расположение в соответствии с предметами реального пространства, так, чтобы видящий их пользователь воспринимал их как реальные. Пользователь продолжает взаимодействовать с реальным миром, в котором присутствуют поражающие своей «натуральностью» виртуальные объекты» [5].

Шмерлина И.А. утверждает, что «…если понимать ИС (искусственную социальность) как наличие не-человеческого посредника в человеческих взаимодействиях, то быстро возникает понимание того, что разного рода искусственные посредники всегда и неизбежно присутствуют в социальном общении людей. Эти посредники могут иметь вещественную или идеальную природу, что не принципиально, – речь идет о культуре в широком смысле этого понятия» [14]. Следуя за логикой автора, можно рассуждать, что и язык, которым пользуются в коммуникации, и программа для ИИ – в равной степени являются посредниками в социальных интеракциях.

Соотношение понятий виртуальной реальности и искусственного интеллекта требуют специального рассмотрения, но для отдельных авторов данное терминологическое разнообразие трактуется как отсутствие методологии исследования ИИ.

Алексеевым С.А. и Никитиной Т.Н. отмечается, что «…в недостаточной степени в научной литературе представлена методология исследования влияния ИИ на социальные процессы. Осмысление ИИ как социального феномена и цифрового концепта предполагает напол-

нение методологии научного исследования теоретическими положениями интегративного подхода. Социология искусственного интеллекта, в первую очередь, обрастает научными изысканиями социологии коммуникаций, социологии молодежи, социологии образования и т.д. однако пока в современных социологических концепциях не сложилось однозначного взгляда на природу и особенности влияния ИИ в социологии» [2].

То есть, вопрос, насколько сегодня возможно однозначно категоризировать интеракции ИИ с человеком – носит открытый характер и дискуссионен.

В вопросах категоризации данного пространства и взаимодействия в нем представляется значимым сопоставить понятия «коммуникация» и «социальная коммуникация». Если сущность коммуникации проявлена в признаке «обмена чем-либо», в нашем случае- информацией, то взаимодействие индивида и ИИ является коммуникацией. Рассуждая о социальности, следует иметь ввиду признаки веберовского понимания социального действия: направленность на другого (человека, не машину), наличие смыслов, ориентированных на этого другого. На наш взгляд, участники интеракции «человек – ИИ» не соответствуют этим признакам в полной мере: порождение смыслов возможно только со стороны личности, направленность на другого соблюдается только со стороны ИИ. Смысловое пространство обеспечивает только личность, искусственный интеллект лишь способен отражать в синтаксических и грамматических конструкциях, имеют ли смысл сообщения индивида. Если сообщения индивида имеют смысл (инструментальный), это проявляется в содержании и формулировке задачи, которую может решить искусственный интеллект. Именно в этом, с позиции концепции социального действия и социальной коммуникации, специфически проявляется социальность ИИ, которая имеет сконструированный программой характер. Представляется логичным говорить о сконструированной, сгенерированной социальности ИИ. В этом смысле термин «искусственная» социальность является близким по значению. С позиции феноменологии база данных, которую анализирует ИИ для выполнения поставленной задачи, представляет собой совокупность прежде созданных содержаний. данная операция содержит в том числе типизацию, напоминающую своеобразную познавательную деятельность, где цель деятельности ставит человек. А социальная реальность искусственного интеллекта является проекцией социальности актора и носит сконструированной программой характер, сутью которой он является.

Таким образом, взаимодействие индивида и ИИ является коммуникацией. Социальность же данной коммуникации носит сгенерированный человеком характер. Саморегуляционный тип коммуникативной компетентности личности носит выраженный характер. Очевидно, что коммуникативная компетентность личности все социальности невозможна.

Заключение

Исследователи с тревогой пишут о замыкании людей внутри «информационных пузырей», атомизации общества и «экзистенциальных рисках одиночества субъекта», цифровом аутизме и нарциссизме, «эффектеGoogle», утрате человеком центральной позиции в социальном и природном космосе и прежней идентичности [14].

Но во взаимодействии с ИИ от индивида требуется выход на более высокий уровень коммуникативной компетентности. Он связан с умениями саморегуляции своей коммуникативной деятельности, опирающейся не на готовые поведенческие образцы, а глубинные культурные структуры, умением управлять «диалогом» с ИИ, необходимостью рефлексии коммуникации. ИИ является целерациональной проекцией коммуникативной компетентности личности. Качество этой проекции имеет прямую зависимость от уровня коммуникативной компетентности личности.

Несмотря на спорный характер категоризации пространства, в котором индивид решает свои задачи с помощью искусственного интеллекта, вопрос востребованности коммуникативной компетентности индивида очевиден. Также очевидно, что вне социальности, которую обеспечивает коммуникативная компетентность, последняя невозможна. Можно сделать вывод о том, что и для сконструированной, сгенерированной социальности саморегяционный тип коммуникативной компетентности личности востребован в полной мере.

Литература:

1. Адамьянц Т.З. Социальные коммуникации: учеб.пособие для вузов/Т.З. Адамьянц.- М.:Дрофа, 2009.- 203.
2. Алексеев С.А., Никитина Т.Н. Методологические основания исследования искусственного интеллекта.//Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4.С. 219-223.DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-291-223
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. /Пер. Е.Д. Руткевич.- М.: Медиум, 1995.-323 с.
4. Вебер М. Избранное. Образ общества. / Макс Вебер, перевод с немецкого.- Москва: Юрист.1994.-704 с.
5. Глухих В.А., Елисеев С.Ю., Кирсанова Н.П. Искусственный интеллект как проблема современной социологии.//Дискурс. 2022. Т.8.№ 1. С. 82-93. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-82-93.
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров.- Москва: Норма, 2020.- 304 с.
7. Кирилина, Т. Ю. Человек в цифровом обществе: риски и перспективы / Т. Ю. Кирилина, И. В. Сахневич // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы : Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: ООО Издательский дом "Сциентиа", 2023. – С. 825-827. – EDN BJZJOC.
8. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию/ пер. с англ. И.Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. Дом ВШЭ. 2014.-384 с.
9. Луман Н. Общество как социальная система. -М.: Издательство «Логос». 2004. – 232 с.
10. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Искусственный интеллект», «Онлайн-культура», «Искусственная социальность»: определение понятий. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6(154). С. 35-49. DOI: 10.14515/ 2019.6.03
11. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. От социологии к новой социальной аналитике: кризис социологии и проблема искусственного интеллекта. // Социологическое обозрение. 2021. Т.20.№ 3. С. 280-301.
12. Техники для Chat GPT, которые помогут получать хорошие ответы. [Электронный ресурс].- URL: https://h7team.ru/item/517/ (дата обращения 10.09. 2025 г.)
13. Чанкова Е.В. Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности: дис. …д-ра социол.наук: 22.00.06/ Чанкова Елена Вадимовна.- М., 2018.- 376 с.
14. Шмерлина И.А. Искусственная социальность в свете старых и новых теоретико- методологических подходов. //Социологические исследования. 2024. №1.С. 5-14. DOI: 10/31857/ S0132162524010016
15. Щюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн.ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2023.- 336с.

5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316

ОБ АВТОРЕ:

Васильева Елена Юрьевна,
действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, Аппарат Правительства Российской Федерации, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Vasilyeva Elena Yu.,
Actual State Counselor of the Russian Federation, 3rd class, Government staff of the Russian Federation, Moscow, Russia

Васильева Е.Ю.

Проблемы жилищного обеспечения детей-сирот: социологический анализ

В статье анализируются вопросы жилищного обеспечения детей-сирот. Основными методами исследования являются анкетный опрос детей-сирот и экспертный опрос сотрудников органов опеки и попечительства. На основе результатов исследования делается вывод о наличии существенных дисбалансов в системе жилищного обеспечения детей-сирот, нарушении гарантированных государством прав на получение жилья. Длительное ожидание своей очереди на получение жилья ограничивает шансы детей-сирот в реализации успешных жизненных траекторий. В статье предлагаются меры, снижающие остроту жилищной проблемы выпускников интернатных учреждений.

Ключевые слова: дети-сироты, жилье, жилищная депривация, опека и попечительство.

Для цитирования: Васильева Е.Ю. Проблемы жилищного обеспечения детей-сирот: социологический анализ // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С. 35-41.

PROBLEMS OF HOUSING FOR ORPHANS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Vasilyeva E.Yu.

The article analyzes the issues of housing provision for orphans. The main research methods are a questionnaire survey of orphans and an expert survey of employees of guardianship and trusteeship authorities. Based on the results of the study, a conclusion is made about the presence of significant imbalances in the system of housing provision for orphans, violation of the rights guaranteed by the state to receive housing. A long wait for their turn to receive housing limits the chances of orphans in implementing successful life trajectories. The article proposes measures to reduce the severity of the housing problem of graduates of boarding schools.

Keywords: orphans, housing, housing deprivation, guardianship and trusteeship.

For citation: Vasilyeva E.Yu. Problems of housing for orphans: sociological analysis. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii.* 2025; 3 (35): 35-41. (In Russ.)

Введение. Дети-сироты нуждаются в особой защите и заботе со стороны государства, поскольку представляют собой наиболее уязвимую социальную группу. При выходе из интернатного учреждения дети-сироты сталкиваются с целым спектром проблем, которые ограничивают их возможности в достижении целей социального благополучия. В частности, имеются сложности с получением стабильного дохода, качественного образования, организации быта и отдыха. При этом жилищная проблема занимает центральное место в системе социального обеспечения детей-сирот, выступает фундаментом для реализации жизненных планов.

В связи с данными обстоятельствами, в законе Российской Федерации закреплены дополнительные социальные гарантии для детей-сирот в части прав на образование, медицину, труд, а также на имущество и жилое помещение. В частности, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, региональные органы власти обязаны предоставить жилье по договору найма. Однако, реализация данных гарантий на практике существенно затруднена. Так, Счетная Палата РФ регистрирует отрицательную динамику численности детей-си-

рот, которые не смогли получить квартиру в установленные сроки. В 2021 году численность составляла около 201 тыс. человек, тогда как в 2022 уже 288 тыс. человек. Отрицательная динамика свидетельствует об актуализации проблемы жилищного обеспечения детей-сирот, определенных просчетах в действиях региональных властей, бездействие которых в данном случае приводит к серьезным социальным вызовам. Дополнительной проблемой является тот факт, что значительная часть решений принимается по судебным решениям. Обращение в суд вызвано длительным ожиданием жилья. Так, по данным Счетной Палаты, средний срок ожидания составляет 7 лет, что инициирует формирование ситуации жилищной депривации детей-сирот.

Согласно действующему законодательству, обеспечение сирот жильем является полномочием субъектов Российской Федерации. Однако регионы не стремиться наращивать объемы финансирования для решения данной проблемы. В ряде случаев, субъекты Российской Федерации отмечают, что приоритетное обеспечение сирот жильем может вызвать социальную напряженность в регионе, в частности, среди многодетных семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, которых в целом по Российской Федерации насчитывается порядка 1,5 миллионов, что в 5,4 раза выше численности сирот, нуждающихся в обеспечении жильем.

Жилищная депривация существенным образом усложняет для детей-сирот процессы реализации их насущных потребностей, в частности, устройство на работу, организацию быта, получение качественного образования [10]. Отсутствие семейной поддержки, недостаточность участия «социально значимых взрослых» в процессе взросления детей-сирот выступают дополнительными факторами минимизации социального благополучия [6]. В этих условиях отсутствия жилья является не просто временным затруднением, а масштабным личностным кризисом, в котором ребенку-сироте приходится бороться за свое выживание. Надо отметить, что жилищная депривация не только ограничивает ресурсы детей-сирот в плане реализации жизненных шансов, но формирует отрицательный вектор мотивации, усиливает риски маргинализации. Российские ученые говорят о том, что социализация в интернатных учреждениях сопровождается снижением адаптационных ресурсов детей-сирот [3], отсутствием устойчивых сетей социальной поддержки [11].

Методы. В ходе работы над статьей использовались общенаучные и специальные методы исследования. Анализ документов, статистики был дополнен социологическими методами. В целях изучения проблем жилищного обеспечения детей-сирот, определения новых путей их решения был проведен опрос экспертов. Экспертами выступили сотрудники органов опеки и попечительства в субъектах РФ, общее число опрошенных составило 694 человека. Полученные данные сравнивались с результатами опроса детей-сирот, респондентами в данном случае являлись выпускники интернатных учреждений, достигших совершеннолетия. Число опрошенных составило 3868 человек. Кроме того, в целях выработки предложений, направленных на решение жилищной проблемы детей-сирот, был проанализирован зарубежный опыт в данной сфере.

Результаты.

Результаты опроса экспертов показали, что 40,9% сотрудников органов опеки и попечительства считают проблему жилищного обеспечения детей-сирот крайне острой, еще треть выставили средние оценки ее значимости (рис 1.).

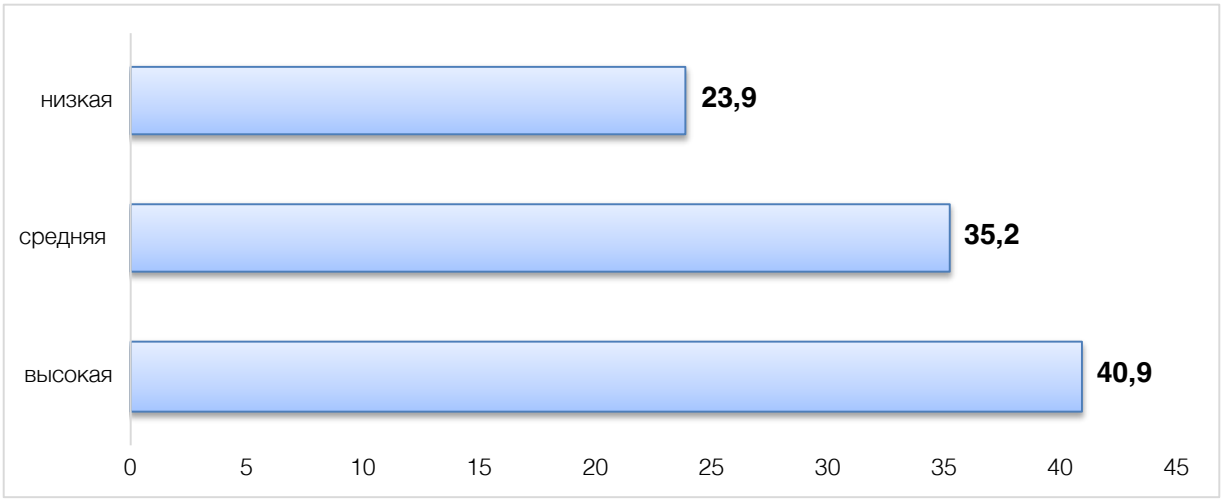

Рисунок 1. Отражение остроты проблемы жилищного обеспечения детей-сирот в ответах экспертов, %

Каждый четвертый эксперт признал, что срок ожидания в очереди на жилье составляет более 5 лет. Аналогичная картина прослеживается в ответах детей-сирот. Указанные обстоятельства характеризуют проблему как крайне острую. Российские ученые справедливо отмечают, что отсутствие жилья как базового фундамента в жизни формирует ситуацию «умножения депривации» [7]. В течение длительного срока ожидания своей очереди на получение жилья дети-сироты, которые не имеют возможности проживать в родительской квартире, в буквальном смысле слова оказываются в социальном вакууме. Насущная потребность в поиске временного жилья отодвигает на второй план такие важные задачи для молодого человека, как получение качественного образования, личностное развитие, построение карьеры. Дети-сироты в ситуации отсутствия жилья вынуждены прибегать к тем видам занятости, которые позволяют поддерживать минимальный уровень социальной достаточности – оплачивать аренду комнаты/квартиры, продукты питания. Совмещать такой вид занятости с учебой представляется крайне затруднительным решением.

По сути, отсутствие жилья закрепляет детей-сирот в статусе «андеркласса, которому доступна только малая доля социальных гарантий» [4]. Дети-сироты, изначально относящиеся к группе риска, оказываются в ситуации, где их права нарушены. Можно предположить, что такие условия демотивируют выпускников интернатных учреждений, снижают их социальный оптимизм. Результаты исследования показали, что только 14.1% детей-сирот оценивают свое материальное положение как «хорошее».

В ходе исследования экспертам был задан вопрос о перечне мер поддержки, которые осуществляются в органах опеки и попечительства. Надо отметить, что чаще всего осуществляется информационное консультирование детей-сирот по вопросам получения жилья. Так, 68,7% экспертов выбрали вариант «всегда» по данному критерию. При этом вызывает тревогу тот факт, что 16,7% отметили об оказании информационной поддержки только «в случае необходимости». Можно предположить, что дети-сироты, оказавшись вне стен интернатных учреждений и поддержки «социально значимых взрослых», заведомо нуждаются в подробном разъяснении ситуации, понимания прогнозов дальнейшего развития ситуации.

Сотрудники опеки отметили также, что «всегда» реализуется мера, направленная на помощь при подготовке комплекта документов на получение жилья. В данном контексте результаты исследования выглядят вполне закономерными, учитывая функционал работы органов опеки и попечительства. Только 12,4% экспертов выбрали вариант ответа «в случае необходимости» по данному критерию.

Отметим, что сравнение с ответами детей-сирот показывает устойчивую потребность в данных мерах поддержки. Дети-сироты оценили значимость информационного консультирования и документационного сопровождения как крайне высокую. Аналогичные выводы прослеживаются и в других исследованиях. Так, Н.В. Шишпанова отмечает заявительный характер процедур получения жилья [13]. Соответственно, дети-сироты должны получать исчерпы-

вающую информацию в данной сфере, понимать специфику документационного сопровождения. Т.Н. Ракина отмечает наличие слабой правовой грамотности детей-сирот, их уязвимость в процессе работы с информационными системами [8]. Можно предположить, что органы опеки, находясь в непосредственном контакте с детьми-сиротами, должны выступать в роли социального наставника, помогая выпускникам интернатных учреждений в реализации их жилищных прав.

Рассмотрим ситуацию с такой мерой поддержки, как помощь в подготовке документов при обращении в суд. «Всегда» ее оказывают только 51,7% опрошенных экспертов, 14,3% - «иногда», 25,1% - «в случае необходимости», остальные выбрали варианты ответа «затрудняюсь» и «никогда». Как уже отмечалось выше, зачастую обращение в суд является для ребенка-сироты единственной альтернативой получения жилья. Можно предположить, что сотрудники опеки, взявшие на себя роль «социально значимых взрослых», в данной ситуации должны выступать на стороне ребенка, принимая на себя ответственность за реализацию его жилищных прав. В то же время, справедливо было бы отметить, что в ряде регионов (например, Москва и Московская область) ситуация не требует реализации кардинальных мер и поиска судебной защиты. Региональные органы власти в данных субъектах своевременно предоставляют жилье выпускникам интернатных учреждений. Региональная дифференциация объясняет разницу в ответах экспертов, где юридическая помощь детям-сиротам, действительно, может быть не востребована в виду эффективной работы органов власти по жилищному обеспечению.

В значительно меньшей степени сотрудники опеки оказывают психологическую помощь детям-сиротам. Только 43,1% делают это «всегда», 26,9% - «в случае необходимости» (рис.2).

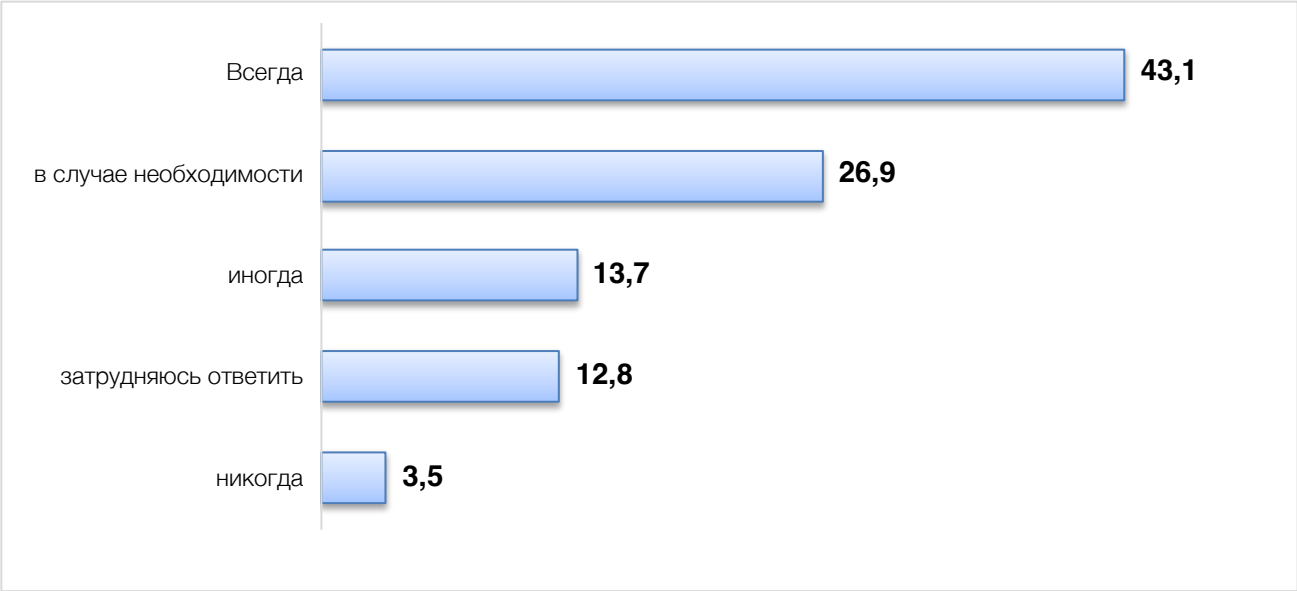

Рисунок 2. Частота оказания психологической поддержки детям-сиротам в оценках экспертов, %

Полученные данные могут косвенным образом свидетельствовать о дефиците мер психологической поддержки детей-сирот в наиболее трудный для них период выхода из интернатного учреждения. В то же время надо отметить, что сотрудники органов опеки испытывают значительную нагрузку, что не позволяет в полной мере быть вовлеченным в практики психологического консультирования. Дополнительной проблемой может являться отсутствие специального образования у сотрудников опеки, представляется целесообразным расширить данный функционал за счет введения дополнительных штатных единиц. В научной литературе подчеркивается необходимость повышения квалификации, методической поддержки сотрудников органов опеки и попечительства [9], совершенствование управленческих механизмов [1]. Особое внимание российские ученые обращают на комплексный характер мер социальной поддержки, интеграцию таких направлений деятельности, как диагностика, мониторинг,

консультирование и профилактика [12].

Надо отметить, что некоммерческие организации в большинстве своем не восполняют дефицита мер психологической и правовой поддержки детей-сирот. Эксперты в ходе исследования оценили уровень их включенности в минимальном диапазоне. В то же время ученые отмечают, что роль некоммерческих организаций в процессах постинтернатного сопровождения может быть наиболее эффективной, обеспечивать восполнение социально-психологических дефицитов детей-сирот [14]. Перспективным направлением их включенности в расширение адаптационного потенциала и ресурсных возможностей детей-сирот могли бы стать следующие: помощь в трудоустройстве, психологическое консультирование, наставничество [5].

Для оценки возможных перспектив решения «квартирного» вопроса экспертам было предложено оценить эффективность такой меры, как выделение социального жилья, в котором можно проживать, но оно не подлежит приватизации. Данная практика реализуется в зарубежных странах, при этом приобрести социальное жилье можно спустя 5 лет его использования, в том числе с помощью льготных государственных кредитов с минимальным процентом. Результаты исследования показали, что четверть экспертов (26,4%) посчитали данную меру нецелесообразной. Для сравнения: дети-сироты менее категоричны в этом вопросе, только 17,4% не поддерживают такой вариант решения жилищной проблемы.

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос о степени поддержки мер предоставления социального жилья (можно пользоваться всю жизнь, но оно не подлежит приватизации)

Обсуждение.

Результаты исследования показали, что острота «квартирного вопроса» является крайне высокой. Как эксперты, так и дети-сироты подчеркивают сложности реализации гарантированного государством права на жилье. Долгие сроки ожидания квартиры порождают целый спектр проблем, связанных с получением качественного образования, работы, медицинских услуг. Дети-сироты в условиях жилищной депривации минимизируют свои шансы на достижение социального благополучия [2].

Таким образом, результаты исследования показывают, что решение проблемы должно быть ориентировано на поиск новых форм и методов обеспечения жильем детей-сирот. Как эксперты, так и дети-сироты не отвергают идей социального найма. По мнению большинства опрошенных данная мера представляется целесообразной, если позволит решить проблему длительного ожидания.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть опыт Республики Беларусь, где уже реализуются аналогичные решения. Так, улучшить жилищные условия детям-сиротам в Беларуси предлагается несколькими способами. Во-первых, это получение социального

жилья соком на 5 лет. Во-вторых, получение арендного жилья. Такое жилье подлежит включению в состав социального и плата за его пользование не взимается. В-третьих, воспользоваться государственной поддержкой, а именно, льготным кредитом под 1% на 40 лет и одноразовой субсидией на строительство или приобретение жилья. При этом льготный кредит на приобретение жилья сирота может получить, пока квартира закреплена за ними. Условия предоставления льготного кредита такие же, как и для многодетных семей: 40 лет под 1% годовых.

Учитывая временный лаг между выходом из интернатного учреждения и получением жилья, предлагается формировать «буферные зоны» временного пребывания детей-сирот. Такие буферные зоны могу создаваться, как на базе интернатных учреждений, так и организаций среднего профессионального и высшего образования (в случае поступления ребенка-сироты), использующих общежития. Размещение в буферных зонах не должно ограничиваться исключительно решением жилищного вопроса, внимание необходимо уделять восполнению психологических, правовых дефицитов в образовании детей-сирот.

Заключение.

Результаты исследования указывают, что в современных условиях дети-сироты оказались в весьма уязвимой позиции. Выход из интернатного учреждения, сопровождающийся проблемами самостоятельного жизнеобеспечения, зачастую усложняется отсутствием жилья. Временной лаг между выходом из интернатного учреждения и получением жилья зачастую составляет более 5 лет, что формирует ситуацию жилищной депривации, ограничивает жизненные шансы детей-сирот в достижении социального благополучия.

Органы опеки и попечительства, находясь в непосредственном контакте с детьми-сиротами, оказывают им дифференцированные меры поддержки, однако они не позволяют в полной мере компенсировать риски жилищной депривации. Высокая организационная нагрузка на органы опеки и попечительства снижает их потенциал в оказании психологической, юридической поддержки. Некоммерческие организации в свою очередь в большей степени сосредоточены на проблемах устройства в семью детей-сирот, в то время как выпускники интернатных учреждений оказываются вне зоны их внимания.

Ситуация жилищной депривации требует поиска альтернативных решений, снижающих остроту проблемы, риски социальной маргинализации детей-сирот. В ходе исследования, как эксперты, так и дети-сироты оценили возможность предоставления социального жилья как альтернативной меры избавления от длительных очередей. Аналогичный опыт используется в Республике Беларусь, при этом предлагаются вариативные, гибкие меры решения квартирного вопроса. На основании проведенного анализа представляется целесообразным использовать практики социального найма жилья без ограничений его приватизации, однако, с предоставлением возможности выкупа по истечении 5 лет. На ряду с использованием практик социального найма, крайне востребованной является мера по предоставлению временного жилья детям-сиротам.

Литература:

1. Антипова Е.И., Лапшина Н.Д. Инновационные технологии социальной работы: социальный контракт и приемные семьи (опыт Челябинской области) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. №4. С. 197-210.

2. Васильева Е.Ю., Фролова Е.В., Рогач О.В. Жилищное обеспечение детей-сирот: проблемы социальной поддержкии ресурсные возможности // Журнал исследований социальной политики. 2023. №21(2). С. 213-230. DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-213-230

3. Герцик В.В. Технологии, основанные на отношениях заботы и педагогической поддержки в постинтернатном сопровождении детей-сирот // Мир науки, культуры, образования. 2019. №5(78). С. 179-180. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-0007

4. Косарецкий С. Г., Пинская М. А., Груничева И. Г. Проблемы бедности и доступа к образованию. Оценка ситуации в России и международный опыт // Мир России. Социология. Этнология. 2014. №23(2). С. 133-153.

5. Кузина И.Г., Стекольщикова А.А. Социальная адаптация выпускников центров содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №11. С. 21-24.

6. Москвитина Н.В., Загвоздина М.Ю. Совершенствование государственной жилищной политики в Иркутской области // Социология. 2020. №4. С. 60-73

7. Мохнаткина К. В. Пространственно-физическая депривация россиян: кластерный анализ // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. № 17(4). С. 394-399. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-394-39

8. Ракина Т.Н. Обеспечение жилым помещением детей, оставшихся без попечения родителей, детей-сирот // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2021. №22. С.110-118.

9. Тхабисимова Л.А., Тепсуев М.С. Гарантии жилищных прав детей-сирот в Российской Федерации: закон и практика // Социально-гуманитарные знания. 2017. №12. С. 158-166.

10. Фролова Е.В., Рогач О.В., Васильева Е.Ю. Дисфункции жилищного обеспечения детей-сирот как фактор их социальной эксклюзии // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 60-70. DOI: 10.31857/S013216250018695-7

11. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Переход к взрослой жизни молодых людей, имеющих опыт институциональной заботы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №3(157). С. 94-118. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1618

12. Шадский О.Г., Деева Е.В., Болдина М.А. Сопровождение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в системе подготовки к самостоятельной жизни как технология социально-педагогической работы // Социальная педагогика. 2018. №1. С. 113-120.

13. Шишпанова Н. В. Право на жилье в общей характеристике прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №10(4). С. 162-165. https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-11182

14. Sahin, E., Dagli, T.E., Acarturk, C., Dagli, F.S. Vulnerabilities of Syrian refugee children in Turkey and actions taken for prevention and management in terms of health and wellbeing // Child abuse & neglect. 2021. No. 1.

УДК 316

ОБ АВТОРАХ:

Демидов Аркадий Владимирович,
аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Российский Биотехнологический Университет, Москва, Россия.

Юдина Татьяна Николаевна,
доктор социологических наук, профессор, Российский Биотехнологический Университет, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

Demidov Arkadiy V.,
postgraduate student of the Department of Social and Humanities, Russian Biotechnological University, Moscow, Russia

Yudina Tatiana N.,
PhD of Sociological Sciences, Professor, Russian Biotechnology University, Chief Researcher, Institute of Demographic Studies, FNISC RAS, Moscow, Russia

Демидов А.В., Юдина Т.Н.

Социальные технологии как фактор устойчивого развития средних городов: управленческий потенциал и ограничения

Цель статьи – анализ социальных технологий управления городами на муниципальном уровне и выявление их управленческого потенциала и ограничений для устойчивого развития средних городов. Определены шесть социальных технологий, реализующихся на территории муниципальных образований Российской Федерации. Представлена авторская модель социальных технологий устойчивого развития средних городов Центральной России. Определены методологические принципы применения социальных технологий администрациями муниципальных образований. Выявлены управленческие особенности и существующие ограничения в применении органами муниципальной власти средних городов социальных технологий. Авторами проанализированы результаты социологических опросов по устойчивому развитию средних городов и опыт реализации муниципальных программ в муниципальных образованиях. В заключении даны рекомендации по применению социальных технологий в средних городах Российской Федерации.

Ключевые слова: социальные технологии, устойчивое развитие, средние города, органы местного самоуправления, муниципальная власть.

Для цитирования: Демидов А.В., Юдина Т.Н. Социальные технологии как фактор устойчивого развития средних городов: управленческий потенциал и ограничения // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С. 42-52.

SOCIAL TECHNOLOGIES AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MEDIUM-SIZED CITIES: MANAGEMENT POTENTIAL AND LIMITATIONS

Demidov A.V., Yudina T.N.

The aim of the article is to analyse social technologies of urban management at the municipal level and to identify their managerial potential and limitations for sustainable development of medium-sized cities. Six social technologies implemented in the territory of municipalities of the Russian Federation are identified. The author's model of social technologies for sustainable development of medium-sized cities in Central Russia is presented. The methodological principles of social technologies application by municipal administrations are defined. The authors identify managerial peculiarities and existing limitations in the application of social technologies by municipal authorities of medium-sized cities. The authors analysed the results of sociological surveys on the sustainable development of medium-sized cities and the experience of implementing municipal programmes in municipalities. The authors conclude with recommendations on the application of social technologies in medium-sized cities of the Russian Federation.

Keywords: social technologies, sustainable development, medium-sized cities, local self-government authorities, municipal authorities.

For citation: Demidov A.V., Yudina T.N. Social technologies as a factor of sustainable development of medium-sized cities: management potential and limitations. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 3 (35): 42-52. (In Russ.)

Введение

Средние города Центральной России сегодня должны быть центрами устойчивого развития, обеспечивающими высокое качество жизни населения, экономический рост, экологическую безопасность и социальную стабильность. Они должны стать привлекательными для проживания, инвестиций и трудовой деятельности, что позволит сократить миграционный отток и создать условия для самореализации жителей.

Однако, в настоящее время средние города Центральной России сталкиваются с социально-экономической стагнацией, недостатком инвестиций, низким уровнем развития инфраструктуры и ухудшением качества жизни. Это приводит к миграционному оттоку населения, особенно молодежи, и усилению дисбаланса между крупными и средними городами.

Таким образом, сегодня существует социальное противоречие между необходимостью устойчивого развития средних городов Центральной России как центров экономической, социальной и экологической стабильности и их реальным состоянием, характеризующимся социально-экономической стагнацией, низким качеством жизни и миграционным оттоком населения.

Одним из методов разрешения данного противоречия является необходимость активного применения социальных технологий для обеспечения устойчивого развития средних городов.

Авторы статьи исходили из следующего понимания социальных технологий в управлении. Исследователи в области управления Потемкин В.К. и Вельмисова Д.В. считают, что социальные технологии в системе управления представляют собой «социоуправленческие механизмы регуляции взаимоотношений между участниками совместной управленческой деятельности, которые оптимизируют операционную функциональность и стабильность организации (ее процессов), а также создают потенциал модернизации системы управления и качественного улучшения социальных результатов принимаемых управленческих решений» [5, с. 7].

Гончарова И.В. объясняет детерминирующую роль социальных технологий в устойчивом развитии государства и общества: «применение социальных технологий подразумевает борьбу с голодом, построение общества лишенного неравенства, бедности, голода, с городами с развитой инфраструктурой и качественным образованием, стремлению к социальному балансу и социальному равноправию [3, с. 96].

Немецкий исследователь Беттина Лейбецедер в статье про критический взгляд на социальные технологии определяет социальные технологии в управлении как «специфические отношения экспертных полномочий и политики: социальные технологии служат связующим звеном между экспертизой и политикой, они переносят экспертизу на политические действия и могут привести к ситуации экспертных полномочий над политикой» [10, p. 11].

Субъектом исполнения в применении социальных технологий для обеспечения устойчивого развития в муниципальных образованиях средних городов являются органы местного самоуправления администраций муниципальных образований.

Итак, цель данной статьи – анализ управленческого потенциала и ограничений социальных технологий управления городами на муниципальном уровне для устойчивого развития средних городов.

Методика. Для достижения основной цели исследования была разработана авторская концептуальная модель современных социальных технологий, которая может быть использована органами местного самоуправления для обеспечения устойчивого развития средних городов. Модель включает в себя 6 социальных технологий, ставящих перед собой обеспечение достойного уровня жизни для населения среднего города:

- Социальная технология краудсорсинга (вовлечения населения);
- Социальная технология социального проектирования;
- Социальная технология реализации муниципальных программ в муниципальных образованиях;
- Социальная технология электронной обратной связи;
- Социальная технология кадрового резерва;

Социальная технология гражданского контроля.

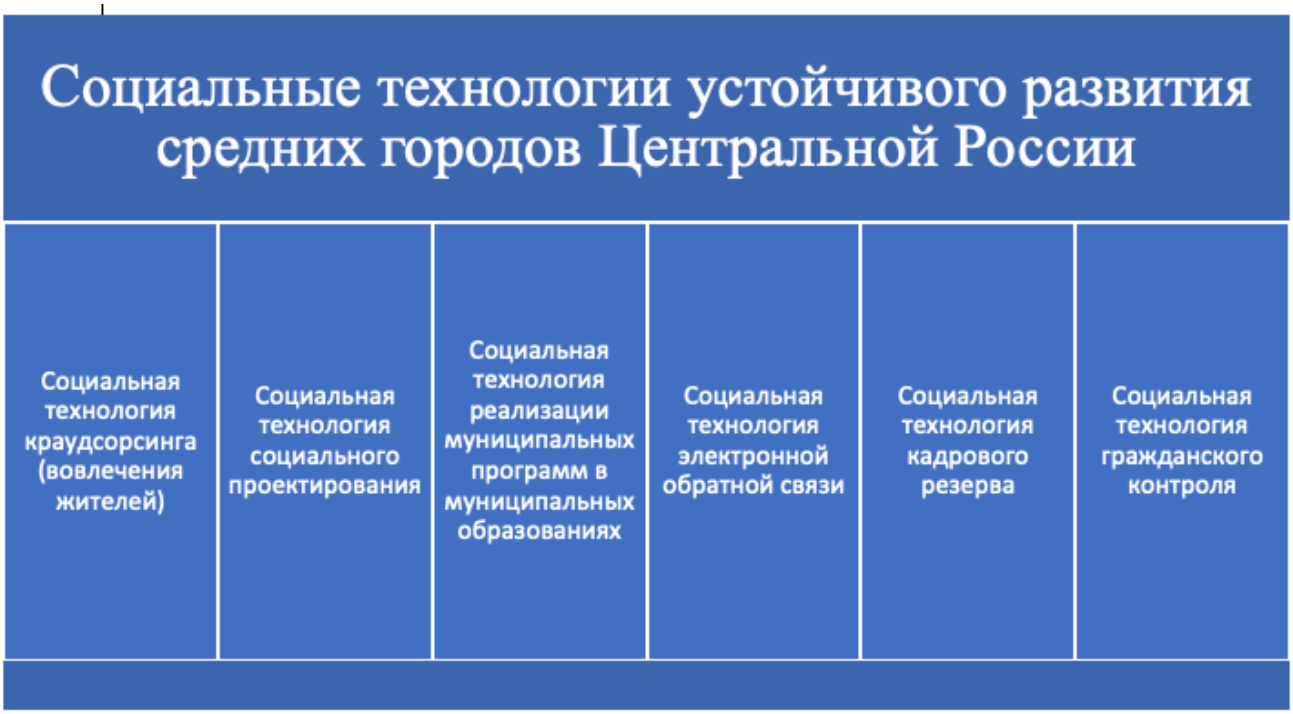

Рисунок 1. Авторская концептуальная модель социальных технологий устойчивого развития средних городов Центральной России

Шесть упомянутых социальных технологий обеспечивают устойчивое развитие в средних городах. Показателями устойчивого развития в концептуальной модели выступили 8 из 17 Целей устойчивого развития, реализующихся ООН в качестве плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всего мира [15]:

- Хорошее здоровье и благополучие;
- Достойная работа и экономический рост;
- Качественное образование;
- Индустриализация, инновация и инфраструктура;
- Устойчивое развитие и населенные пункты;
- Чистая вода и санитария;
- Мир, правосудие и эффективные институты;
- Гендерное равенство.

На основе авторской методики оценки был проанализирован уровень устойчивого развития в средних городах Тульской, Тверской и Вологодской областей».

Результаты.

- *Социальная технология краудсорсинга (вовлечения населения)*

Первая социальная технология краудсорсинга, или же вовлечения жителей в активную городскую жизнь. В общем виде краудсорсинг представляет собой технологию передачи управленческих обязанностей гетерогенной социальной группе. Государственный краудсорсинг как социальную технологию управления можно охарактеризовать как тип коллективной деятельности, в рамках которой орган государственной власти обращается к неоднородной группе индивидов с неформальным приглашением к добровольному принятию участия в решении некоторой задачи [9, с. 4]. В средних городах Российской Федерации управленческую стратегию краудсорсинга используют с целью пропаганды здорового образа жизни среди населения, участия в массовых мероприятиях и т.д.

- *Социальная технология социального проектирования*

Вторая социальная технология социального проектирования в средних городах России на сегодняшний день реализуется на основе приоритетных национальных целей и целевых показателей. Для муниципальных органов среднего города технология социального проектирования напрямую касается реализации работ в рамках федеральных проектов, таких как «Формирование комфортной городской среды», «Развитие инфраструктуры в населенных пунктах», «Жилье» и «Чистая вода».

• *Социальная технология реализации муниципальных программ в муниципальных образованиях*

Третья социальная технология реализации муниципальных программ для средних городов выражается в разработке документации стратегического планирования, которая содержит комплекс управленческих мероприятий, имеющих общую связь по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам. Данный алгоритм подготовки документации обеспечивает эффективное достижение целей развития муниципального образования.

• *Социальная технология электронной обратной связи*

Четвертая социальная технология электронной обратной связи способствуют повышению скорости взаимодействия населения с государственной властью, снижения операционных процессов, улучшения качества жизни населения. Электронная обратная связь муниципальной власти и населения в среднем городе создана для оптимизации контактов между уполномоченными лицами и гражданами и воплощается через электронные каналы связи, такие как интернет-порталы, электронные почты, мобильные приложения и социальные сети.

• *Социальная технология кадрового резерва*

Управленческий потенциал пятой социальной технологии, подвергающейся методологическому анализу в данной статье, не поддается сомнению – в настоящее время в Российской Федерации сформированы кадровые резервы разнообразных уровней. Однако, в средних городах Российской Федерации имеются свои издержки, говорящие о несостоятельности управленческого аппарата кадрового резерва для небольших городов.

В средних городах кадровый резерв формируется в администрациях на основе включения кандидатов в список на конкретную должность муниципальной службы, не затрагивая другие сферы общественной жизни. Из вышесказанного следует вывод, что кадровый резерв в муниципальных образованиях средних городов существует лишь формально и затрагивает работу только муниципальных служащих, а не всех социальных институтов.

• *Социальная технология гражданского контроля*

Шестая социальная технология гражданского контроля подразумевает, что население муниципальных образований имеет собственные полномочия и легитимные права в части управления общественной жизни городского пространства.

Однако, на современном этапе можно констатировать, что общественный контроль в средних городах России присутствует «де-юре», но «де-факто» население не выполняет значимой роли в устойчивом развитии города – участие в общественных слушаниях и обсуждениях часто проходят в формате доклада администрации о позитивных и проблемных моментах развитиях муниципального образования, где у населения нет права голоса; мониторинг деятельности органов муниципальной власти происходит только на уровне более высшего в иерархии регионального субъекта; членами общественных советов и комиссий являются сотрудники муниципального аппарата администрации. Такое положение сложилось из-за отсутствия у населения как у субъекта осуществления общественного контроля властных полномочий по законодательству, в связи с чем гражданская контрольная деятельность носит сугубо общественный характер, вследствие чего «общественный контроль использует, прежде всего, меры общественного воздействия» [6, с. 108]. Как вывод, реальных механизмов воздействия у населения нет.

Обсуждение.

• *Социальная технология краудсорсинга (вовлечения населения)*

В анализе социальной технологии краудсорсинга (вовлечения жителей) стоит понимать отличия между ней и социальной технологией общественного контроля – краудсорсинг в средних городах направлен на привлечение населения к активной общественной жизни и участию в массовых мероприятиях города, а гражданский контроль как инструмент разрешения проблем муниципалитета – более глубокий термин.

Перед средними российскими городами остро стоит вопрос миграционного оттока населения, поэтому сегодня местные власти ориентируются на создание условий для активной жизни у молодого поколения. Муниципальный краудсорсинг в молодежной политике – технология цифрового вовлечения молодых людей в процессы взаимодействия с органами управления и передача им функций соучастника в процессе разработки, принятия и реализации управленческих решений, касающихся различных аспектов общественной жизни [2, с. 91].

В 2023 году исследование Института экономики и роста им. Столыпина П.А. «Внутрироссийская миграция молодежи: повышение привлекательности городов» с помощью метода фокус-групп в СФО и СФЗО выявило следующие факторы привлекательности жизни в небольших городах [12]. Факторы указаны в таблице 1:

Таблица 1. Факторы центробежной миграции: чем привлекает малый город (исследование Института экономики и роста им. Столыпина П.А.)

Факторы	СФО	СФЗО
Социальный контекст и личные обстоятельства	46 %	24 %
Там есть знакомые, родственники, друзья, девушка	33 %	9 %
Есть где жить в городе переезда (или предоставляют жилье)	13 %	-
Социальное окружение и личные причины	-	11 %
Желание вернуться в родной город	-	4 %
Преимущества малого города, специфика городского пространства	38 %	49 %
Специфика городского пространства	-	16 %
Уровень экологии, близость природы	16 %	5 %
Нравится город переезда	14 %	21 %
Богатая культурно-развлекательная инфраструктура для досуга	4 %	4 %
Возможности для самореализации	4 %	-
Совпадение темпа жизни с предыдущим местом жительства	-	2 %
Близость крупных мегаполисов	-	1 %
Трудоустройство, карьеры, цены	13 %	10 %
Решение проблем трудоустройства	9 %	4 %
Заработать денег на квартиру	4 %	-
Низкий уровень цен	-	6 %
Вопросы получения образования	4 %	17 %
Поступление на бюджетное место в университет	4 %	6 %
Вопросы получения образования	-	9 %
Наличие желаемой специальности для обучения в городе	-	2 %

Источник: составлено автором на основе данных: результатов исследования Института экономики и роста им. Столыпина П.А. Внутрироссийская миграция молодежи: повышение привлекательности малых городов. 2023. С. 8.

Согласно данным исследования, четыре главных фактора миграции в небольшие города: социальный контекст и личные обстоятельства; особая городская среда и атмосфера; экономические факторы; получение образования.

• *Социальная технология социального проектирования*

Технология социального проектирования реализуется в Российской Федерации с 2006

года. По указу Президента Российской Федерации, с 2025 года был дан старт для 19 новых национальных проектов, которые затрагивают практически все сферы общественной жизни – от экономики до экологии.

Каким образом реализация национальных проектов влияет на развитие среднего города? В фокусе внимания администраций небольших городов всегда находится проблем развития социальной инфраструктуры. Проводимые всероссийскими социологическими службами (ВЦИОМ, ФОМ) опросы граждан постоянно выявляют неудовлетворительное состояние социальной инфраструктуры муниципальных образований, ее несоответствие запросам населения и наличие так называемого территориального неравенства, заключающегося в неравном для жителей различных регионов и типов поселений доступе к тем или иным социальным благам и услугам [8, с. 51].

Поэтому для местных администраций, не имеющих полноценных возможностей и бюджетных средств для модернизации инфраструктуры, реализация национальных проектов является инструментом для разрешения собственных проблем. Согласно сайту национальных проектов Российской Федерации, с 2019 года в среднем городе Донской Тульской области (население 63837 человек на 2021 год) построили станцию водоподготовки, установили запорную арматуру и заменили 11 километров водопроводных сетей в рамках федерального проекта «Чистая вода» [14].

• *Социальная технология реализации муниципальных программ в муниципальных образованиях*

В практике разработки проектов муниципальных программ большое значение имеет отражение в них не просто совокупности отдельных целей, а представление именно их взаимосвязи и взаимозависимости посредством формирования и использования «дерева целей», каждая цель которого должна соотносится с одной или несколькими задачами, задачи – с подпрограммами и мероприятиями [1, с. 70].

Перейдем к примеру. Обращаясь к сайту администрации Ржевского муниципального округа Тверской области (численность населения округа на начало 2024 года – 63832 человека), перечень муниципальных программ округа на период 2023-2028 годы выглядит следующим образом [11]. Перечень программ в таблице 2:

Таблица 2. Муниципальные программы Ржевского муниципального округа Тверской области на период 2023-2028 годов

Область устойчивого развития	**Наименование муниципальной программы**
• Новое качество жизни: Человеческий капитал	• «Развитие образования и молодежной политики Ржевского муниципального округа Тверской области» на 2023-2028
	• «Развитие культуры Ржевского муниципального округа Тверской области» на 2023-2028 годы
	• «Развитие физической культуры и спорта Ржевского муниципального округа Тверской области» на 2023-2028 годы
	• «Социальная поддержка и защита населения Ржевского муниципального округа Тверской области» на 2023-2028
	• «Развитие туризма Ржевского муниципального округа Тверской области» на 2023-2028 годы
• Новое качество жизни: Комфортная городская среда	• «Благоустройство Ржевского муниципального округа Тверской области» на 2023-2028 годы
	• «Дорожное хозяйство и транспортный комплекс Ржевского муниципального округа Тверской области» на 2023-2028
	• «Обеспечение правопорядка и безопасности населения Ржевского муниципального округа Тверской области» на
	• «Развитие жилищно-коммунального хозяйства Ржевского муниципального округа Тверской области» на 2023-2028
	• «Формирование современной городской среды Ржевского муниципального округа Тверской области» на 2023-2028
• Совершенствование управления	• «Муниципальное управление и гражданское общество Ржевского муниципального округа Тверской области» на

	• «Управление имуществом и земельными ресурсами Ржевского муниципального округа Тверской области» на
	• «Управление общественными финансами и обеспечение муниципального финансового контроля в сфере бюджетных правоотношений Ржевского муниципального округа Твер-

Источник: Составлено автором на основе данных: Годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности муниципальных программ Ржевского муниципального округа Тверской области за 2023 год.

Программы имеет строгую иерархию, описанную в приложениях к программам – Цель > Показатели цели > Подпрограммы > Задачи подпрограммы > Мероприятия. Строгое соответствие структуре лежит в основе социальной технологии реализации муниципальных программ.

• *Социальная технология электронной обратной связи*

Электронную обратную связь граждан на предмет удовлетворенности работой органов местного самоуправления среднего города стоит рассмотреть на примере социологического опроса более вышестоящей власти – регионального органа. Правительство Тульской области проводит ежегодный мониторинг эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления с помощью электронного портала.

Результаты онлайн-опроса удовлетворенности населения деятельностью руководителей органов местного самоуправления в 2020-2023 годах представлены на рисунке 2 и в таблице 3 [13]:

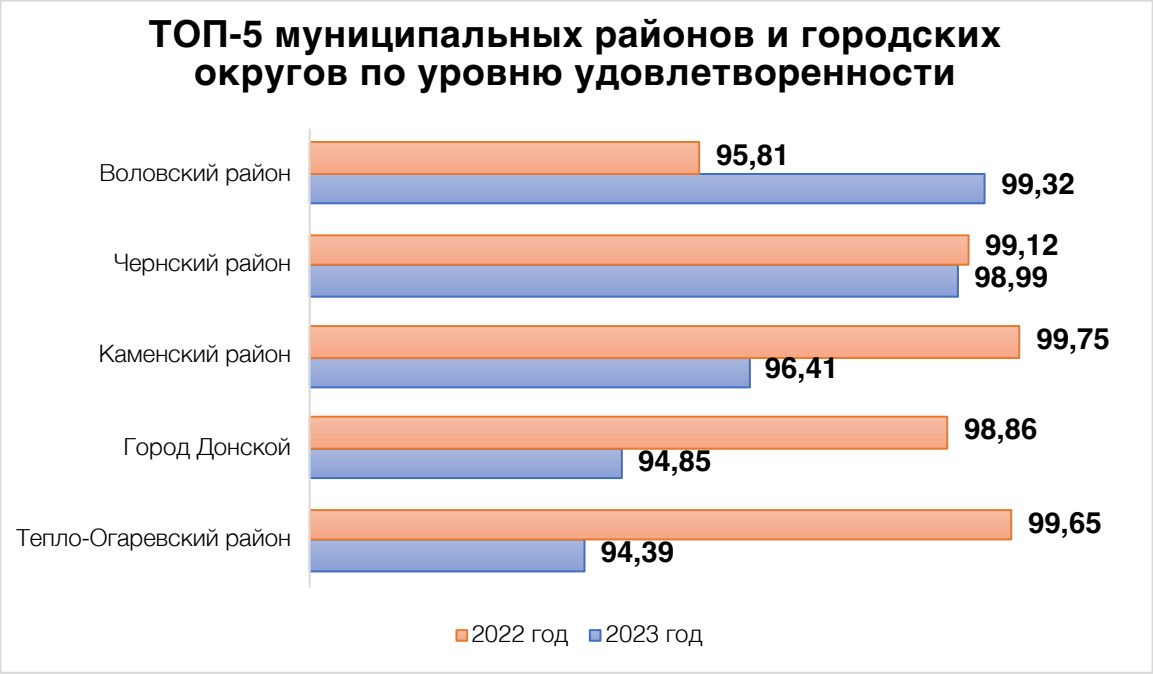

Рисунок 2. Топ-5 муниципальных районов и городских округов по уровню удовлетворенности в Тульской области за 2022-2023 годы (в %)

Таблица 3. Удовлетворенность населения Тульской области деятельностью органов местного самоуправления городского округа (муниципального района) за 2020-2023 годы (в %)

Показатель 36. Удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления городского округа (муниципального района), в %				
Наименование муниципального образования	**2020 год**	**2021 год**	**2022 год**	**2023 год**
Воловский район	97,19	98,17	95,81	99,32
Чернский район	94,65	97,11	99,12	98,99

Каменский район	97,53	96,28	99,75	94,41
Город Донской	94,55	96,86	98,86	94,85
Тепло-Огаревский район	97,54	98,42	99,65	94,39
Куркинский район	94,29	98,08	92,92	93,83
Славный	92,89	96,1	96,44	93,25
Город Новомосковск	68,95	71,88	86,52	90,62
Дубенский район	70,06	82,23	89,95	89,07
Заокский район	50,95	54,32	76,34	86,16
Плавский район	77,54	69,31	79,81	83,57
Суворовский район	77,7	83,67	89,02	83,44
Богородицкий район	93,51	95,79	92,08	82,08
Город Ефремов	74,4	77,77	89,94	81,50
Одоевский район	83,63	98,62	96,77	79,31
Ясногорский район	96,83	98,44	89,15	79,30
Белевский район	72,82	77,49	91,79	78,87
Город Алексин	70,43	69,55	77,63	77,49
Веневский район	67,22	68,46	78,13	77,07
Город Тула	73,01	74,12	77,29	76,70
Кимовский район	70	70,95	90,84	76,27
Арсеньевский район	77,33	80,38	89,02	76,27
Узловский район	72,4	74,24	78,44	74,51
Р.п. Новогуровский	78,68	86,56	85,85	72,60
Щекинский район	76,79	70,54	77,19	71,86
Киреевский район	85,38	76,21	73,15	67,78
В среднем по Тульской области	**81,01**	**83,14**	**88,13**	**83,69**

Источник: Составлено автором на основе данных: Сводный доклад Тульской области о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, расположенных в границах Тульской области, по итогам 2023 года. С. 112.

Согласно результатам ежегодного мониторинга, удовлетворенность населения средних городов Тульской области работой органов местного самоуправления в 2023 году выглядела следующим образом: 4 место (город Донской), 8 место (город Новомосковск), 21 место (город Алексин), 26 место (Узловский район). Из 4 муниципальных образований индекс удовлетворенности 2 оказался выше среднего, 2 ниже среднего.

Данный пример опроса региональной власти свидетельствует о том, что социальная технология электронной обратной связи от жителей средних городов способна определить состояние устойчивого развития в городе.

• *Социальная технология кадрового резерва*

Об эффективности технологии кадрового резерва говорят эксперты, работающие в го-

сударственных органах. Результаты социологического исследования эффективности кадровых резервов на государственной гражданской службе, проводимого в 2020 году среди 56 государственных служащих в форме экспертного интервью, говорят о высокотехнологичности и современности кадрового резерва как социальной технологии [4, с. 325]:

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос о цели кадрового резерва на гражданской службе (в %)

Однако, стоит учесть, что в отличие от экспертов, большинство населения чаще всего или мало осведомлено, или вообще не имеет представление о сути кадрового резерва как социальной технологии. Поэтому вопрос об эффективности данной стратегии пополнения кадров в средних городах остается под сомнением.

• *Социальная технология гражданского контроля*

Осуществление власти должно не только быть легитимным для жителей, но и контролироваться населением. Данный тезис безусловно должен соблюдаться в демократическом обществе.

В следующей таблице представлены результаты социологического опроса на тему вовлеченности населения в общественную жизнь, проводимого Вологодским научным центром РАН в мае–июне 2019 г. на территории Вологодской области (N=1900) [7, с. 91]. Данные представлены в таблице 4:

Таблица 4. Вовлеченность гражданского сообщества в различные практики гражданского участия в Вологодской области (в индексах)

Практики гражданского участия	Вологда и Череповец	Районные центры
Выборы	0,84	0,85
Коллективное благоустройство, субботники	0,68	0,62
Работа родительского комитета (в школе, детские сады)	0,60	0,35
Работа домового комитета, совета дома	0,42	0,32
Сбор пожертвований, вещей для нуждающихся	0,34	0,30
Избирательная компания	0,36	0,25

Волонтерская работа	0,16	0,17
Подписание обращений, петиций в органы власти	0,20	0,17
Деятельность интернет-сообщества	0,28	0,16
Деятельность общественных организаций	0,15	0,15
Обсуждение общественно-значимых проблем в интернет-среде	0,16	0,14
Общественные слушания, общественный контроль	0,12	0,12
Митинги, демонстрации, пикеты	0,12	0,10
Деятельность профсоюзной организации	0,16	0,10
Деятельность политической партии	0,07	0,08
Забастовки	0,08	0,07
Итоговый индекс участия в мероприятиях общественной и политической жизни	0,29	0,25

Источник: Составлено автором на основе данных: социологическое исследование ВолНЦ РАН на основе многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения. 2021. С. 91.

Согласно итоговому индексу участия, население средних городов, являющиеся районными центрами в Вологодской области, менее вовлечено в общественную жизнь по сравнению с жителями крупных городов.

Заключение.

Итак, применение социальных технологий обеспечивает устойчивое развитие на территории муниципальных округов и муниципальных образований.

Анализ управленческого потенциала и ограничений применения социальных технологий в средних городах дает возможность выделить следующие рекомендации по усовершенствованию стратегий реализации социальных технологий для органов местной муниципальной власти в средних городах России:

1) Социальная технология вовлечения жителей в активную деятельность может быть расширена и направлена на все категории населения. Особенно рекомендуется разработать систему досуга для граждан пожилого поколения, которые составляют немалую часть от жителей средних городов.

2) Администрациям муниципальных образований стоит посмотреть на региональный и федеральный опыт, после чего разработать собственный социальный проект по улучшению качества жизни местного населения.

3) Муниципальные программы, разработанные органами муниципальной власти, анализируют плановые показатели социально-экономического развития города на срок до двух лет. Социологический мониторинг динамики развития социального городского пространства при таком подходе невозможен. Представляемые плановые показатели имеют мало общего с реальным состоянием развития муниципального образования, являются недостаточно обоснованными и превращаются из индикаторов социально-экономического развития муниципального образования в директивные указания. Рекомендуется увеличить срок до пяти лет.

4) В качестве улучшения технологии электронной обратной связи администрациям рекомендуется открыть небольшие социологические центры при администрациях, которые будут заниматься обратной связью с населением и выявлением наиболее остро стоящих проблем у граждан.

5) К большому упущению, в средних городах Российской Федерации социальная технология формирования кадрового резерва на данном этапе слабо проработана и нуждается в

реорганизации ее структурной части. Для среднего города необходимо разработать и апробировать модель единого кадрового резерва, целью которой является поиск и привлечение местного населения к занятости в бюджетном секторе городского пространства.

6) И, наконец, органам муниципальной власти средних городов рекомендуется проанализировать зарубежный опыт самоуправления в регионах и расширить места в общественных советах для местного населения с активной жизненной позицией.

Литература:

1. Байдакова Е.С., Плеханов С.В. Проблемы разработки и направления совершенствования муниципальных программ: // Качество в производственных и социально-экономических системах. 2020. С. 67-70. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42764018 (дата обращения 19.03.2025)

2. Будникова К.В. Отношение молодежи к применению краудсорсинга в региональном управлении молодежной политики: // Актуальные проблемы социальных и психологических наук: теория, методология, практика. 2023. С. 91-94. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=53963106 (дата обращения 19.03.2025)

3. Гончарова И.В. Устойчивое развитие государства и социальные технологии: // Вопросы политологии. Т. 12, №1 (77), 2022, с. 92-110. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47944511 (дата обращения 13.03.2025)

4. Масленникова Е.В., Шебураков И.Б., Татаринова Л.Н. Анализ применения кадровых резервов в системе государственного управления: // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: социология. Т. 22, №2, 2022, с. 324-336. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49174402 (дата обращения 19.03.2025)

5. Потемкин В.К., Вельмисова Д.В. Социальные технологии в системе управления: учебно-методическое пособие / СПб. : Изд-во «Инфо-Да», 2020. – 87 с. URL: https://teleskop-journal.spb.ru/files/books/Potemkin_Velmisova2020.pdf (дата обращения 13.03.2025)

6. Усманова Р.М. Общественный контроль в системе местного самоуправления как фактор развития гражданского общества: // Правовое государство: теория и практика. 2016. №3 (45). С. 104-110. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26847773 (дата обращения 19.03.2025)

7. Уханова Ю.В. Гражданское участие локального сообщества: социологическое исследование на муниципальном уровне // Социологическое обеспечение стратегического управления развитием регионов и муниципальных образований России: сборник статей / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 83–93. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=10292 (дата обращения 20.03.2025)

8. Фролова Е. В. Социальная инфраструктура современных российских муниципальных образований: состояние и ресурсы модернизации // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 51-58. URL: https://www.socis.isras.ru/article/5431 (дата обращения 20.03.2025)

9. Харитонова О.В., Бугаева Т.Н. Краудсорсинг в государственном и муниципальном управлении: сущность и перспективы использования: // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12, №2, с. 1-9. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43036574 (дата обращения 19.03.2025)

10. Leibetseder B. A Critical Review on the Concept of Social Technologies: // Social Technologies. 2011, №1 (1). С. 10-24.
URL: www.researchgate.net/publication/303881822_A_Critical_Review_on_the_Concept_of_Social_Technology (дата обращения 20.03.2025)

11. Администрация Ржевского муниципального округа: муниципальные программы 2023-2028 годы [Электронный ресурс]. URL: https://городржев.рф/munitcipal-nye-programmy-2023-2028-gody.html (дата обращения 19.03.2025)

12. Внутрироссийская миграция молодежи: повышение привлекательности малых городов: результаты исследования Института экономики и роста им. Столыпина П.А. [Электронный ресурс]. URL: https://stolypin.institute/storage/app/media/IMC4Stolypin%20Inst_Migration%20Survey_2024_FINAL-EXTRA%20PPT.pdf (дата обращения 22.03.2025)

13. Правительство Тульской области: оценка эффективности органов местного самоуправления муниципальных районов [Электронный ресурс]. URL: https://tularegion.ru/governance/localgovernment/ocef/ (дата обращения 19.03.2025)

14. Систему водоснабжения модернизируют в городе Донском Тульской области // Сайт национальных проектов РФ [Электронный ресурс]. URL: национальныепроекты.рф/news/sistemu-vodosnabzheniya-moderniziruyut-v-gorode-donskom-tulskoy-oblasti (дата обращения 20.03.2025)

15. Цели в области устойчивого развития: сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/ (дата обращения 02.04.2025)

УДК 316

ОБ АВТОРАХ:

Лапшинова Кира Викторовна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г. С. Арефьевой, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Уражок Татьяна Викторовна,
преподаватель-исследователь, начальник центра карьеры, «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии», Королёв, Россия

Лапшинова К.В., Уражок Т.В.

Деятельность института докторантуры в зеркале социологического анализа

Статья посвящена анализу деятельности института докторантуры в нашей стране. На основе результатов вторичного анализа данных официальной статистики рассмотрены такие показатели как: численность докторов наук и докторантов, прием и выпуск из докторантуры. Описаны основные изменения, произошедшие в системе защиты на соискание ученой степени доктора наук в последние годы. Делается вывод о сокращении численности докторов наук, старении кадров данной квалификации и невозможности в ближайшие годы переломить эту тенденцию.

Ключевые слова: докторантура, показатели деятельности докторантуры, высшая аттестационная комиссия (ВАК), эффективность докторантуры, защита докторской диссертации.

Для цитирования: Лапшинова К.В., Уражок Т.В. Деятельность института докторантуры в зеркале социологического анализа // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С.53-62.

ABOUT THE AUTHORS:

Lapshinova Kira V.,
PhD in Sociology, associate professor of the Department of Philosophy, Political Science and Sociology named after G. S. Arefieva, National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia

Urazhok Tatyana V.,
research teaching fellow, head of the career center, Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Cosmonaut A.A. Leonov is a branch of a federal state budgetary educational institution of higher Education "Moscow State University of Geodesy and Cartography", Korolev, Russia

THE FUNCTIONING OF THE INSTITUTE OF DOCTORATE IN THE MIRROR OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Lapshinova K.V., Urazhok T.V.

The article deals with the analysis of the institute of doctoral degree in our country. Based on the results of secondary data analysis of official statistics such indicators as the number of doctors of sciences and doctoral students, admission and graduation from doctoral studies are considered. The main changes that have occurred in the system of assignment of qualifications for the degree of Doctor of Sciences in recent years are described. The conclusion is drawn about the reduction in the number of doctors of sciences, the aging of qualified personnel and the inability to reverse this trend in the coming years.

Keywords: doctorate, indicators of the institute of doctoral degree, Higher Attestation Commission of the Russian Federation, the effectiveness of the institute of doctorate, the defense of a doctoral thesis.

For citation: Lapshinova K.V., Urazhok T.V. The functioning of the institute of doctorate in the mirror of sociological analysis. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii.* 2025; 3 (35): 53-62. (In Russ.)

В настоящее время сложно представить себе современное постиндустриальное общество, не стремящееся к развитию высоких технологий и достижению научно-технологического суверенитета. Осуществление этих целей возможно только при реализации в стране грамотной образовательной и научной политики, направленной на развитие человеческого потенциала. Качество человеческого капитала напрямую зависит от уровня образования, квалификации и опыта.

Одной из общепринятых форм подтверждения высокого образовательного и научного уровня индивида является присвоение ему ученой степени. В нашей стране степени появились еще во времена Российской империи. Система учреждения степеней постоянно претерпевала изменения, какие-то степени вводили, какие-то упразднили. Например, в 1819 г. в Положении «О производстве в ученые степени на основании Положения о сем» были установлены 4 ученые степени: действительного студента, кандидата, магистра, доктора. Позже ликвидировали степень действительного студента, а затем и кандидата. После революции 1917 г. все ученые степени были устранены [22, с. 297-298].

Привычная для нас двухступенчатая система появилась благодаря постановлению Совета народных комиссаров СССР №79 «Об учёных степенях и званиях» от 13 января 1934 года [12].

Согласно современному ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (от 29.12.2012 N 273-ФЗ) в нашей стране высшим уровнем высшего профессионального образования является подготовка кадров высшей квалификации. Послевузовское профессиональное образование можно получить в аспирантуре, адъюнктуре, ординатуре. Также можно пройти обучение в форме ассистентуры-стажировки. Из этих видов послевузовского образования только аспирантура и адъюнктура нацелены на подготовку научных и научно-педагогических кадров (по гражданскому и военному профилям соответственно). Они предполагают в процессе обучения подготовку обучающимся диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. [21] Но в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» ничего не сказано еще об одном институте подготовки научных кадров – докторантуре. Таким образом предполагается, что она как бы выведена за рамки образовательной системы и полностью интегрирована в социальный институт науки.

Согласно Постановлению Правительства «Об утверждении Положения о докторантуре» (от 04.04.2014 N 267) докторантура – это форма подготовки научных кадров. [18] Для того, чтобы быть направленным в докторантуру, индивид должен осуществлять педагогическую и (или) научную (научно-исследовательскую) деятельность в направляющей организации. При этом работник должен иметь: ученую степень кандидата наук (или приравненную к ней степень иностранного государства); стаж педагогической и (или) научной работы не менее 5 лет; трудовой стаж в направляющей организации не менее 1 года; научные достижения; план подготовки диссертации [18].

Докторантура имеет свою специфику. Главная ее цель – подготовка диссертации на соискание ученой степени доктора наук и ее защита в диссертационном совете (ведущая деятельность сугубо научная, а не образовательная). В то время как аспирантура и адъюнктура нацелены на подготовку и обучение научных и научно-педагогических кадров (учебным планом и программой предусмотрены аудиторные занятия). При этом защита диссертации не является обязательным элементом для успешного их окончания.

Докторантура тем не менее не теряет своей связи с системой образования, пусть и косвенной. Так, например, из 165 организаций (данные на 2023 г.), осуществляющих прием и выпуск из докторантуры, 130 являлись образовательными организациями высшего образования и только 35 были научно-исследовательскими организациями [11, с. 81-82]. К тому же значительная доля обладателей ученых степеней сосредоточена в вузах, где занимает должности штатного персонала.

Присвоение ученой степени свидетельствует о высоком научном потенциале специалиста, о его вкладе в развитие научного и технологического базиса страны. Казалось бы, государство должно быть заинтересовано в приращении подобного капитала. Тем более уже несколько десятилетий в развитых странах наблюдается тренд на массовизацию образования в целом и институтов подготовки научно-педагогических кадров в частности [14, с. 11-14].

Но ситуация в России, с точки зрения экспертов ВШЭ, находится в противофазе с глобальными трендами массовизации в системе образования и науки [14,с. 11-12].

Речь идет о том, что происходит сокращение количества докторов наук, снижение численности докторантов и старение научно-педагогических кадров данной квалификации.

Для того, чтобы понять существует ли нехватка кадров высшей квалификации, а именно докторов наук, необходимо вначале понять, а сколько же их всего в России. Данные по общей численности индивидов, имеющих ученую степень доктора наук, предоставляет Все-

российская перепись населения.

Так, по данным Всероссийской переписи населения 2020 года (ВПН) в России было 78 856 докторов наук. [3] Согласно предыдущей ВПН 2010 года 124 355 человек относились к этой категории. [2] Соответственно за 10 лет количество докторов наук сократилось на 36,5%.

Помимо этого, наблюдается старение кадров. Так, в 2010 г. 47,2% докторов наук относились к возрастной группе 60 лет и старше, через 10 лет таких было уже 52,6% (См. Таблицу 1) [2; 3]

Таблица 1. Доктора наук, по возрастным группам (чел., %)
(по данным Всероссийской переписи населения, 2010 и 2020 гг.) [2; 3]

Возрастные группы	Доктора наук (2010)		Доктора наук (2020)	
	Чел.	%	Чел.	%
20 - 29	3 194	2,6	1 637	2
30 - 39	11 185	9	8 284	10,6
40 - 49	19 799	16	12 949	16,4
50 - 59	31 386	25,2	14 525	18,4
60 - 69	27 845	22,3	19 421	24,6
70 и более	30 946	24,9	22 040	28
Итого	**124 355**	**100**	**78 856**	**100**

На момент проведения Всероссийской переписи населения (ВПН) в 2020 г. трудоспособным возрастом в нашей стране считался интервал от 16 до 61,5 лет для мужчин и от 16 до 56,5 лет для женщин. Соответственно граждане старше трудоспособного возраста – это мужчины от 61,5 лет и более, женщины от 56,5 лет и более [3]. Согласно данным ВПН-2020 треть кандидатов наук (36,1%) старше трудоспособного возраста. Соответственно, маловероятно, что эта возрастная группа ученых в дальнейшем будет планировать получить степень доктора наук. С докторами наук ситуация еще более критическая (53,5%) [3]. Примерно такая же картина была в 2010 г. – 35,4% и 51,4% соответственно. Но самих индивидов, обладающих ученой степенью доктора наук, было больше, а верхняя граница трудоспособного возраста ниже [2]. Следовательно, ситуация ухудшается (См. Таблицу 2).

С момента проведения ВПН-2020 общее число граждан в РФ, являющихся старше трудоспособного возраста, продолжает увеличиваться. На начало 2025 года эта группа составила 24% населения РФ или 35,1 млн человек. Соответственно и тенденция старения квалифицированных научно-педагогических кадров продолжит набирать обороты [13].

Таблица 2. Население, имеющее ученые степени, в трудоспособном возрасте и старше (человек, %) *(по данным Всероссийской переписи населения, 2020 г.) [3]*

Возраст	Кандидаты наук (человек)	Кандидаты наук (%)	Доктора наук (человек)	Доктора наук (%)
в трудоспособном возрасте	231 903	63,9	36 705	46,5
старше трудоспособного	130 915	36,1	42 151	53,5
Итого	**362 818**	**100**	**78 856**	**100**

Еще одним трендом является феминизация сферы образования и науки. Традиционно в России мужчин среди докторов наук было больше. Сейчас подобное распределение сохраняется, но доля женщин постепенно увеличивается. В 2010 г. их было 32,9%, а в 2020 г. – уже 41,8% [2; 3].

Одним из распространенных путей выхода на защиту докторской диссертации является предварительное обучение в докторантуре. В 1988 г. этот социальный институт был восстановлен в нашей стране после многолетнего перерыва [12]. Традиционно подготовку докторантов ведут НИИ, вузы и организации ДПО. По состоянию на 2023 г. таких организаций насчитывалось 165. Максимальное количество их было в 2011 г. – 608. Наблюдается резкое сокращение [9, с. 46; 10, с. 77; 11, с. 81]. Большая часть докторантов готовит диссертацию в высших учебных заведениях. Причем постепенно роль вузов в этом процессе увеличивается. Так, если в 1995 г. на вузы приходилось 72,4% выпустившихся докторантов, то в 2023 г. – уже 88,4% [9, с. 54; 10, с. 77; 11, с. 81].

На протяжении 90-х и первого десятилетия 2000-х наблюдался рост численности докторантов. Резкое падение этого показателя начинается с 2013 года. То есть после начала крупного реформирования сферы подготовки кадров высшей квалификации и повышения требований к системе защиты диссертаций на соискание научных степеней. В докторантуру в 2014 г. было принято всего 166 докторантов. В то время как годом ранее их было 1582 человек (в 9,5 раз больше). В 2024 г. было принято 334 претендента. Последние 10 лет в докторантуру ежегодно принимают меньше человек, чем даже в 1995 г. (904 докторанта) 10, с. 77; 16]. Снижение цифр приема в докторантуру ведет к сокращению общей численности обучающихся. Так, в 2013 году в докторантуре числилось 4 572 докторанта, а в следующем 2014 г. – только 3 204 человека. В 2015 году данный показатель откатился на уровень двадцатилетней давности (2 007 чел.). А в 2024 году в РФ было уже всего 899 докторантов. [10, с. 77; 16]

Меняется и средний возраст докторантов. По данным Г. В. Осипова и В. И. Савинкова в 1995 г. он составлял 39,8 лет, в 2012 г. — 42,8 года. [15, с. 67]

Следовательно, наблюдается увеличение возраста обучающихся в докторантуре. В 2010 г. в возрастную группу до 40 лет попадало 54,9% докторантов, в 2015 г. – 54,2%, в 2020 г. – 46,2%, в 2024 г. – только 38,3%. Параллельно увеличивается возрастная группа 40-49 лет. Так, в 2010 г. она включала в себя 25,1% докторантов. Через 14 лет – 43,5% (См. Таблицу 3) [16].

Таблица 3. Возраст докторантов (человек, %) *[16]*

Возраст	2010		2015		2020		2024	
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%
до 34 лет (включительно)	**1307**	29,6	**480**	23,9	**211**	21,6	**116**	12,9
35-39 лет	**1117**	25,3	**608**	30,3	**241**	24,6	**228**	25,4
40-49 лет	**1113**	25,1	**580**	28,9	**369**	37,7	**391**	43,5
50-54 лет	**481**	10,9	**153**	7,6	**72**	7,4	**82**	9,1
55-59 лет	**263**	6	**100**	5	**47**	4,8	**36**	4
60 лет и старше	**137**	3,1	**86**	4,3	**39**	3,9	**46**	5,1
Итого	**4 418**	**100**	**2 007**	**100**	**979**	**100**	**899**	**100**

Увеличивается, следовательно, и возраст выхода на защиту. Данные ВАК свидетельствуют, что средний возраст соискателей учёной степени доктора наук на момент защиты составляет 46 лет, при этом доля тех, кому до 40 лет, – всего 31% [17].

Интерес представляет также анализ научных направлений, которые выбирают ученые для подготовки докторской диссертации. Больше всего докторантов обучается по социальным и гуманитарным наукам (46,4% от всех докторантов в 2023 г.). Далее по популярности следуют технические науки (32,6% от всех докторантов в 2023 г.). Прием в докторантуру в 2023 г. подтвердил эту тенденцию. 48% поступающих выбрали социально-гуманитарные на-

правления подготовки, 31,1% – технические [11, с. 84-85]. Эти данные свидетельствуют, что реформа ВАК, направленная на сокращение защит в социально-гуманитарной области, не привела к ожидаемому результату. Из 63 человек, выпустившихся из докторантуры с защитой диссертации в 2023 г., 29 защитились по социально-гуманитарному профилю (46%) [11, с. 84-85].

Еще один показатель деятельности докторантуры, который неуклонно снижается – выпуск из докторантуры. В 2000 г. выпустилось 1 251 человек, а через 24 года – только 271. С защитой докторской диссертации выпускается еще меньше докторантов. А ведь это главный показатель эффективности работы данного социального института. Если в 2000 г. таких было 486, то к 2024 году стало 54. Причем падение показателя «выпуск из докторантуры» началось в 2017 году, что вполне логично, так как тремя годами ранее сократился прием докторантов. Но снижение количества выпустившихся из докторантуры с защитой диссертации началось раньше (с 2010 года). Это может свидетельствовать о том, что кризис в сфере подготовки научных кадров развивался постепенно и начался еще до реформы ВАК. Реформа усугубила ситуацию [10, с. 77; 11, с. 81; 16]. В первое десятилетие XXI века примерно каждый третий выпускался из докторантуры с защитой диссертации (кроме 2008 г.). Начиная с 2010 года – примерно каждый 4 или каждый 5. Как видим, такие показатели для докторантуры характерны в течение длительного периода. Это свидетельствует о низкой эффективности работы этого института (См. Таблицу 4) [10, С. 77; 11, С. 81; 16].

Таблица 4. Выпуск из докторантуры

Год	Выпуск из докторантуры в отчетном году (всего) *(человек)*	Выпуск из докторантуры с защитой диссертации *(человек)*	Выпуск из докторантуры с защитой диссертации (% от выпустившихся из докторантуры в отчетном году)
1995	464	137	29,5
2000	1251	486	38,8
2005	1417	516	36,4
2010	1259	336	26,7
2015	1386	181	13
2020	339	63	18,5
2024	271	54	19,9

Приведенная выше статистика учитывает только тех, кто был прикреплен к докторантуре и защитил диссертацию в срок. Но, во-первых, многие защищаются позже. Следовательно, число ученых, получающих диплом доктора наук больше, чем количество защитившихся в срок после окончания докторантуры. А во-вторых, не все индивиды, выходящие на защиту докторской диссертации, проходят через докторантуру. С. С. Донецкая в своей статье указывает, что «около 70% соискателей докторской степени считают нецелесообразным обучение в докторантуре». А следовательно они исчезают из поля зрения официальной статистики [8, с. 27].

Поэтому для более детального анализа ситуации рассмотрим основные проблемы, связанные с защитой диссертации. Тем более, что выход на защиту – это главная цель пребывания в докторантуре.

Главная роль в присуждении ученых степеней в России, в том числе степени доктора наук, принадлежит безусловно Высшей аттестационной комиссии (ВАК). Данная организация, как и вся система образования и науки, находится в перманентном состоянии реформирования. Серьезные изменения в системе присуждения ученых степеней произошли в 2013 г. Целью организационных преобразований было повышение качества защищаемых диссертаций и борьба с коррупцией в сфере образования и науки.

О необходимости реформ могут, например, свидетельствовать нарушения, выявленные Генеральной прокуратурой. Согласно ее данным, в 2012 г. президиум ВАК незаконно выдал 1 тыс. 323 диплома доктора наук уже после вступления в силу постановления правительства

РФ от 20 июня 2011 г., в соответствии с которым, исполнять такие функции должно Минобрнауки. Дипломы были выданы на бланках старого образца [24].

Изменения в системе присуждения ученых степеней были отражены в Постановлении Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 «О порядке присуждения ученых степеней», «Положении о присуждении ученых степеней» и других нормативно-правовых актах [19].

Можно выделить следующие задачи реформирования системы присуждения ученых степеней:

- сокращение числа неэффективных диссертационных советов и академическая мобильность их потенциальных соискателей в оставшиеся советы ведущих вузов и крупных научных организаций;
- сокращение числа защит преимущественно в областях наук социально-гуманитарного блока;
- борьба с коррупцией в системе подготовки кадров высшей квалификации;
- ужесточение требований к научной квалификации членов диссертационных и экспертных советов (это косвенно способствовало закрытию определенного числа диссоветов);
- недопущение диссертаций низкого качества к защите (по новым требованиям необходимо размещение полного текста диссертации на сайте организации, где будет происходить защита, и обнародование всех отзывов на работу);
- борьба с плагиатом в текстах диссертаций;
- усиление контроля за работой диссовета [4, с. 4].

Часть из поставленных задач была решена.

Изменения касались организаций в целом, где проводились защиты, непосредственно самих диссоветов и деятельности диссертантов. Планировалось, что повышение требований к организациям, открывающим диссоветы, и к самим диссоветам должно способствовать снижению числа неэффективных диссоветов, не соответствующих новым требованиям [4, с. 5].

Сокращение числа диссертационных советов действительно произошло. Результаты исследования С. С. Донецкой показывают, как шло сокращение докторских диссертационных советов. Так, «в 2010 г. действовало 3 217 докторских диссертационных советов, из них только 1 635 (50%) осуществляли защиты докторских диссертаций». По состоянию на октябрь 2016 г. действующих советов осталось 2 155 (на 33% меньше). Однако и число реально работающих советов сократилось до 1 036 (на 36,5%). Получается, что, несмотря на проведенные реформы, 50% советов по-прежнему не проводят защит докторских диссертаций [8, с. 28].

Возросли требования к научной квалификации членов диссертационных и экспертных советов. В состав обновленного диссертационного совета должно теперь входить не менее 5 докторов наук. Более 50% состава диссертационного совета должны составлять работники организации, на базе которой создан диссовет. Член диссертационного совета не может одновременно входить в состав более 3 диссертационных советов. Общее количество членов диссертационного совета должно быть не менее девятнадцати человек [19; 20].

Требования, предъявляемые к качеству диссертационных работ на соискание ученой степени доктора наук и к организации процедуры защиты, также неуклонно росли. Согласно современному Положению о присуждении ученых степеней (2013 г.) окончательный текст диссертации, представленный в диссовет, должен быть размещен в сети "Интернет" на официальном сайте организации, на базе которой создан этот диссертационный совет. Полный текст диссертации должен быть доступен для ознакомления в течение не менее 12 месяцев со дня защиты диссертации на соискание ученой степени доктора наук. Там же размещаются отзывы научных консультантов соискателя ученой степени (при наличии); отзывы, поступившие на диссертацию и автореферат. При защите диссертации на соискание ученой степени доктора наук необходимо участие в заседании диссертационного совета не менее 4 докторов наук. В обязательном порядке при проведении заседания диссертационного совета ведутся его стенограмма и аудиовидеозапись [19].

Для сокращения числа защит преимущественно в социально-гуманитарных областях, были установлены более высокие требования к публикациям. Например, для защиты докторской диссертации по истории, социологии, культурологии необходимо иметь 15 публикаций в

журналах из списка ВАК за 10 лет, а для защиты по техническим или естественным отраслям наук – 10 [20].

Эта мера не помогла. В 2023 г. 31% защит докторских диссертаций в диссертационных советах (созданных в соответствии с приказами Минобрнауки России и созданных организациями самостоятельно) пришелся на социально-гуманитарные направления. Еще можно отметить, что 37,7% всех защищенных докторских диссертаций с самостоятельным присуждением, приходятся также на социально-гуманитарные науки [11, с. 98-100].

Более активно стала осуществляться борьба с плагиатом в научных текстах. В 2023 г. 597 заявлений о лишении учёной степени, поданных по инициативе Вольного сетевого сообщества «Диссернет», было удовлетворено Министерством науки и высшего образования России, в 2024 г. – 199 [5; 6].

Но не все ожидания организаторов реформы оправдались.

Предполагалось, что при закрытии неэффективных советов, их контингент (соискатели, аспиранты и докторанты) мигрирует в оставшиеся советы ведущих вузов и научных организаций. Но, этого не произошло. Защит просто стало меньше. По данным главы ВАК при Министерстве образования и науки В. Филиппова в 2012 г. состоялось почти 24 тысячи защит диссертаций (2,8 тыс. докторских и 21,1 тыс. кандидатских), а в 2015 – только 14,1 тыс. диссертаций (количество защит докторских работ составило 1,6 тыс., а кандидатских – 12,5 тыс.) [23]. Таким образом, общее количество защит за несколько лет сократилось на 40%.

Снижение числа защит произошло не только за счет закрытия советов, но и в результате снижения среднего количества защит на совет. [4, с. 4] «В 2013 году среднее количество защит в год на одну специальность в диссовете составляло 3,3. Год спустя среднее количество защит на специальность стало составлять 1,7» [4, с. 12-13].

Причин неоправдавшихся чаяний устроителей реформы может быть несколько.

Во-первых, в РФ исторически наблюдается низкая академическая мобильность. Это наглядно проиллюстрировали результаты исследований ученых Центра институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге. В 2019 году они выпустили аналитический отчет «Реформа диссертационной индустрии в России». В нем было показано, что диссертанты чаще всего готовят и защищают диссертацию в одном и том же городе. То есть не произошло перенаправления потока защит в другие регионы. В среднем степень локализации составила около 70-80%. [4, С. 17]

Во-вторых, несмотря на наличие унифицированных требований к диссертанту и его научной работе, в каждом диссертационном совете присутствует своя специфика. Например, может различаться количество требуемых отзывов на автореферат. Может отдаваться предпочтение публикациям в конкретных журналах из списка ВАК или в журналах, имеющих 1 и 2 квартиль. Этот фактор также затрудняет миграцию. Тем более, когда речь идет о переходе соискателя в вуз с более высокими требованиями.

В-третьих, наблюдается организационно-функциональная разобщенность между системой подготовки научных и педагогических кадров (аспирантура, докторантура) и диссертационными советами. Как отмечает Б. И. Бедный и коллеги эти организации «функционируют как независимые институты, они не имеют единого нормативного регулирования, а в практике их взаимодействия накопилось много противоречий организационного и структурного характера» [1, с. 37].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что задача повышения качества защищаемых диссертаций в ходе реформы была решена лишь частично.

Что касается защищенных диссертаций, то их количество продолжает снижаться. В 2023 г. число защит докторских диссертаций в диссертационных советах, созданных в соответствии с приказами Минобрнауки России, и созданных организациями самостоятельно составило 1 107 [11, с. 98-102].

Можно отметить следующую тенденцию: постепенно возрастает количество защит в диссертационных советах, созданных организациями самостоятельно. В 2023 г. было вынесено 778 положительных решений по докторским диссертациям, защищенным в диссертационных советах, созданных в соответствии с приказами Минобрнауки России. И 329 по аналогичным работам, защищенным в диссоветах, созданных организациями самостоятельно (при этом, в 2017 г. таких было только 13) [11, с. 98-102].

Тем не менее увеличения общего числа защит докторских диссертаций пока не происходит. Главный учёный секретарь ВАК член-корреспондент РАН Д. Иванов в своем докладе сообщил, что за полтора года с 1 января 2024 года по 1 июля 2025 года ВАК рассмотрела 1 185 заявлений на соискание учёной степени доктора наук (из которых 21 было отклонено) [17].

Сложившаяся ситуация с подготовкой высококвалифицированных научных кадров безусловно может негативно отразиться на конкурентоспособности российских наукоемких отраслей экономики.

Реформирование системы подготовки докторантов имело ряд негативных последствий:

- усиление конкуренции среди желающих защитить диссертацию;
- снижение общего количества докторантов и докторантов, защитивших диссертацию в срок;
- увеличение временного лага, в рамках которого осуществляется подготовка диссертации и выход на защиту, а также сдвиг среднего возраста докторантов в сторону увеличения;
- усиление коррупции.

Некоторые ученые считают, что постепенно система подготовки докторантов адаптируется к новым условиям и будет работать более эффективно. Например, С. С. Донецкая полагает, что снижение количества защит докторских диссертаций явление временное и обусловлено, главным образом, необходимостью подготовки и опубликования соискателями большего количества статей в журналах, рекомендованных ВАК. [8, с. 35]

Безусловно представители ВАК и Министерства также разрабатывают меры поддержки докторантов. Например, на Пленуме ВАК было озвучено предложение обратиться в федеральные органы исполнительной власти с предложением разработать меры финансовой поддержки учёных, работающих над докторскими диссертациями. Но, во-первых, эта мера пока остается на уровне обсуждения. Во-вторых, касаться будет молодых ученых (до 40 лет). В-третьих, помощь планируется распределять на конкурсной основе. [17] А значит, большую часть ученых, готовящих диссертации эти меры не затронут.

Также в научном сообществе до сих пор дискуссионным остается вопрос, нужен ли вообще в системе подготовки высококвалифицированных кадров институт докторантуры. Ведь даже в СССР, где появилась эта организация, она осуществляла свою деятельность с перерывом. Так, Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1956 г. № 1174 «О мерах по улучшению подготовки и аттестации научных и педагогических кадров докторантура как форма подготовки научных кадров упразднялась. И только в 1988 г. она была восстановлена [12].

Второй дискуссионный вопрос – нужно ли сохранять в нашей стране двухступенчатую систему ученых степеней. Социологи Г. В. Осипов и В. И. Савинков считают, что надо от нее отказаться и действовать в рамках мировых трендов. И приравнять российских кандидатов наук к докторам [15, с. 96-97].

Еще один вопрос, вызывающий споры – нужен ли ВАК? С. С. Донецкая полагает, что ВАК необходимо ликвидировать. Г. В. Осипов, В. И. Савинков, С. С. Донецкая считают, что необходимо передать научным организациям и ведущим вузам право присуждать ученые степени самостоятельно [7, с. 153; 15, с. 96-97].

Подобная практика частично в нашей стране уже реализуется. С 2016 по 2025 гг. право самостоятельного присуждения учёных степеней получили 38 организаций (9 научных и 29 организаций высшего образования). Причем по данным, которые привел директор Департамента аттестации Минобрнауки России С. Пахомов, количество защит в таких организациях неуклонно растет (если в 2019 г. доля защит в них составляла лишь 11,6%, то в 2024 г. – 30,7%, т.е. 2 863 защиты от общего числа) [17].

Авторы статьи придерживаются точки зрения, что аспирантура и докторантура должны остаться как самостоятельные организации подготовки высококвалифицированных научных кадров, но осуществлять свою деятельность только в тех организациях, где есть действующий диссертационный совет. Также нами отмечается необходимость сохранения института ВАК. Эта структура позволяет осуществлять контроль за подготовкой научных работ на соискание ученых степеней на общероссийском уровне. За ведущими университетами и научными

организациями должны сохраниться возможности самостоятельного присуждения ученых степеней. Так как они обладают необходимым уровнем научной базы, высококвалифицированными кадрами и сложившимися научными школами. Но передача этих функций исключительно только вузам и ликвидация ВАК, на наш взгляд, приведет к возрастанию уровня коррупции и снижению качества подготовленных диссертаций.

Подводя итоги, можно сказать, что институт докторантуры нуждается в дальнейшем реформировании, так как в настоящее время в полной мере своих функций по подготовке к защите докторских диссертаций не выполняет. Наблюдается сокращение численности докторов наук и докторантов, старение кадров данной квалификации и невозможность в ближайшие годы переломить эту тенденцию.

Литература:

1. Барьеры на пути к ученой степени: проблемы постаспирантского периода / Б. И. Бедный, Г. Л. Воронин, А. А. Миронос, Н. В. Рыбаков // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, No 1. С. 35–48.

2. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 3. Образование. // Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm?ysclid=mcjcj6cp27944922785 (дата обращения: 30.06.2025)

3. Всероссийская перепись населения 2020 года. Итоги ВПН-2020. Том 3 Образование. // Федеральная служба государственной статистики. Данные на 31.12.2022. https://web.archive.org/web/20241203034056/https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie (дата обращения: 30.06.2025)

4. Губа К., Соколов М., Соколова Н. Реформа диссертационной индустрии в России. – СПб: ЦИАНО ЕУСПб, 2019. – 24 с.

5. Диссернет: итоги года – 2023 / Диссернет. Вольное сетевое сообщество. 29 декабря 2023. https://www.dissernet.org/news/dissernet_itogi_goda_2023?ysclid=mdz6011b2r720923271 (дата обращения: 06.08.2025)

6. Диссернет: итоги года – 2024 / Диссернет. Вольное сетевое сообщество. 29 декабря 2024. https://www.dissernet.org/news/dissernet_itogi_goda_2024 (дата обращения: 06.08.2025)

7. Донецкая С. С. Реформа ничего не изменила: современные итоги реформирования российской системы присуждения ученых степеней // ЭКО. 2017. № 10 (520). С. 140-154. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-nichego-ne-izmenila-sovremennye-itogi-reformirovaniya-rossiyskoy-sistemy-prisuzhdeniya-uchenyh-stepeney (дата обращения: 05.08.2025).

8. Донецкая С. С. Статистика защит докторских диссертаций: изменения после реформы ВАК // Высшее образование в России. 2017. № 4. С. 26-37. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/statistika-zaschit-doktorskih-dissertatsiy-izmeneniya-posle-reformy-vak (дата обращения: 04.08.2025).

9. Индикаторы науки: 2007. Статистический сборник. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – 344 с. https://www.hse.ru/data/2012/01/27/1264260611/in2007_vd.pdf (дата обращения: 12.07.2025)

10. Индикаторы науки: 2021: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2021. – 352 с.

11. Индикаторы науки: 2025: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 396 с.

12. История создания и развития системы подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров в СССР. / МГИК. https://nauka.mgik.org/dissertatsionnye-sovety/poleznye-ssylki/istoriya-aspirantury/?ysclid=mdywlyvfqf38694844 (дата обращения: 05.08.2025).

13. На 1 января 2025 года в РФ было 35,1 млн человек старше трудоспособного возраста // Интерфакс. 14 апреля 2025. https://www.interfax.ru/russia/1020716 (дата обращения: 30.06.2025)

14. Наука без молодежи? Кризис аспирантуры и возможности его преодоления / Е. А. Терентьев, Я. И. Кузьминов, И. Д. Фрумин; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 48 с.

15. Осипов Г. В., Савинков В. И. Динамика аспирантуры и перспективы до 2030 года: Статистический и социологический анализ. – М.: ЦСП и М, 2014. – 152 с.

16. Основные показатели подготовки кадров высшей квалификации, научных кадров в докторантуре по Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Данные на 04.04.2024. https://web.archive.org/web/20231204065039/https://rosstat.gov.ru/statistics/education (дата обращения: 28.06.2025)

17. Пленум ВАК: итоги и перспективы развития системы научной аттестации. 03 июля 2025. https://new.ras.ru/activities/news/plenum-vak-itogi-i-perspektivy-razvitiya-sistemy-nauchnoy-attestatsii/?ysclid=mdyr1azmgm135786486 (дата обращения: 05.08.2025).

18. Постановление Правительства РФ от 04.04.2014 N 267 (ред. от 01.10.2018) "Об утверждении Положения о докторантуре" // КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161545/d0722f2c6b34addebf146b0e9cbc500f0e3db364/ (дата обращения: 05.08.2025)

19. Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. от 16.10.2024) "О порядке присуждения ученых степеней" (вместе с "Положением о присуждении ученых степеней") (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // КонсультантПлюс.

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152458/3accc895434fd7ce6fd7d8f8a570ab064e960560/ (дата обращения: 05.08.2025)
20. Приказ Министерства образования и науки РФ от 10 ноября 2017 г. N 1093 "Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук" (с изменениями и дополнениями) // Гарант. https://base.garant.ru/71825906/?ysclid=me05fmbi5l193720338 (дата обращения: 06.08.2025)
21. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 23.07.2025) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.08.2025) // КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 05.08.2025)
22. Федирко О. П. Ученые степени в России и Китае / О. П. Федирко // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21–28 мая 2018 года / Ответственные редакторы Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Том Выпуск 8. – Благовещенск-Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян: Благовещенский государственный педагогический университет, 2018. – С. 295-299.
23. Число защит диссертаций в России с 2012 года сократилось на 40% // Парламентская газета. 21.11.2016. https://www.pnp.ru/social/2016/11/21/chislo-zashhit-dissertaciy-v-rossii-s-2012-goda-sokratilos-na-40.html?ysclid=mdz012xjqs66178310 (дата обращения: 05.08.2025)
24. Шесть чиновников Минобрнауки уволены из-за скандала с учеными степенями // РБК. 28 мая 2013. https://www.rbc.ru/society/28/05/2013/5704094d9a7947fcbd449690?ysclid=mdyyy6k46p130806427 (дата обращения: 05.08.2025)

УДК 316

ОБ АВТОРАХ:

Пилипенко Борис Анатольевич,
Главный операционный директор, ООО «Недвекс», Санкт-Петербург, Россия

Рогач Ольга Владимировна,
Доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Pilipenko Boris A.,
Chief Operating Officer, OOO «Nedveks», Saint Petersburg, Russia

Rogach Olga V.,
Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Пилипенко Б.А., Рогач О.В.

Исследование влияния крупного бизнеса на экологическую ситуацию в мегаполисе (на основе оценок жителей Санкт-Петербурга)

В статье анализируются результаты анкетного опроса жителей Санкт-Петербурга с целью выявления их оценок экологических рисков в городе, влияния крупного бизнеса на экологическую ситуацию. Результаты исследования показали, что население весьма негативно воспринимает деятельность крупных промышленных предприятий в вопросах сохранения окружающей среды. В целях восстановления позитивного имиджа бизнеса предлагается модель трансформационного лидерства, направленная на закрепление экологических норм в инвестиционной деятельности, организационных и трудовых практиках крупных промышленных предприятий. Результаты исследования показали недостаточный уровень экологической активности жителей Санкт-Петербурга, их пассивность в вопросах реагирования на возникновение экологических угроз. В статье предложена модель акцентуализации экологического поведения населения, которая может быть реализована в деятельности некоммерческих организаций.

Ключевые слова: экологические угрозы, экологические риски, крупный бизнес, население.

Для цитирования: Пилипенко Б.А., Рогач О.В. Исследование влияния крупного бизнеса на экологическую ситуацию в мегаполисе (на основе оценок жителей Санкт-Петербурга) // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С.63-72.

STUDY OF THE INFLUENCE OF LARGE BUSINESS ON THE ENVIRONMENTAL SITUATION IN THE MEGAPOLIS (BASED ON THE ASSESSMENTS OF RESIDENTS OF ST. PETERSBURG)

Pilipenko B.A., Rogach O.V.

The article analyzes the results of a questionnaire survey of St. Petersburg residents in order to identify their assessments of environmental risks in the city, the impact of large businesses on the environmental situation. The results of the study showed that the population has a very negative perception of the activities of large industrial enterprises in matters of environmental conservation. In order to restore the positive image of business, a model of transformational leadership is proposed, aimed at consolidating environmental standards in investment activities, organizational and labor practices of large industrial enterprises. The results of the study showed an insufficient level of environmental activity of St. Petersburg residents, their passivity in responding to the emergence of environmental threats. The article proposes a model for accentuating the environmental behavior of the population, which can be implemented in the activities of non-profit organizations.

Keywords: environmental threats, environmental risks, big business, population.

For citation: Pilipenko B.A., Rogach O.V. Study of the influence of large business on the environmental situation in the megapolis (based on the assessments of residents of St. Petersburg). *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii.* 2025; 3 (35): 63-72. (In Russ.)

Введение

В современных российских реалиях отмечается высокий интерес к экологической повестке и участию предприятий крупного бизнеса в ее формировании. По мнению О.В. Дуда-

ревой вопросы устойчивого развития и ответственного поведения предприятий промышленного сектора актуализированы не только со стороны традиционных регуляторов (государства, контрольно-надзорных органов, инвесторов), но и общества в целом [3]. Это связано с трансграничной природой рисков, возникающих в виду высокой «экологической уязвимости» промышленной отрасли, а также с остротой экологических угроз, которые затрагивают современное общество.

Вместе с тем гармонизация целей развития социальной сферы и промышленного сектора требует достижения баланса между приоритетом экономического роста и экологической безопасностью, как гаранта социального благополучия населения [4]. В деятельности предприятий крупного бизнеса данная тенденция зачастую отражается в ESG-принципах, однако проведенные исследования иллюстрируют наличие дисфункций их воплощения на практике. В частности, речь идет о лакунах в показателях внутренней отчетности предприятий, где представлены преимущественно данные динамики текучести кадров (управленческий компонент), тогда как показатели экологической и социальной составляющих деятельности компании могут быть проигнорированы [1].

По мнению ряда российских авторов, предприятия крупного бизнеса интерпретируют экологические риски от своей деятельности в терминах финансовых затрат и репутационных потерь [7]. Можно предположить, что самоцелью экологизации бизнеса выступает не столько улучшение экологической ситуации, сколько создание у общественности положительного образа компании. Финансовые затраты на минимизацию экологических угроз также рассматривается фактором снижения мотивации предприятий крупного бизнеса к работе с экологическими угрозами [6]. Можно предположить, что в ситуации финансового кризиса, общего падения рентабельности производства крупный бизнес стремиться рационализировать затраты, снизить издержки их до предельных значений. В данном контексте расходы на модернизацию производственных технологий, экологизацию индустрии находятся на периферии внимания собственников и инвесторов, воспринимаются как избыточная нагрузка. Нормативно определяемые требования к экологической безопасности могут рассматриваться в качестве минимальной достаточности, в то время как направления деятельности, определяемые в контексте социальной ответственности бизнеса, уже выходят за рамки границ рентабельности.

Частично данные российских исследований находят отражение в зарубежном научном дискурсе. По мнению E. Clementino и R. Perkins, игнорирование экологической ситуации крупным бизнесом во многом обусловлено экономическими соображениями, а также восприятием собственниками бизнеса ценности позитивного отклика общественности на действия компании [9]. Вместе с тем данный перечень в контексте зарубежных реалий дополняется такими факторами, как недобросовестная конкуренция и опасения со стороны бизнес-сообщества по раскрытию финансовой отчетности ESG-мониторинга [10].

Стоит отметить, что актуальность исследования влияния крупного бизнеса на экологическую ситуацию определяется также усилением активной роли населения (его информированности, отношения к экологическим угрозам и рискам) в глобальной экологической повестке [5]. Решение «социальной дилеммы» по поддержке бизнес-сообщества, его присутствия на территории как драйвера ее социально-экономического развития, и контролю экологизации производства как основы охраны окружающей среды, требует установления субъектной позиции общественности.

Методология исследования

Цель исследования заключается в анализе оценок жителей Санкт-Петербурга о влиянии крупного бизнеса на возникновение экологических угроз и рисков. В ходе исследования поднимаются вопросы о:

- роли предприятий крупного бизнеса в ухудшении экологической повестки, возможных причинах и рисках;

- информированности жителей о действиях предприятий по снижению экологических угроз, использованию мер предотвращения ухудшения экологической ситуации в городе.

Выбор в качестве эмпирического объекта горожан определен необходимостью получения первичной информации о восприятии широкой общественностью экологической повестки.

Ключевым методом сбора эмпирической информации послужил анкетный опрос жите-

лей Санкт-Петербурга (N=779). Выборка рассчитана на основе данных Росстата о половозрастном составе петербуржцев, однако организационные сложности с доступом к категориям респондентов возраста 55 лет и старше (13,7%), определили смещение в социально-демографических характеристиках респондентов (увеличена доля молодежи в возрасте 18-24 лет – 24,8% и 25-34 лет – 27,6%). Пропорции по полу смещены в сторону женской части жителей Санкт-Петербурга: 58,7% vs 41,3%.

Результаты исследования

Согласно полученным данным в целом петербуржцы считают себя достаточно информированными об экологической ситуации в городе. Суммарная доля ответов, иллюстрирующих ту или иную степень владения информацией составляет 84,2%. Столь высокие оценки, однако не имеют под собой крепких оснований: только 39,9% респондентов регулярно следят за городскими новостями в сфере экологии. Можно предположить, что 2/3 опрошенных склонны оценивать экологическую ситуацию опираясь на рефлексию личного опыта столкновения с экологическими проблемами.

Вместе с тем для респондентов свойственно весьма позитивное восприятие сложившейся в городе экологической ситуации (рисунок 1). Полученные оценки могут служить свидетельством «экологического оптимизма» петербуржцев, так как, несмотря на высокий уровень социально-экономического развития, Санкт-Петербург по данным на весну 2025 года в общем экологическом рейтинге регионов РФ не попадает даже в 10-ку лидеров. Его опережают Тамбовская, Калужская области, Чувашская Республика и ряд других.[2]

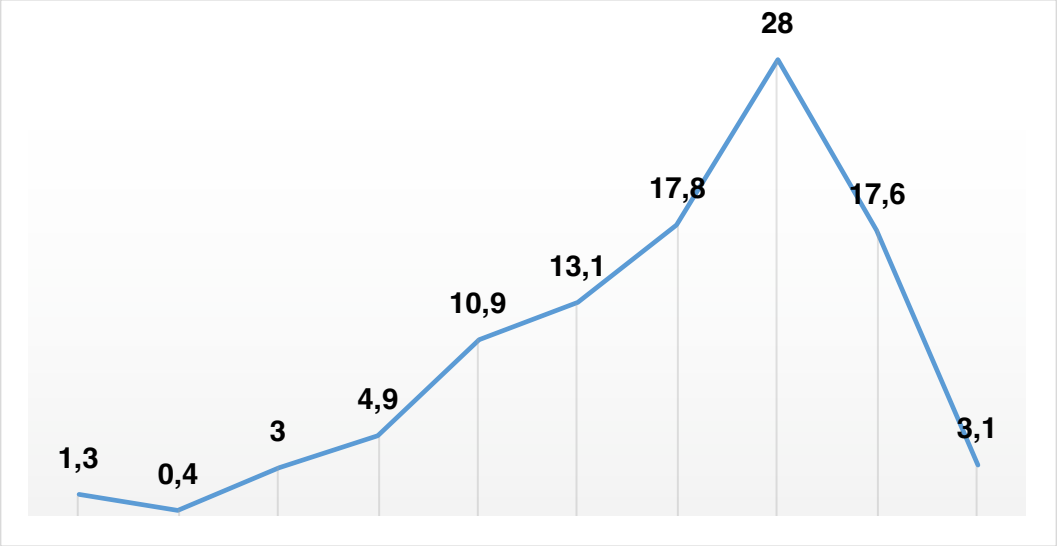

Рисунок 1. Оценка жителями Санкт-Петербурга экологической обстановки в городе, где 1- очень плохо, 10 – все отлично, в %.
Источник: составлено авторами

Большинство опрошенных респондентов (66,5%) оценили экологическую ситуацию в Санкт-Петербурге на 7 баллов и выше (из 10 возможных). Только каждый десятый (9,6%) выбрали оценки от 1 до 4 баллов. Полученные результаты выше общероссийских значений. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, только 43% респондентов считают экологическую ситуацию в своем регионе «хорошей», оценивая её на 4 и 5 баллов (из 5 возможных). Оценки экологического благополучия в целом по России еще ниже – только 35% респондентов суммарно выбрали варианты ответов, соответствующие 4 и 5 баллам. Каждый третий (36%) при этом считает, что за последние 2-3 года экологическая ситуация в регионе ухудшилась.[3] Таким образом, можно сделать вывод, что для жителей Санкт-

2 «Национальный экологический рейтинг регионов РФ» по итогам весны 2025 г. // https://greenpatrol.ru/tpost/2d3yyt9rj1-natsionalnii-ekologicheskii-reiting-regi

3 Экологическая ситуация в России: мониторинг- 2024 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-2 (дата обращения 27.07.2024)

Петербурга характерен более высокий уровень позитивного восприятия состояния окружающей среды в городе, субъективных оценок экологического благополучия. Тем не менее, несмотря на положительные интерпретации в целом, следует отметить, что каждый третий респондент (33,5%) не разделяет общего оптимизма в оценках экологической ситуации.

В ходе авторского исследования респондентам также было предложено оценить свою осведомленность в части деятельности крупных предприятий города, их влиянии на экологическую повестку. Стоит отметить, что по данному вопросу уровень осведомленности аналогичен общей информированности респондентов (84,9% – суммарная доля полностью осведомленных жителей и тех, кто считает, что имеет приблизительное представление). При этом на вопрос с множественным выбором о том, что сильнее всего негативно влияет на экологическую ситуацию, 56,4% опрошенных отметили именно деятельность предприятий. Лидером антирейтинга стали транспортные выхлопы от личного и общественного транспорта (58,5%), однако стоит заметить, что данный источник экологических угроз доминирует в экологической повестке практически каждого региона с развитой дорожно-транспортной системой.

В попытках субъективизировать источник экологических угроз респондентам было предложено отметить, чьи действия / или бездействия, по их мнению, прежде всего, приводят к ухудшению экологической ситуации. Несмотря на то, что 62,3% петербуржцев признали лидерство за человеческим фактором в целом («действия самих людей»), чуть более половины опрошенных (51,5%) отметило работу крупных промышленных предприятий как источник экологической угрозы. Ответственность городских властей и федеральных надзорных служб в данном вопросе оценена существенно ниже (29,8% и 42,0%).

Несмотря на озабоченность жителей экологическими рисками, их поведенческие модели свидетельствуют об определенной инертности и социальной пассивности. В частности, 46,2% в своем потребительском выборе не ориентируются на уровень экологической ответственности производителя товаров и услуг. Почти 2/3 респондентов, покупая товары, не учитывают их влияние на экологию. Кроме того, результаты исследования демонстрируют дистанцированность жителей от активных действий в случае выявления экологических проблем в деятельности промышленных предприятий, 51,3% при ответе на данный вопрос, отметили, что «ничего не стали бы предпринимать».

В данном контексте особую актуальность приобретают модели акцентуализации экологического поведения, реализуемые в деятельности некоммерческих организаций. Ключевыми элементами модели выступают следующие: экологическое просвещение, популяризация экологических паттернов реагирования на экологические угрозы, развитие самоорганизации населения, создание коммуникационных пространств (форумы, ассоциации, выставки), закрепление экологических норм и стандартов. Представляется необходимым выстраивать логику регулирующих воздействий в рамках концепции социального управления [8, с.161], где приоритет отдается формированию благоприятных условий развития экологического сознания и поведения граждан.

Перемещая фокус оценивания на уровни принятия управленческих решений в деятельности крупного бизнеса, стоит отметить, что респонденты существенно выше оценивают ответственность руководства, нежели линейных руководителей или отдельных сотрудников (рисунок 2). Несмотря на то, что именно последние совершают конкретные действия, приводящие к возникновению экологических угроз, можно предположить, что общую вину общественность накладывает на проводимую предприятием политику, нежели на локальные действия отдельных работников.

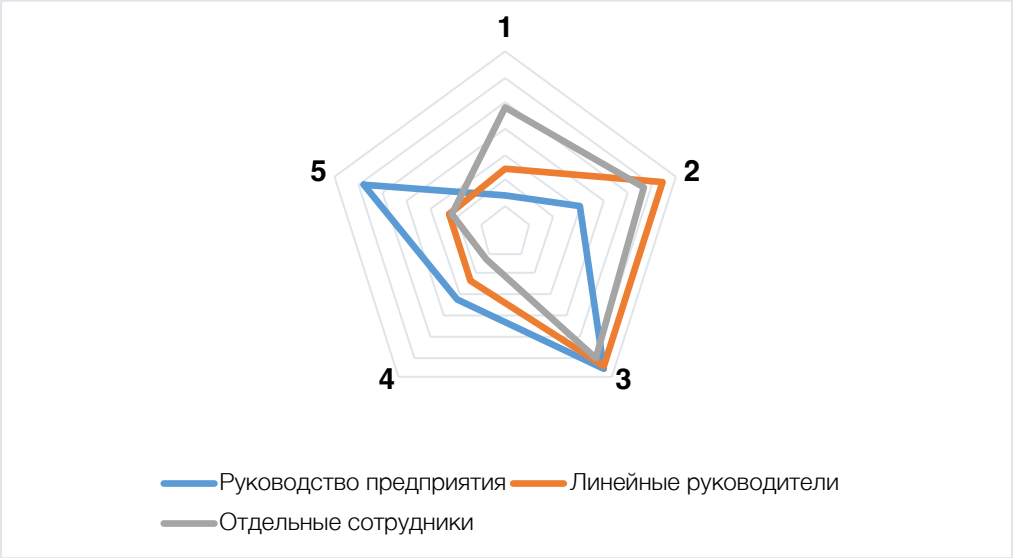

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Рассматривая экологические риски в деятельности крупного бизнеса, оцените ответственность следующих субъектов. Поставьте по степени значимости: 5 – высокая значимость, 1 – низкая», в %.
Источник: составлено авторами

Оценивая силу неблагоприятного воздействия предприятий крупного бизнеса на экологическую ситуацию в городе, мнение респондентов иллюстрирует высокий уровень негативизма. Суммарная доля респондентов, оценивших силу воздействия от 7 баллов и выше составляет 63,5% (рисунок 3). Оценка жителями Санкт-Петербурга заинтересованности предприятий крупного бизнеса в минимизации экологических угроз от своей деятельности также не показала высоких ожиданий, которые могли бы быть свойственны широкой общественности. 46,3% опрошенных полагают, что крупных бизнес только в крайнем, исключительном случае готов предпринимать действия по снижению экологических угроз; 43,8% также отмечают, что только отдельные проблемы и риски в деятельности компаний, могут настроить предприятия на соблюдение экологической повестки.

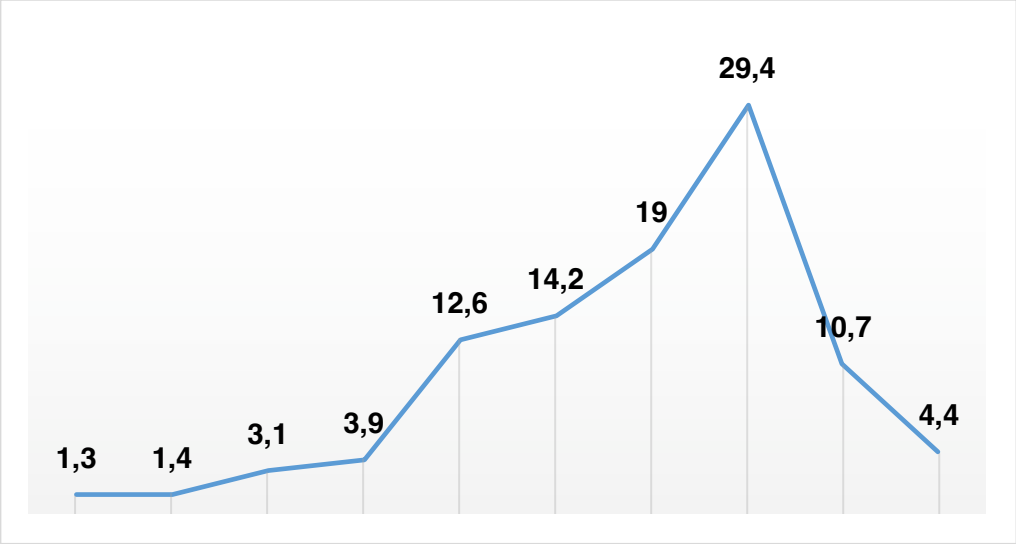

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Оцените влияние деятельности крупных предприятий на экологическую ситуацию в городе, где 1 – нет негативного воздействия, 10 – очень сильное негативное воздействие», в %.
Источник: составлено авторами

Согласно полученным данным, низкое внимание предприятий крупного бизнеса к минимизации экологических рисков в своей деятельности может быть обусловлено множеством

факторов (рисунок 4). В ответах респондентов доминирует устойчивое мнение (93,1%), что собственники бизнеса ориентированы на получение максимальной прибыли, при этом экологические проблемы, наносимый ущерб исключается из фокуса их внимания. Схожая позиция отражена в работе И.А. Волковой и Т.А. Галынчик, которые также акцентируют внимание на противоречии между приоритетной целью деятельности современных предприятий (максимизация прибыли), и их заинтересованностью в минимизации экологических угроз от своего бизнеса [2].

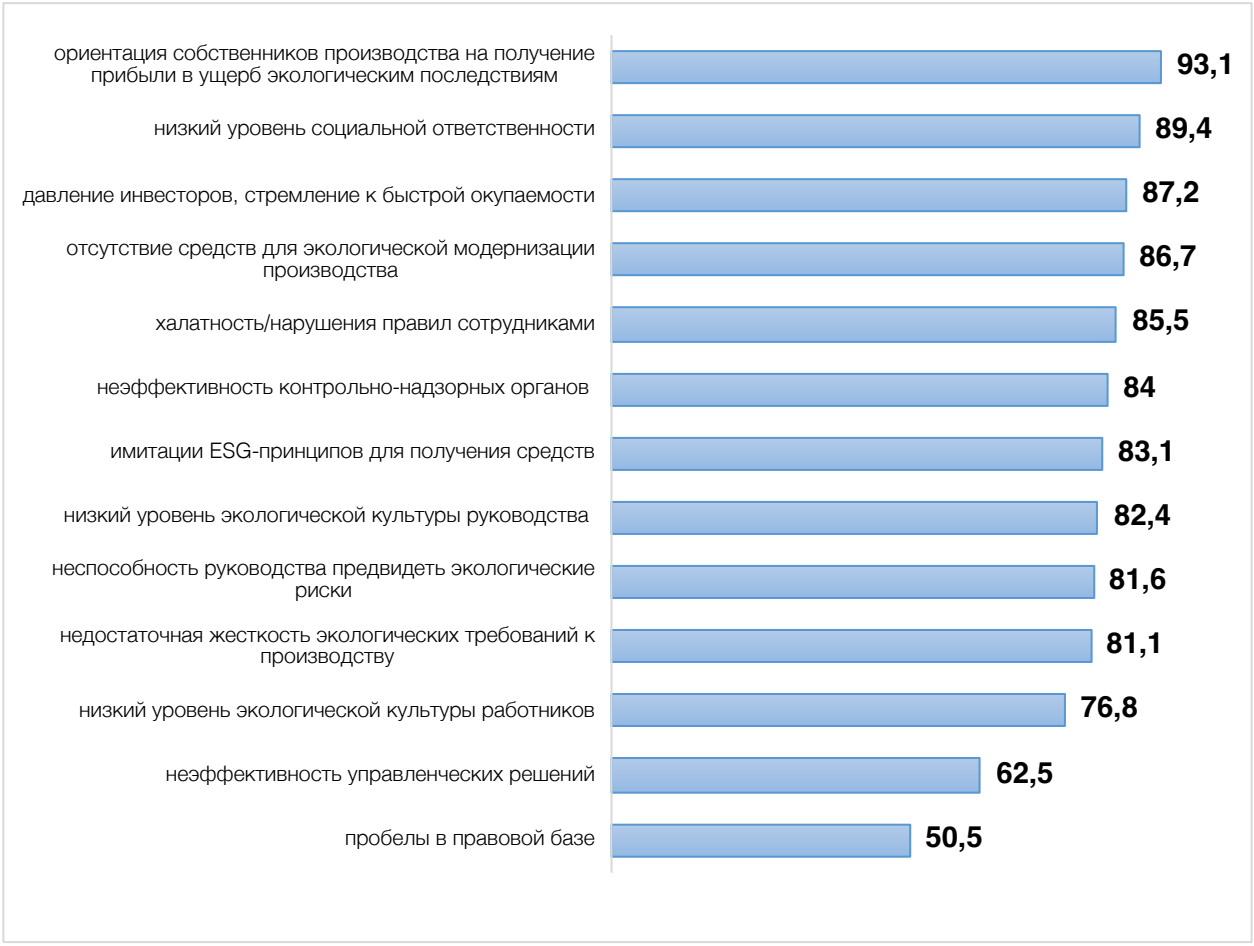

Рисунок 4. Выбор респондентами факторов, которые приводят к возникновению экологических угроз в деятельности крупного бизнеса, в %.
Источник: составлено авторами

Стоит отметить, что финансовая сторона вопроса, как то: давление инвесторов (87,2%), отсутствие средств на модернизацию производства с целью поддержания экологической повестки (86,7%), имитация соблюдения принципов ESG для получения финансирования (83,1%) рассматривается респондентами как ключевой барьер в минимизации экологической опасности со стороны предприятий. Среди опрошенных, отметивших незаинтересованность крупного бизнеса в минимизации экологических угроз, значительно ниже доля тех, кто не рассматривает финансовые дефициты как фактор их возникновения (76,6%, что ниже средних значений на 10,1 п.п.) (таблица 1).

Таблица 1. Зависимость между оценками заинтересованности бизнеса в минимизации экологических угроз и отсутствием финансовых ресурсов, необходимых для экологической модернизации производства, в %

Оцените, насколько, по Вашему мнению, предприятия крупного бизнеса заинтересованы в минимизации экологических угроз	**Как Вы полагаете, какие из перечисленных ниже факторов, приводят к возникновению экологических угроз в деятельности крупного бизнеса?** <отсутствие финансовых ресурсов, необходимых для экологической модернизации производства>	
	Да	Нет
заинтересованы в полной мере	90,0	10,0
заинтересованы только частично (отдельные проблемы и риски)	86,2	13,8
практически не заинтересованы (только в исключительном случае)	86,7	13,3
не заинтересованы вовсе	76,6	23,4
Средние значения по выборке	*86,7*	*13,3*

Источник: составлено авторами

При этом человеческий фактор: халатность (85,5%), низкий уровень экологической культуры работников (76,8%), низкая эффективность управленческих решений (62,5%), хотя и представлен в ответах респондентов, однако имеет меньшее влияние на возникновение экологических опасностей (рисунок 4).

Результаты исследования иллюстрируют, что респонденты в ходе интерпретации факторов возникновения экологических угроз отмечают недостаточную эффективность деятельности органов власти. В частности, 81,1% респондентов считают, что недостаточная жесткость экологических требований к производству инициирует формирование экологических угроз в деятельности крупных промышленных предприятий. Можно предположить, что органы власти воспринимаются населением в качестве ключевого субъекта институциональных преобразований, позволяющих устанавливать экологические стандарты производства.

Остро воспринимаемая проблематика девиаций в сфере экологической ответственности бизнеса коррелирует с патерналистскими ожиданиями общественности. По мнению респондентов, редукция позитивных установок и ответственности промышленных предприятий должна компенсироваться высоким уровнем контрольно-надзорных мероприятий, проводимых органами власти.

В условиях финансовых дефицитов бизнеса, низкой готовности к модернизации технологий, государство, по мнению граждан, должно взять на себя функции гаранта экологической безопасности. При этом представляется крайне важным формировать условия, детерминирующие наращивание позитивных практик экологической ответственности бизнеса, реализации инновационных проектов в сфере экологии. Социальное партнерство власти и бизнеса должно быть направлено на поиск социально приемлемых решений, позволяющих, с одной стороны, соблюдать принципы природоохранной деятельности, а, с другой стороны, обеспечивать поддержание коммерческой рентабельности производства. Достижение баланса между прагматично-рациональными установками бизнеса на коммерческую рентабельность и экологическими ценностями, задачами природоохранной деятельности представляется весьма сложной задачей, требующей интеграции усилий всех заинтересованных сторон.

Уровень лояльности к бизнесу, восприятие его заинтересованности в минимизации экологических угроз определяет оценки населения по факторам их возникновения (таблица 2).

Таблица 2. Зависимость между оценками заинтересованности бизнеса в минимизации экологических угроз и низким уровнем социальной ответственности предприятий крупного бизнеса, в %

Оцените, насколько, по Вашему мнению, предприятия крупного бизнеса заинтересованы в минимизации экологических угроз	**Как Вы полагаете, какие из перечисленных ниже факторов, приводят к возникновению экологических угроз в деятельности крупного бизнеса?** <низкий уровень социальной ответственности	
	Да	Нет
заинтересованы в полной мере	86,7	13,3
заинтересованы только частично (отдельные проблемы и риски)	86,5	13,5
практически не заинтересованы (только в исключительном случае)	90,6	9,4
не заинтересованы вовсе	91,5	8,5
Средние значения по выборке	*89,4*	*10,6*

Источник: составлено авторами

Так, среди респондентов, лояльно воспринимающих заинтересованность бизнеса в минимизации экологических угроз, несколько ниже доля тех, кто выделил низкий уровень их социальной ответственности в качестве негативного фактора инициации экологической проблематики в городе. Ожидаемая взаимосвязь между данными параметрами косвенным образом указывает на достаточно глубокое укоренение сложившихся стереотипов, касающихся характеристик коммерческой деятельности бизнеса.

Таким образом, результаты исследования иллюстрируют наличие существенных экологических рисков в деятельности крупных промышленных предприятий, которые идентифицируются жителями Санкт-Петербурга. Можно предположить, что выходом из сложившейся ситуации является формирование и реализация концепции трансформационного лидерства в бизнес-среде. Руководители крупных промышленных предприятий, будучи ключевыми субъектами трансформационных изменений, обладают максимальными возможностями инициации технологических изменений, конфигурации ценностных установок акционеров, формирования ценностной вертикали смыслов, в которых доминируют приоритеты экологической безопасности.

В данном контексте особый интерес представляет восприятие петербуржцев приоритетных направлений в деятельности крупного бизнеса по нивелированию экологических опасностей. Возможность множественного выбора в ответах респондентов позволила составить условный рейтинг, верхние позиции которого занимают:

- оптимизация производственных технологий / внедрение технологических инноваций (55,4%);
- реализация мероприятий по экологическому мониторингу (48,6%);
- прозрачная отчетность предприятий (касательно своего влияния на экологическую обстановку) для общественного контроля (47,8%).

Меры по переходу на «зеленое производство» – внедрение более экологичных, ресурсосберегающих технологий нашли поддержку у менее чем половины респондентов (45,7%). Возможно, недостаточное признание данного тренда связано с опасениями населения в части удорожания продукции, произведенной по «зеленой» технологии. Комплекс мероприятий, связанный с участием бизнеса в экологических движениях, сотрудничеством с природозащитными / природоохранными организациями, не получил особого признания со стороны широкой общественности. Возможно, это связано с недостаточно высокими оценками возможности указанных субъектов обеспечить улучшение экологической ситуации как отдельно, так и в сотрудничестве с предприятиями крупного бизнеса.

Деятельность руководителей крупных промышленных предприятий, как трансформа-

ционных лидеров, должна фокусироваться на природоохранных задачах и экологических ценностях, позволяющих интегрировать интересы всех социальных акторов, участвующих в производственных процессах. К таким социальным акторам относятся не только акционеры, инвесторы, принимающие стратегические решения, но и линейный персонал. От уровня ответственности каждого работника, его осознанного отношения к прямым и потенциальным экологическим рискам во многом зависит эффективность решения задач природоохранной деятельности. Однако полученные в ходе исследования оценки демонстрируют тенденцию снижения ответственности субъектов по мере уменьшения их властных полномочий: 45,1% респондентов возлагают обязательства по нивелированию экологических угроз на руководство предприятий, 23,1% – на линейных руководителей и 17,3% – на отдельных сотрудников.

Несмотря на полученное распределение ответов, полагаем, что руководители крупных промышленных предприятий должны особое внимание уделять кадровой политике организации, создавать условия для реализации экологических инициатив работников, блокировки негативных проявлений халатности, небрежности, недобросовестности в вопросах природоохранной деятельности. Инструментами кадровой политики могут выступать как ограничительные санкции, так и системы морального и материального стимулирования. Трансформационное лидерство в контексте снижения экологических рисков предполагает способность руководителей промышленных предприятий направлять и мотивировать персонал организации, инвесторов, местное сообщество к развитию экологических компетенций, ценностей, норм, установок и моделей ответственного поведения в вопросах сохранения окружающей среды.

Роль трансформационного лидерства может быть эксплицирована в следующих направлениях:

1. Модернизация стратегических установок и ключевых экологических ориентиров в ходе реализации инвестиционных проектов, приоритезация принципов экологической безопасности в процессе принятия решений

2. Мотивация сотрудников и топ-менеджмента крупных промышленных предприятий в целях закрепления позитивных трудовых практик, недопущения халатности, нарушения правил в сфере экологической безопасности

3. Формирование положительной репутации крупного бизнеса, демонстрация практики экологической ответственности, информационной открытости, обратной связи с гражданами

Эффективность трансформационного лидерства может достигаться за счет формальных и неформальных организационных инструментов: принятие этических принципов экологической безопасности, внедрение показателей эффективности в области снижения экологических рисков, систем поощрения персонала в целях мотивации к экологически-ответственным трудовым практикам.

Выводы.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости восстановления имиджа крупных промышленных предприятий в сфере экологии. В большинстве своем жители Санкт-Петербурга наделяют бизнес негативными экстерналиями: приоритет коммерческой выгоды в совокупности с пренебрежением экологическими рисками; низкий уровень социальной ответственности и экологической культуры, халатность, имитация ESG-принципов для получения прибыли и т.д. На фоне указанных негативных стереотипов достаточно ожидаемым является высокий уровень патерналистских ожиданий, в которых государство и проверяющие органы наделяются ключевыми признаками субъектности и ответственностью за решение экологических проблем.

В ходе исследования был установлен достаточно низкий уровень активности и самоорганизации граждан в вопросах реагирования на экологические риски. Для решения указанных проблем предложена модель акцентуализации экологического поведения населения, которая может быть реализована в деятельности некоммерческих организаций и достигаться за счет мягких, «несиловых» регулирующих воздействий, направленных на развитие экологического сознания и поведения граждан. Элементами данной модели выступают: экологическое просвещение, развитие ценностно-смысловой сферы, самоорганизации населения, формирование коммуникационных пространств.

Решение проблем недостаточного уровня социальной ответственности бизнеса видит-

ся в реализации модели трансформационного лидерства. Данная модель включает в себя следующие направления: закрепление стратегических установок и ключевых экологических ориентиров в инвестиционной деятельности предприятий, мотивация и стимулирование сотрудников в целях реализации позитивных трудовых практик, демонстрация норм экологической ответственности, информационной открытости, обратной связи с гражданами.

Литература:

1. Божья-Воля А.А., Попова П.А. ESG-ориентиры российских градообразующих предприятий и их влияние на развитие моногородов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. № 40 (1). С. 80-101. DOI: 10.21638/spbu05.2024.104

2. Волкова И.А., Галынчик Т.А. Малый и средний бизнес в условиях экологической трансформации: региональный аспект // Московский экономический журнал. 2022. №1. С. 598-607.

3. Дударева О.В. Управление уязвимостью промышленных экосистем в интересах устойчивого развития // Организатор производства. 2021. Т. 29. № 4. С. 77-85. DOI: 10.36622/VSTU.2021.24.10.008.

4. Каримова С.А., Зарипова Р.Р. Актуальные аспекты ключевых вызовов в контексте устойчивого развития // Вестник Академии знаний. 2024. № 3 (62). С. 234-239.

5. Курбатова М.В., Донова И.В. Коллективные действия в реализации климатической политики: роль населения // Terra Economicus. 2024. № 22 (1). С. 62-80. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-1-62-80

6. Лаврикова Ю.Г., Вегнер-Козлова Е.О., Бучинская О.Н. Организационно-экономические барьеры на пути развития устойчивого финансирования (на примере крупного промышленного бизнеса Уральского региона) // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 1. С. 108-125. DOI: 10.31107/2075-1990-2025-1-108-125.

7. Смирнов В.Д. Управление ESG рисками в коммерческих организациях // Управленческие науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 6–20. DOI: 10.26794/2404-022X-2020-10-3-6-20

8. Фролова Е.В. Управление развитием кооперации в Российской Федерации: проблемы и перспективы. Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17. № 1. С. 158-178. DOI: 10.17072/2218-9173-2025-1-158-178

9. Clementino E., Perkins R. How do companies respond to environmental, social and governance (ESG) ratings? Evidence from Italy // Journal of Business Ethics. 2021. Vol. 171. № 2. P. 379–397. DOI: 10.1007/s10551-020-04441-4.

10. Ho V.H. Modernizing ESG disclosure // University of Illinois Law Review. 2022. Vol. 277. № 1. P. 277–365.

УДК 316

ОБ АВТОРЕ:

Рязанов Максим,
аспирант 1 курса кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Российский Биотехнологический Университет, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Ryazanov Maxim,
PhD student of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Russian Biotechnology University, Moscow, Russia

Рязанов М.

Медиатехнологии как инструмент оптимизации управленческих процессов: анализ эффективности и стратегии внедрения

В статье рассматривается сущность медиатехнологий как драйвера оптимизации управленческих процессов. Исследован теоретический базис концепции медиатехнологий и выделены ключевые аспекты ее формирования. Приведены теории, рассматривающие в своей содержательной части понятие медиатехнологий. Обозначена эффективность медиатехнологий в управленческих процессах и обоснованы стратегии внедрения

Ключевые слова: Медиатехнологии, эффективное управление, управленческие процессы, стратегии внедрения, теория медиа-экологии, социология медиа, критическая теория.

Для цитирования: Рязанов М. Медиатехнологии как инструмент оптимизации управленческих процессов: анализ эффективности и стратегии внедрения // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С.73-81.

MEDIA TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR OPTIMIZING MANAGEMENT PROCESSES: ANALYSIS OF EFFICIENCY AND IMPLEMENTATION STRATEGIES

Ryazanov M.

The article deals with the essence of media technologies as a driver of optimization of management processes. The theoretical basis of the concept of media technologies is investigated and key aspects of its formation are highlighted. The theories considering in their content the concept of media technologies are given. The effectiveness of media technologies in management processes is outlined and strategies of implementation are substantiated.

Keywords: Media technologies, effective management, management processes, implementation strategies, media ecology theory, media sociology, critical theory.

For citation: Ryazanov M. Media Technologies as a Tool for Optimizing Management Processes: Analysis of Efficiency and Implementation Strategies. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii.* 2025; 3 (35):73-81. (In Russ.)

Введение

Медиатехнологии занимают центральное место в управленческих процессах, оказывая значительное влияние на организационную структуру, методы принятия решений и корпоративную культуру. Исследования в области социологии управления подтверждают, что интеграция цифровых инструментов способствует повышению эффективности и адаптивности управленческих систем. Они оптимизируют информационные потоки, ускоряют обмен данными и способствуют улучшению координации между структурными подразделениями.

Однако применение медиатехнологий в управлении связано с рядом вызовов. Адаптация традиционных управленческих моделей к цифровой среде требует от руководителей развития цифровых компетенций и навыков. Кроме того, использование медиатехнологий может усугублять социальное неравенство, формируя «цифровую пропасть» между различными социальными стратами и организациями.

Социологические исследования акцентируют внимание на этических аспектах внедрения медиатехнологий в управленческую практику. Вопросы конфиденциальности данных,

прозрачности деятельности и ответственности за принятие управленческих решений приобретают особую актуальность в условиях цифровизации. Важно учитывать, что медиатехнологии могут быть использованы как для достижения положительных целей, так и для реализации негативных сценариев, что требует разработки соответствующих нормативно-правовых и этических регламентов.

Основная часть

1. Общая теория медиатехнологий

Общая теория медиатехнологий, рассматриваемая в рамках социологии управления, изучает влияние медиа и коммуникационных технологий на социальные структуры, организационные процессы, поведение и культуру общества. Основное внимание уделяется исследованию взаимосвязи между технологическим развитием медиа и изменениями в управлении, организационных практиках и социальной жизни.

Медиатехнологии представляют собой совокупность инструментов и платформ, которые позволяют создавать, распространять и потреблять информацию. Они включают в себя как традиционные средства массовой информации (телевидение, радио, печатные издания), так и современные цифровые платформы (социальные сети, блоги, подкасты).

Исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения под названием «Новости, достойные доверия», проводимой в 2023 году, говорит о следующих наиболее популярных видах медиатехнологий в досуговой жизни россиян [1]:

Таблица 1. Ответы россиян о главном источнике новостей (по данным ВЦИОМ)

Что для Вас служит главным источником новостей о событиях в нашей стране? (закрытый опрос, один ответ, в % от всех опрошенных)	**2018**	**2020**	**2021**	**2023**
Телевидение	53	38	42	40
Интернет — новостные, аналитические, официальные сайты	18	23	20	19
Интернет — социальные сети, блоги	14	20	21	14
Мессенджеры (Вотсапп, Телеграм, Вайбер и другое)*	-	-	4	11
Разговоры с людьми	7	7	5	8
Радио	3	5	2	2
Газеты	3	2	1	1
Журналы	<1	<1	<1	<1
Ничего из перечисленного	1	3	2	2
Затрудняюсь ответить	1	1	3	3

Далее охарактеризуем ключевые аспекты, формирующие теорию медиатехнологий в социологии:

1) Технологический детерминизм. Эта концепция утверждает, что развитие медиатехнологий оказывает прямое и часто определяющее воздействие на социальные и управленческие процессы. Например, внедрение интернета привело к трансформации способов коммуникации, организации труда и управления, создав новые формы социальной и организационной структуры.

2) Социальное конструирование технологий. Подход подчеркивает, что технологии не являются автономными, а формируются и принимаются обществом в соответствии с его ценностями, интересами и социальными отношениями. В контексте управления это означает, что медиатехнологии становятся инструментами, отражающими и формирующими управленческие практики и организационные структуры.

3) Массовая коммуникация и общественное мнение. Медиатехнологии играют ключевую роль в формировании и распространении общественного мнения, влияя на социальные нормы, убеждения и поведение как отдельных индивидов, так и групп. В управлении это проявляется в использовании медиа для формирования корпоративной культуры, мотивации сотрудников и управления репутацией организации.

4) Изменение социальной структуры и организационной культуры. Медиатехнологии способствуют возникновению новых социальных и организационных групп, а также изменению традиционных форм взаимодействия. Например, социальные сети позволяют формировать сообщества по интересам, выходящие за рамки традиционных социальных и организационных границ, что влияет на управление и взаимодействие внутри организаций.

5) Власть и контроль. Медиатехнологии становятся инструментами управления и контроля, где доступ к технологиям и средствам распространения информации определяет возможности влияния на социальные и организационные процессы. В контексте управления это означает, что владение медиаресурсами и информационными потоками может использоваться для манипуляции сознанием, управления общественным мнением и поддержания власти.

Основные области и тенденции, в которых происходят инновации и прогресс в создании и распространении медиа-контента, представлены следующим образом:

1) Цифровизация и конвергенция медиа. Современные медиатехнологии активно интегрируются и пересекаются друг с другом, создавая новые формы и способы взаимодействия. Это приводит к конвергенции различных типов медиа, таких как текст, изображения, видео и аудио, на одной платформе. Например, мультимедийные веб-сайты и приложения позволяют пользователям одновременно потреблять различные виды контента.

2) Интерактивность и пользовательский опыт. Современные медиаплатформы активно внедряют интерактивные элементы, такие как комментарии, опросы, возможность создания пользовательского контента и персонализированные рекомендации. Это позволяет повысить вовлеченность аудитории и сделать процесс потребления информации более интерактивным и увлекательным.

3) Искусственный интеллект и машинное обучение. Эти технологии активно используются для анализа больших объемов данных, автоматизации процессов создания и распространения контента, а также для персонализации пользовательского опыта. Алгоритмы машинного обучения помогают в разработке рекомендательных систем, анализе поведения пользователей и оптимизации рекламных кампаний.

4) Социальные сети и виртуальная реальность. Социальные сети продолжают играть важную роль в распространении информации и формировании общественного мнения. Виртуальная и дополненная реальность открывают новые возможности для создания иммерсивного опыта, позволяя пользователям взаимодействовать с контентом на более глубоком уровне.

5) Этические и правовые аспекты. С развитием медиатехнологий возникают новые вызовы в области этики и права. Вопросы конфиденциальности данных, авторского права, дезинформации и кибербезопасности становятся все более актуальными. Регулирование этих

аспектов требует комплексного подхода и координации между различными участниками медиапространства.

Итак, медиатехнологии оказывают многогранное влияние на общество, включая:

1) Изменение форм коммуникации. Медиатехнологии способствуют трансформации традиционных форм коммуникации, делая их более доступными и удобными. Это позволяет людям поддерживать связь на больших расстояниях, обмениваться информацией в реальном времени и участвовать в глобальных дискуссиях.

2) Формирование общественного мнения. Медиа играют ключевую роль в формировании общественного мнения и ценностей. Они могут влиять на восприятие событий, способствовать распространению идей и формировать культурные нормы. Однако это также создает риски распространения дезинформации и манипуляций.

3) Экономическое развитие. Медиатехнологии стимулируют развитие новых отраслей экономики, таких как интернет-маркетинг, разработка программного обеспечения и создание контента. Они также способствуют росту электронной коммерции и изменению традиционных бизнес-моделей.

4) Образование и культура. Медиатехнологии открывают новые возможности для образования и культурного обмена. Онлайн-курсы, виртуальные музеи и культурные платформы позволяют людям получать доступ к знаниям и культурным ценностям из любой точки мира.

2. Теоретические подходы в социологии и междисциплинарных исследованиях

Теория медиа-экологии

Теория медиа-экологии акцентирует внимание на том, как различные медиаформаты влияют на восприятие и поведение людей. Она исследует, как изменения в медиа-среде могут изменить социальные структуры и культурные практики.

Теория медиа-экологии, предложенная Маршаллом Маклюэном, подчеркивает, что средства массовой коммуникации не просто передают информацию, но и формируют окружающую среду, в которой мы живем. Маклюэн утверждал, что «медиа — это сообщение», подразумевая, что именно способ передачи информации оказывает более значительное влияние на общество, чем содержание самого сообщения.

Современные исследования в области медиа-экологии продолжают развивать эту идею, рассматривая медиа как сложные системы, включающие не только традиционные средства массовой информации (телевидение, радио, печать), но и цифровые платформы, социальные сети и мобильные устройства. Эти новые формы коммуникации изменяют не только способы взаимодействия людей, но и структуру социальных связей, восприятие времени и пространства, а также культурные нормы и ценности [10].

Одним из ключевых аспектов медиа-экологии является концепция «глобальной деревни», предложенная Маклюэном. В эпоху цифровых технологий эта идея приобретает новое звучание. Социальные сети и интернет позволяют людям мгновенно обмениваться информацией на глобальном уровне, создавая иллюзию близости и взаимосвязанности. Однако это также может приводить к фрагментации общества, так как пользователи могут выбирать информационные потоки, соответствующие их личным предпочтениям, что усиливает эффект «эхо-камер» и затрудняет межкультурный диалог.

Медиа-экология также исследует влияние медиа на когнитивные процессы и психическое здоровье. Исследования показывают, что чрезмерное использование цифровых устройств может приводить к снижению концентрации внимания, ухудшению памяти и повышению уровня стресса. Постоянное пребывание в виртуальном мире может изменять восприятие реальности, создавая ощущение отчуждения от физического окружения и реальных социальных взаимодействий [2].

Кроме того, медиа-экология рассматривает вопросы равенства доступа к информации и медиаресурсам. Цифровой разрыв, проявляющийся в неравенстве доступа к интернету и цифровым технологиям, может усугублять социальные и экономические неравенства. Это, в свою очередь, влияет на возможности для образования, профессионального развития и политической активности различных групп населения.

Таким образом, теория медиа-экологии остается актуальной и динамично развиваю-

щейся областью исследований, которая помогает понять сложные взаимосвязи между медиа, обществом и культурой в условиях постоянно меняющейся медиа-среды.

Социология медиа

Социология медиа также исследует, как медиаформаты влияют на процессы управления и принятия решений в различных социальных институтах. Она анализирует, как медиа создают и распространяют управленческие нарративы, формируют общественное мнение и мобилизуют социальные группы.

Медиа играют ключевую роль в легитимации власти и укреплении институционального авторитета. Они формируют информационные потоки, которые могут как поддерживать, так и критиковать управленческие решения, влияя на их восприятие и оценку обществом.

Современные медиа способствуют развитию новых форм общественного участия и гражданского активизма. Социальные сети и цифровые платформы позволяют людям более эффективно обмениваться информацией, организовывать коллективные действия и выражать свое мнение по управленческим вопросам [5].

Медиаформаты также влияют на профессиональные практики и карьерные траектории в сфере управления. Они формируют представления о лидерстве, корпоративной культуре и этических нормах, что, в свою очередь, влияет на поведение и решения управленческих кадров.

Основные аспекты теории социологии медиа в рамках социологии управления включают в себя:

1) Влияние СМИ на формирование общественного мнения и ценностей. СМИ могут формировать общественное мнение, влиять на ценности и нормы поведения, что, в свою очередь, может оказывать воздействие на процессы управления. Например, освещение определённых событий в новостях может влиять на общественное мнение о действиях правительства или организаций, что может привести к изменению политической или управленческой ситуации.

2) Роль СМИ в информационном обеспечении управления. СМИ предоставляют информацию, необходимую для принятия управленческих решений. Однако качество и достоверность этой информации могут варьироваться, что может влиять на эффективность управления. Например, СМИ могут освещать деятельность организаций, предоставляя информацию о их финансовых показателях, управленческих практиках и т. д. Это может помочь руководству организаций принимать более обоснованные решения.

3) Медиа и формирование корпоративной культуры. СМИ могут влиять на формирование корпоративной культуры, транслируя ценности и нормы поведения. Например, через корпоративные медиа (внутренние новости, блоги руководителей, видеообращения) компании могут продвигать свои ценности и ожидания от сотрудников, что влияет на управленческие практики и мотивацию сотрудников.

4) Управление медиа-репутацией. В условиях информационного общества управление репутацией становится важной частью управленческой деятельности. СМИ могут как способствовать формированию позитивного имиджа организации, так и наносить ущерб её репутации. Поэтому управление медиа-репутацией становится важной задачей для менеджеров.

5) Медиа и процессы принятия решений. СМИ могут оказывать влияние на процессы принятия решений как на уровне организаций, так и на уровне общества в целом. Например, освещение экономических тенденций может влиять на инвестиционные решения компаний, а освещение социальных проблем может влиять на решения правительства о распределении ресурсов.

6) Влияние медиа на организационные структуры и коммуникации. Развитие новых медиатехнологий и платформ может изменять организационные структуры и коммуникационные процессы. Например, использование социальных сетей для внутренних коммуникаций может изменить способы взаимодействия между сотрудниками и повлиять на управленческие практики.

7) Контроль и регуляция медиа в контексте управления. Государство и общественные институты могут регулировать деятельность СМИ, что влияет на информационное

пространство и управленческие процессы. Например, законы о защите персональных данных могут ограничивать использование определённых видов информации в СМИ, что влияет на маркетинговые и PR-стратегии организаций.

Критическая теория

Критическая теория медиатехнологий акцентирует внимание на том, что медиа не являются нейтральными инструментами, а активно участвуют в формировании и поддержании социальных структур. В рамках социологии управления этот подход помогает понять, как медиа влияют на управленческие практики, корпоративную культуру и организационные процессы [8].

Во-первых, медиатехнологии способствуют усилению контроля и прозрачности в организациях. Современные системы управления используют информационные технологии для мониторинга и анализа деятельности сотрудников, что позволяет более эффективно распределять ресурсы и принимать решения. Однако это также вызывает опасения по поводу нарушения приватности и этических норм.

Во-вторых, медиа формируют управленческую культуру, задавая стандарты и нормы поведения в организациях. Корпоративные медиа, такие как внутренние блоги, новостные рассылки и социальные сети, играют важную роль в формировании корпоративной идентичности и укреплении лояльности сотрудников. Они могут служить инструментом для продвижения ценностей компании, но также могут способствовать созданию токсичной рабочей среды.

В-третьих, медиатехнологии влияют на процессы принятия решений и коммуникации внутри организаций. Виртуальные платформы для совместной работы, такие как Zoom и Slack, способствуют более гибким и оперативным коммуникациям, но могут также приводить к информационной перегрузке и снижению эффективности взаимодействия [4].

Критическая теория медиатехнологий также рассматривает, как медиа участвуют в воспроизводстве социальных неравенств. Доступ к современным медиатехнологиям и их эффективное использование могут быть ограничены для определенных групп населения, что усиливает существующие социальные барьеры и препятствует социальным изменениям.

Критическая теория применяется в следующих управленческих стратегиях:

1) Управление медиа-организациями. Критическая теория медиатехнологий помогает анализировать, как менеджеры медиа-организаций принимают решения и какие цели они преследуют. Это может включать изучение стратегий монетизации контента, влияния корпоративной культуры и взаимодействия с рекламодателями.

Менеджеры должны осознавать, что их решения могут иметь долгосрочные социальные последствия и стремиться к более этичному управлению.

2) Управление коммуникациями в организациях. Внутри организаций медиа также играют важную роль в управлении коммуникациями. Критическая теория медиатехнологий может помочь понять, как информационные потоки внутри компании влияют на принятие решений и взаимодействие между сотрудниками.

Организации могут использовать медиа для повышения прозрачности, улучшения корпоративной культуры и укрепления доверия среди сотрудников и внешних стейкхолдеров.

3) Управление кризисами и репутацией. В условиях кризисов медиа становятся важным инструментом для управления репутацией. Критическая теория медиатехнологий помогает понять, как организации могут эффективно использовать медиа для минимизации ущерба и восстановления доверия.

Важно учитывать, что медиа могут как способствовать, так и затруднять управление кризисами, в зависимости от того, насколько прозрачна и честна организация в своих коммуникациях.

4) Управление инновациями в медиа. Современные медиатехнологии открывают новые возможности для инноваций, но также создают новые вызовы для управления. Критическая теория медиатехнологий помогает анализировать эти вызовы и разрабатывать стратегии для их преодоления.

Организации должны быть готовы к быстрым изменениям и адаптироваться к новым медиаформатам и платформам [9].

3. Влияние медиатехнологий на общество и стратегии внедрения

Медиатехнологии оказывают значительное влияние на общество, изменяя способы взаимодействия между людьми, формируя новые культурные практики и влияя на политические процессы. Они могут как способствовать демократизации информации, так и усиливать существующие неравенства [7].

Критическая теория медиатехнологий акцентирует внимание на том, что медиа не являются нейтральными инструментами, а активно участвуют в формировании и поддержании социальных структур. В рамках социологии управления этот подход помогает понять, как медиа влияют на управленческие практики, корпоративную культуру и организационные процессы.

Во-первых, медиатехнологии способствуют усилению контроля и прозрачности в организациях. Современные системы управления используют информационные технологии для мониторинга и анализа деятельности сотрудников, что позволяет более эффективно распределять ресурсы и принимать решения. Однако это также вызывает опасения по поводу нарушения приватности и этических норм [3].

Во-вторых, медиа формируют управленческую культуру, задавая стандарты и нормы поведения в организациях. Корпоративные медиа, такие как внутренние блоги, новостные рассылки и социальные сети, играют важную роль в формировании корпоративной идентичности и укреплении лояльности сотрудников. Они могут служить инструментом для продвижения ценностей компании, но также могут способствовать созданию токсичной рабочей среды.

В-третьих, медиатехнологии влияют на процессы принятия решений и коммуникации внутри организаций. Виртуальные платформы для совместной работы, такие как Zoom и Slack, способствуют более гибким и оперативным коммуникациям, но могут также приводить к информационной перегрузке и снижению эффективности взаимодействия.

Критическая теория медиатехнологий также рассматривает, как медиа участвуют в воспроизводстве социальных неравенств. Доступ к современным медиатехнологиям и их эффективное использование могут быть ограничены для определенных групп населения, что усиливает существующие социальные барьеры и препятствует социальным изменениям.

Медиатехнологии тесно связаны с инновационными управленческими стандартами, которые стали необходимыми в современном обществе для повышения эффективности бизнеса и организаций. Использование медиатехнологий в управлении позволяет улучшить коммуникацию, ускорить принятие решений и адаптироваться к быстро меняющимся условиям рынка [6].

Основные инновационные управленческие стандарты, связанные с медиатехнологиями:

1. Agile и Scrum — гибкие методологии управления проектами, которые используют инструменты совместной работы и коммуникации через медиаплатформы для быстрого реагирования на изменения и повышения продуктивности команд.

2. Цифровая трансформация — стандарты, предусматривающие интеграцию цифровых технологий (в том числе медиатехнологий) в бизнес-процессы для оптимизации работы и создания новых продуктов и услуг.

3. Управление знаниями (Knowledge Management) — применение медиатехнологий для сбора, хранения и распространения информации внутри организации, что повышает качество решений и инновационный потенциал.

4. Управление корпоративными коммуникациями — стандарты, мотивирующие использование медиатехнологий для эффективного внутреннего и внешнего взаимодействия, что улучшает восприятие бренда и вовлечённость сотрудников.

Высокая эффективность медиатехнологий в управлении проявляется в увеличении скорости обмена информацией, снижении издержек на коммуникацию, повышении прозрачности процессов и расширении возможностей для удалённого взаимодействия и обучения.

Стратегии внедрения медиатехнологий в управленческие стандарты можно сгруппировать следующим образом:

- Обучение и развитие персонала: внедрение тренингов и обучающих платформ для повышения цифровой грамотности и навыков работы с медиатехнологиями.

- Интеграция и оптимизация процессов: использование медиатехнологий для автомати-

зации коммуникаций, документооборота и управления проектами.

- Культурные изменения: формирование открытой и инновационной корпоративной культуры, которая поддерживает использование новых медиатехнологий.

- Оценка и адаптация: постоянный мониторинг эффективности медиатехнологий и корректировка стратегий на основе обратной связи и анализа данных.

Интеграция инновационных управленческих стандартов с применением цифровых технологий позволяет организациям повысить эффективность управления, оптимизировать внутренние процессы, улучшить качество коммуникации и обеспечить доступ к актуальным знаниям. Это, в свою очередь, способствует увеличению конкурентоспособности, повышению качества продукции и услуг, а также созданию благоприятных условий для профессионального развития сотрудников [11].

Итак, медиатехнологии становятся неотъемлемой частью современных управленческих стандартов, повышая конкурентоспособность и адаптивность организаций. Таким образом, инновационные управленческие стандарты и цифровые технологии представляют собой взаимодополняющие элементы, которые в совокупности могут обеспечить организациям конкурентные преимущества и способствовать их устойчивому развитию в условиях современной цифровой экономики.

Заключение

Анализ развития медиа и коммуникационных технологий в контексте социологических теорий управления демонстрирует, что их эволюция оказывает существенное влияние на социальные структуры, организационные процессы, поведенческие модели и культурные трансформации в обществе. Технологический детерминизм, социально-конструктивистский подход к технологиям, теория медиатизации, а также концепции информационного и сетевого общества подчеркивают дуальность медиатехнологий, которые не только отражают, но и формируют социальные и управленческие практики.

Современные медиатехнологии, включая телевидение, интернет, мобильные устройства, искусственный интеллект, системы рекомендаций и технологии обработки больших данных, трансформируют способы коммуникации, организации труда и менеджмента. Они способствуют децентрализации информационных потоков, формированию новых социальных сетей и изменению паттернов общественной активности. Однако данные технологии также порождают ряд вызовов, таких как создание информационных фильтров, усиление социальной изоляции, проблемы конфиденциальности и информационной безопасности.

В контексте управления медиатехнологии играют ключевую роль, способствуя формированию корпоративной культуры, мотивации сотрудников, управлению репутацией, организации дистанционного обучения, удаленной работы, виртуальных конференций и маркетинговых кампаний. Тем не менее их использование сопряжено с рядом сложностей, включая необходимость защиты данных, усиление цифрового неравенства и трансформацию традиционных моделей управления.

Таким образом, медиатехнологии интегрируются в управленческие процессы и организационные структуры, становясь их неотъемлемой частью. Для эффективного использования данных технологий организациям необходимо адаптироваться к изменяющимся условиям, разрабатывать соответствующие стратегии и учитывать как позитивные, так и негативные последствия их внедрения. Дальнейшее исследование воздействия медиатехнологий на управление и общество представляет собой крайне актуальную задачу.

Литература:

1. «Новости, достойные доверия»: исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novosti-dostoinye-doverija (дата обращения 17.05.2025)

2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Алгоритм, 2004. 832 с.

3. Коломиец В. П. Медиасоциология: теория и практика: монография / Аналитический центр Vi. М. : НИПКЦ Восход-А, 2014. 328 с.

4. Делез Ж. Общество контроля / Ж. Делез. [Электронный ресурс]. URL: http://www.irms.ru/delez.html (дата обращения: 25.05.25).

5. Дэвис Э. Техногнозис: мир, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис; [Пер. с англ. С. Кормиль-

цева, Е. Бачининой, В. Харитонова]. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. – 480 с. – (Philosophy).
6. Averbeck-Lietz, S. Понимание медиатизации в «первой современности»: социологические классики и их взгляды на опосредованные и медиатизированные общества // Mediatization of Communication / ed. by K. Lundby. — Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014. — P. 119. — URL: https://doi.org/10.1515/9783110272215.3 (дата обращения: 25.05.25).
7. Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М., 2007.
8. Касториадис К. Воображаемое установление общества / К. Касториадис; [Пер. Г. Волковой, С. Офертаса]. – М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2003. - 480 с.
9. Докторович А. Б. Социология взаимодействия и отношения как фактор развития социального потенциала // Труд и социальные отношения. 2008. № 9. С. 4-14.
10. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн; [Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова]. – М.: «Гиперборея», «Кучково поле», 2007. – 464 с.
11. Ефимов И.С. Медиатехнологии формирования образа жизни и поведения. Социология и право. 2017; (3):59-64.

5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

УДК 159.99

ОБ АВТОРЕ:

Алексеев Дмитрий Евгеньевич,
кандидат психологических наук, заместитель начальника кафедры психологии УНК ПСД, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Alekseev Dmitrii E.,
Candidate of Psychological Sciences, Deputy Head of the Department of Psychology, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia.

Алексеев Д.Е.

Осознанность как буфер отчуждения моральной ответственности у обучающихся образовательных организаций МВД России

Поведение сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации во многом является следствием тех морально-нравственных ориентиров, которые заложены в нем с детства. Однако на этапе обучения в ведомственных образовательных организациях много внимания уделяется воспитательной работе с курсантами и слушателями. В рамках данной работы проводятся мероприятия патриотического, культурно-просветительского, психологического характера. В последнее время особое внимание в психологии все больше распространяются исследования, посвященные осознанности, как универсальному механизму психологической гармонизации личности. При этом, феномен отчуждения моральной ответственности, предложенный в качестве понятия А. Бандурой, предполагает отказ личности от соприкосновения с мыслями, которые этой личности кажутся неприятными или даже болезненными. Это заставляет задуматься о том, каким образом степень осознанности личности связана с различными механизмами отчуждения моральной ответственности. Нами выдвинуто предположение, что осознанность выступает буфером, предохраняющим личность от активизации у нее механизмов (локусов) отчуждения моральной ответственности.

Ключевые слова: осознанность, отчуждение моральной ответственности, теория социального научения, образовательные организации МВД России, когнитивно-поведенческий подход.

Для цитирования: Алексеев Д.Е. Осознанность как буфер отчуждения моральной ответственности у обучающихся образовательных организаций МВД России // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С. 82-89.

PECULIARITIES OF THE ANXIETY BELIEF SYSTEM IN CADETS AND TRAINEES OF EDUCATIONAL ORGANISATIONS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS, STUDYING IN DIFFERENT SPECIALTIES

Alekseev D.E.

The behaviour of an employee of internal affairs bodies of the Russian Federation is in many respects a consequence of those moral and moral guidelines, which are laid down in him from childhood. However, at the stage of training in departmental educational organisations much attention is paid to educational work with cadets and trainees. As part of this work, activities of a patriotic, cultural and educational, psychological nature are carried out. Recently, special attention in psychology is increasingly spreading research on mindfulness as universal mechanism of psychological harmonisation of personality. At the same time, the phenomenon of alienation of moral responsibility, proposed as a concept by A. Bandura, implies the refusal of a personality from contact with thoughts that this personality finds unpleasant or even painful. This makes think about how the degree of mindfulness of the personality is related to different mechanisms of alienation of moral responsibility. We put forward the assumption that mindfulness acts as a buffer protecting the personality from activation of mechanisms (loci) of moral responsibility alienation.

Keywords: mindfulness, alienation of moral responsibility, theory of social learning, educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, cognitive-behavioural approach.

For citation: Alekseev D.E. Peculiarities of the anxiety belief system in cadets and trainees of educational organisations of the Russian Ministry of internal affairs, studying in different specialties. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii.* 2025; 3 (35): 82-89. (In Russ.)

Развитые морально-нравственные качества сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации являются безусловным требованием к его личности. Данные качества должны быть ориентированы на идеалы общества и государства. В приказе МВД России от 26.06.2020 № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» к сотруднику органов внутренних дел Российской Федерации предъявляются следующие требования [9]:

1. Рассматривать защиту жизни, здоровья, прав, свобод, чести, личного достоинства и законных интересов граждан как высшую нравственную цель его служебной деятельности.

2. Признавать приоритет государственных и служебных интересов над личными, быть готовым к выполнению служебных обязанностей в особых условиях, перемещению в интересах службы, в том числе в другую местность.

3. Служить примером исполнения законов, неукоснительного соблюдения требований служебной дисциплины.

4. Быть мужественным и решительным перед лицом опасности при пресечении правонарушений, защите граждан от преступных посягательств, проявлять готовность к оказанию помощи пострадавшим.

5. Учитывать национальные обычаи и традиции, религиозные чувства граждан, культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп, конфессий, способствовать согласию между ними.

6. Вести себя достойно и вежливо, вызывая доверие и уважение граждан к органам внутренних дел, готовность оказывать им содействие.

7. Быть нетерпимым к проявлениям коррупции.

Противоречие ценностей законам, традициям принятым моральным нормам безусловно делает лицо, наделенное властными полномочиями опасным и вредоносным для государства и общества. Вместе с тем, нередки случаи, когда сотрудник органов внутренних дел внутренне не разделяет, но формально соглашается с выполнением требований к его высокоморальному поведению. В связи с этим, у такого сотрудника возникает необходимость подавлять свои намерения и желания. Подобное чуждое личности сотрудника поведения не может не вызывать стресс и негативные эмоциональные состояния, которые потенциально могут отражаться как на психическом, так и на физическом здоровье.

В этом контексте, представляется весьма интересным понятие отчуждение моральной ответственности, введенное А. Бандурой, суть которого раскрывает механизмы преодоления человеком моральных запретов путем искажения для себя моральной интерпретации своего поведения. Всего А. Бандурой было выделено восемь таких механизмов [12]. Они представлены в рамках трех локусов (рис. 1) [8; 16]: поведенческого, локуса актора, локуса, позволяющего переформулировать последствия поведения и локуса, искажающего образ жертвы жестокого поведения.

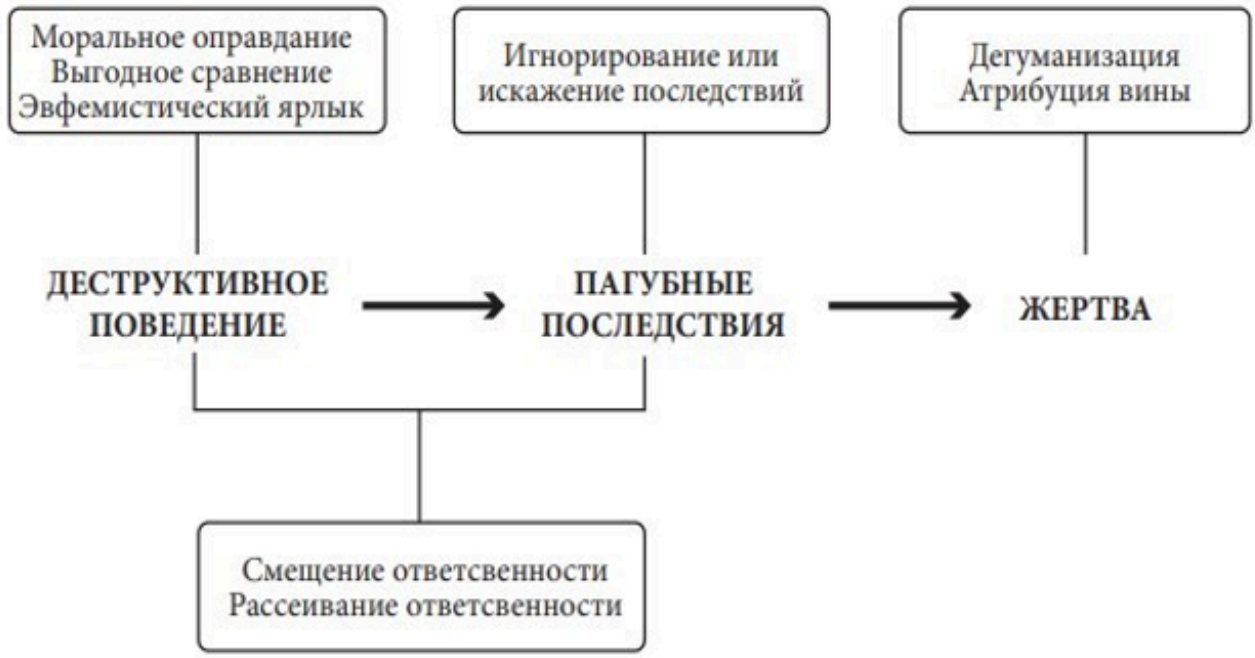

Рисунок 1. Механизмы отчуждения моральных запретов индивида, активирующиеся в ответ на его деструктивное поведение [8; 16]

К первому локусу относятся такие механизмы, как моральное оправдание, эвфемистический ярлык и выгодное сравнение.

Моральное оправдание представляет собой позиционирование собственного аморального поведения как необходимого или полезного для общества. Таким образом, самые различные аморальные и антисоциальные поступки могут прикрываться мотивами любви (в том числе к Родине), дружбы, социальной необходимости и т.д. В деятельности сотрудника органов внутренних дел подобные оправдания могут быть проявлены в необоснованном применении силы, при «выбивании» информации из задержанных граждан, что может объясняться сотрудником как преодоление несовершенств нормативных правовых актов, социальной справедливостью и необходимостью покарать преступника. Не чужды сотрудникам и оправдания коррупционного поведения через понятия преодоления бюрократизма, волокиты и т.д.

Эвфемистические ярлыки позволяют снизить степень аморальности поведения. В таком случае аморальность поведение смягчается за счет использование более обтекаемых, мягких формулировок и клише. Это позволяет снизить «градус» эмоционального наполнения и эмоциональных последствий поведения. Так, сотрудник органов внутренних дел может применять данный механизм, используя специальную формально-юридическую терминологию, а также используя понятия из разделов специальной (огневой, физической и тактико-специальной) подготовки.

Выгодное сравнение, предполагает, что человек сопоставляет свое аморальное поведение с поведением, являющимся заведомо еще более аморальным или откровенно антисоциальным. Подобное сравнение позволяет предстать в выгодном свете и уменьшить значимость своего аморального поведения. Так, сотрудник полиции, получивший взятку, может оправдывать ее тем, что полученная им взятка является совершенно незначительной, в сравнении с взятками, получаемыми чиновниками на федеральном уровне.

Ко второму локусу относятся такие механизмы, как смещение ответственности и рассеивание ответственности.

Смещение ответственности предполагает, что совершивший аморальный поступок стремится найти корни своего поведения в действиях других людей или общественных институтов. Виноватым в поведении могут выступить родители, супруги, друзья, враги, государство или отдельные должностные лица, а также непреодолимые обстоятельства. Сотрудник органов внутренних дел может реализовать данный механизм, оправдывая свое поведение указанием вышестоящего руководства, требованиями локальных нормативных актов и т.д. При

этом статья 6 Федерального закона от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» прямо запрещает оправдывать свои противоправные действия таким образом . Однако на практике действия данного механизма можно видеть довольно часто.

Рассеивание ответственности предполагает, что ответственность разделяется с неким кругом лиц, зачастую абстрактным. Это может быть связано с корпоративным кругом. Нередко сотрудники органов внутренних дел, совершая аморальные поступки отсылают к тем традициям, которые сложились у них в подразделении. Это может касаться и порядка взаимодействия с гражданами и совершения поступков, порочащих честь сотрудника и т.д. При этом, сотрудник не испытывает чувства вины, так как наблюдает подобное поведение в своей референтной группе.

Локус, позволяющий переформулировать последствия поведения, связан с механизмом игнорирования или искажения последствий.

Искажение (игнорирование) последствий предполагает декатастрофизацию последствий своих действий, либо полный отказ признавать эти последствия. В практике служебной деятельности сотрудник органов внутренних дел может оправдывать себя, занижая последствия сокрытия правонарушений, совершенных в корыстных целях или последствий для последующей жизни человека, физического вреда, вследствие применения сотрудником физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия.

Локус, искажающий образ жертвы жестокого поведения реализуется за счет двух механизмов: дегуманизация жертвы и перекладывание вины на жертву.

Дегуманизация жертвы позволяет проявлять жестокость к людям за счет лишения их человеческих качеств. Таким образом жертва перестает относится к тому же виду, что и субъект, осуществляющий насилие. В деятельности сотрудников органов внутренних дел, к сожалению встречаются отдельные случаи проявления чрезмерной жестокости при работе с мигрантами, люмпенизированными личностями, а также с гражданами, относящимися к маргинальным слоям общества.

Атрибуция вины (перекладывание вины на жертву) предполагает, что жертва может быть сама виновата в агрессии в отношении неё. Подобная позиция проявляется и таких понятиях, как виктимное поведение. Жертва выставляется провокатором агрессии. Данный механизм в деятельности сотрудника органов внутренних может проявляться при работе с потерпевшими, когда нежелание действовать объясняется тем, что жертва в силу своего поведения не заслуживает помощи.

В отечественной психологии вопрос отчуждения моральной ответственности является относительно новым. Отдельные вопросы, касающиеся данного феномена рассмотрены в работах М. В. Балева, Т. В. Белых, Е. В.Ботвиенко, А. Э. Власова, А. М. Ивановой, С. Д. Корниенко, Я. И. Лядовой, Р. В. Тихонова, О. Н. Боголюбовой, Е. В. Казенной, Ю. Л. Сорокиной, Н. П. Ячменева и др.[1; 4; 5; 8].

Так, Я. А. Ледовая и соавторы в 2016 году провели детальный анализ зарубежных исследований, посвященных проблеме отчуждения моральной ответственности. Итогом данной работы стала адаптация англоязычного опросника отчуждения моральной ответственности (С. Мур) в его коротком (MD-24) и длинном (MD-8) вариантах. При этом, в след за самим С. Муром авторы адаптации отмечают, что внутренняя согласованность выше у длинного опросника, однако внутреннюю согласованность короткого варианта вполне возможно считать достаточной [8; 16].

Понятие осознанности, как общеупотребимое ввел американский исследователь Джон Кабат-Зинн [15]. Осознанность понимается в качестве способности, позволяющей произвольно направлять внимание на события и ощущения и ощущать процесс переключения как произвольный. Безусловно осознанность непосредственно связана со способностью находится в текущем моменте, развитием наблюдающего Я и целенаправленностью.

В ряде зарубежных и отечественных исследований осознанность рассматривается как неспецифический фактор благополучия, которое может проявляться в удовлетворенности жизнью, психологическом благополучием, жизнестойкости, компетентности, оптимизме, самоконтроле, позитивной самооценке, эмпатии и т.д. [10; 13; 14].

Выделяют пять факторов осознанности [11]:

Наблюдение – способность замечать, отмечать и отслеживать опыт (внешний и внутренний).

Описательность опыта – способность словесно выражать внутренний опыт.

Осознанность действий – способность находится здесь и сейчас, находится в настоящем моменте при выполнении деятельности.

Безоценочность – способность к восприятию различного внутреннего опыта (даже неприятного и болезненного) без обесценивания его значимости. Отсутствие стремления к подавлению этого опыта.

Нереагирование – способность не прикрепляться к мыслям и не вовлекаться в них, способность позволять им приходить и уходить.

Безусловно интересными представляются результаты исследования осознанности и профессионально-личностного самоопределения, проведенного В. С.Моисеевой и Л. В. Рыкман. Исследователи приходят к выводу, что «подростки с более высоким уровнем осознанности и внимательности в повседневной жизни готовы к сознательному профессиональному выбору и обладают более высоким уровнем осмысленности жизни, тогда как низкий уровень осознанности характерен для подростков с неопределенным статусом профессиональной идентичности» [7, с. 625]. По нашему мнению, подобные результаты позволяют предполагать, что привычка пребывать в состоянии осознанности является позитивным фактором, способствующим не просто гармонизации психического состояния, но и изменению отношения к собственной субъектности, увеличению рефлексивности и критичности в отношении собственного поведения.

На основе проведенного анализа теоретических источников нами была выдвинутая гипотеза, заключающаяся в предположении о том, что осознанность может выступать буфером отчуждения моральной ответственности у обучающихся образовательных организаций МВД России.

Материалы и методы. Для проверки гипотезы исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы по проблеме исследования, опрос: шкала оценки внимательности и осознанности в повседневной жизни K.W. Brown, R.M. Ryan (адаптация А. М. Голубева) [3]; пятифакторный опросник осознанности R. Baer et al. (адаптация Н. М. Юмартовой, Н. В. Гришиной) [11]; шкала отчуждения моральной ответственности (MD-24) C. Moore (адаптация Я. А. Ледовая и др.) [8].

Статистическая обработка данных эмпирического исследования включала применение коэффициента корреляции Спирмена и осуществлялась с применением статистического пакета StatSoftStatistica 8 MR-3.

Выборку исследования составили курсанты и слушатели Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Из них: 65 девушек и 33 юноши в возрасте от 18 до 21 года, обучающихся по двум специальностям: психология служебной деятельности (74 человек), психология и педагогика девиантного поведения (24 человека).

Результаты. Для проверки гипотезы исследования проведен корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Р. Спирмена межу показателями шкалы отчуждения моральной ответственности и показателями осознанности.

Таблица 1. Корреляционная матрица показателей осознанности и отчуждения моральной ответственности (n=98)

Показатели	Осознанность (опросник	Наблюдение	Описательность опыта	Осознанность действий	Безоценочность	Нереагирование
Моральное оправдание	-0,21*	-0, 11	-0,33**	-0,18	-0,32**	-0,1
Эвфимистический яр-	- 0,4**	0,52**	-0,39**	-0,54**	-0,41**	0,08
Выгодное сравнение	- 0,5**	-0,76**	-0,22*	-0,23*	-0,22*	-0,14

Смещение ответственности	- 0,28**	-0,23*	-0,18	-0,46**	-0,17	-0,24*
Рассеивание ответственности	-0, 28	-0,76**	-0,14	-0,38**	-0,27**	-0,22*
Искажение (игнорирование) последствий	- 0, 68**	-0,61**	-0,15	-0,51**	-0,2	-0,2
Дегуманизация	- 0,61**	-0,33**	-0,46**	-0,77**	-0,34**	-0,31**
Атрибуция вины	- 0,36**	-0,81**	-0,34**	-0,71**	-0,44**	-0,36**

* при p≤0,05
** при p≤0,01

Как следует из таблицы 1 показатели осознанности весьма существенно связанны (отрицательная связь) с показателями отчуждения моральной ответственности. Присутствует большое количество корреляционных связей.

Общий показатель осознанности, измеренный с применением методики MAAS, наиболее существенно связан с такими показателями отчуждения моральной ответственности (p≤0,01), как дегуманизация, искажение последствий, выгодное сравнение, эвфеместичесий ярлык и атрибуция вины. Также значимые связи (p≤0,05) имеются и с остальными показателями отчуждения моральной ответственности: смещение ответственности, рассеивание ответственности и моральное оправдание.

Два показателя отчуждения моральной ответственности (дегуманизация и атрибуция вины существенно (p≤0,01) связаны со всеми показателями осознанности.

Наиболее сильные связи (p≤0,01) показателя моральное оправдание обнаруживаются с показателем описательность опыта и безоценочность.

Эвфеместический ярлык имеет наиболее существенные связи (p≤0,01) с осознанностью действий, наблюдательностью, безоценочностью и наблюдательностью опыта.

Выгодное сравнение наиболее существенно (p≤0,01) связанно с наблюдательностью, однако имеет значимые связи (p≤0,05) и с такими показателями осознанности, как осознанность действий, описательность опыта и безоценочность.

Смещение ответственности существенно связанно (p≤0,01) с осознанностью действий, а также имеет значимую связь (p≤0,05) с нереагированием и наблюдением.

Рассеивание ответственности существенно связано (p≤0,01) с наблюдением, осознанностью действий и безоценочностью. При этом, можно признать значимой (p≤0,05) связь данного показателя с показателем нереагирования.

Искажение последствий существенно связано (p≤0,01) с наблюдением и осознанностью действий.

Обсуждение результатов.

В ходе исследования выявлено, что отчуждение моральной ответственности имеет существенные отрицательные корреляционные связи с широким спектром показателей осознанности. Каждый из показателей отчуждения показал наличие значимых связей с обобщенным показателем осознанности (опросник MAAS), что само по себе уже согласуется с выдвинутой нами гипотезой. Однако более детальное рассмотрение связей между дифференцированным показателем осознанности и показателями отчуждения моральной ответственности позволит раскрыть механизмы данной обобщенной связи.

Безусловно заслуживающим внимание является тот факт, что показатели дегуманизация и атрибуция вины имеют связь со всеми показателями осознанности. То, что показатель дегуманизации наиболее существенно связан с показателем осознанности действий на наш

взгляд говорит о том, что совершение антигуманного, аморального поступка в отношении личности затрудняется сознательным присутствием в момент его совершения. Возникает сложность проявления насилия или иного другого вреда, если это происходит не автоматически. Это справедливо и для атрибуции вины. Более того, столь существенная связь атрибуции вины и способности к наблюдению следует объяснить тем же присутствием в моменте, однако больше с точки зрения чувственного и мыслительного компонента. В этом ключе, по нашему мнению, подобное присутствие не позволяет искажать и подменять факты, перекладывать вину на жертву.

Также большое количество существенных обратных взаимосвязей с показателями осознанности такого механизма отчуждения моральной ответственности, как эвфемистический ярлык указывает на то, что данный показатель находится во взаимозависимости с осознанностью личности сотрудника органов внутренних дел. Выраженная способность к наблюдению, осознанию действий, описательностью опыта, безоценочности препятствуют реализации данных механизмов отчуждения моральной ответственности. С одной стороны это видимо может проявляться в сложности подмены понятий, когда личность отчетливо понимает и помнит те деяния, которые совершает (совершала), а с другой стороны с тем, что развивается способность переносить реальность своих действий, способна принимать ответственность за них.

Нахождение рассеивания ответственности в сильной отрицательной связи с наблюдением, по нашему мнению, свидетельствует о том, что наблюдение усиливает субъектность в принятии решений со стороны сотрудника. Это совпадает с тем, что подобная связь (хоть и не такая выраженная) присутствует между способностью к наблюдению и механизмом смещения ответственности. Дополнительными буфером и для смещения и рассеивания ответственности выступает осознанность действий, не позволяющая отказаться от того, что действия совершались субъектом именно по своей воле и в личных интересах.

Искажение (игнорирование) последствий также логично связано со способностью к наблюдению и осознанностью действий.

В целом, можно отметить, что способность к наблюдению и осознанность действий являются наиболее мощными буферами отчуждения моральной ответственности, то есть именно способность наблюдать свой внутренний и внешний опыт и осознанно включаться в поведение позволяет останавливать личность от отчуждения моральной ответственности.

Заключение. Подводя итоги проведенному исследованию, необходимо отметить, что соответствие поведения сотрудников органов внутренних дел моральным требованиям является безусловным требованием к нему. Выявлено, что осознанность, особенно такие ее компоненты, как способность наблюдать свой внешний и внутренний опыт и действовать осознанно являются существенным препятствием на пути развития механизмов отчуждения моральной ответственности. Вместе с тем, более тщательное исследование закономерностей выявленной взаимосвязи требует увеличения выборки исследования и применения более сложных математико-статистических процедур.

Литература:

1. Белых, Т. В. Отчуждение моральной ответственности в структуре интегральной индивидуальности / Т. В. Белых, Е. В. Ботвиненко // Психология интегральной индивидуальности в информационном обществе : Сборник материалов международной научно-практической конференции, Саратов, 22 октября 2019 года / Под редакцией Т.В. Белых, Г.В. Грачева. – Саратов: ИЦ "Наука", 2019. – С. 46-51. – EDN EYMVEU.

2. Голубев А. М., Дорошева Е. А. Особенности применения русскоязычной версии пятифакторного опросника осознанности //Сибирский психологический журнал. – 2018. – №. 69. – С. 46-68.

3. Голубев А. М. Природа полноты сознания. Адаптация опросника внимательности и осознанности MAAS // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. – 2012. – Т. 6. – №. 2. – С. 44-51.

4. Иванова, А. М. Темная триада и отчуждение моральной ответственности, их роль в личностной надежности сотрудников полиции / А. М. Иванова, А. Э. Власов // Актуальные проблемы психологической работы в органах внутренних дел : сборник статей по материалам межведомственного Круглого стола (Васильевские чтения), Санкт-Петербург, 24 марта 2016 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 126-130. – EDN ZIAMRJ.

5. Корниенко Д. С., Ячменева Н. П., Балева М. В. Взаимосвязь черт Темной тетрады, отчуждения моральной ответственности и эмоционального интеллекта //ЧЕЛОВЕК, СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. – 2023. – С. 405.

6. Комментарий к Федеральному закону "О полиции" (постатейный) / Ю. Е. Аврутин, С. П. Булавин, Ю. П. Соловей, В. В. Черников. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2012. – 552 с. – ISBN 978-5-392-05807-5. – EDN RVPEQV.

7. Моисеева В. И. Осознанность и профессионально-личностное самоопределение / В. С. Моисеева, Л. В. Рыкман. — Текст : электронный // Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы : материалы Всероссийского психологического форума : в 2 томах (Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года). — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. — ISBN 978-5-7996-3515-2. — ISBN 978-5-7996-3516-9 (том 1). — Том 1. — С. 622-626.

8. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения / Я. А. Ледовая, Р. В. Тихонов, О. Н. Боголюбова [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – № 4. – С. 23-39. – DOI 10.21638/11701/spbu16.2016.402. – EDN YFMSBJ.

9. Приказ МВД России от 26.06. 2020 № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» //Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации.—URL: https://сзао.мск.мвд.рф/Dlja_grazhdan/Pravovaja_pomoshh/документы/приказ-мвд-россии-от-26-июня-2020-года-4. – 2023.

10. Пуговкина О. Д., Шильникова З. Н. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия //Современная зарубежная психология. – 2014. – Т. 3. – №. 2. – С. 18-28.

Юмартова Н. М., Гришина Н. В. Осознанность (Mindfulness): Психологические характеристики и инструменты измерения // Психологический журнал, 2016. №4

12. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G. V., Pastorelli C. Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 71, N 2. P. 364–374.

13. Brown K. W., Ryan R. M., Creswell J. D. Mindfulness: Theoretical foundations and evidence for its salutary effects //Psychological inquiry. – 2007. – Т. 18. – №. 4. – С. 211-237.

14. Dekeyser M. et al. Mindfulness skills and interpersonal behaviour //Personality and individual differences. – 2008. – Т. 44. – №. 5. – С. 1235-1245.

15. Kabat-Zinn J. Full catastrophe living, revised edition: how to cope with stress, pain and illness using mindfulness meditation. – Hachette uK, 2013.

16. Moore C. Moral disengagement // Current Opinion in Psychology. 2015. Vol. 6. P. 199–204.

УДК 159.99

ОБ АВТОРАХ:

Капранова Марина Валерьевна,
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии», Королёв, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

Kapranova Marina V.,
PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Humanities and Social Sciences, Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Cosmonaut A.A. Leonov is a branch of a federal state budgetary educational institution of higher Education "Moscow State University of Geodesy and Cartography", Korolev, Russia

Капранова М.В.

К постановке задач психологического сопровождения карьерного развития

В статье анализируются тенденции карьерного развития и связанные с ними задачи психологического сопровождения в условиях современного рынка труда и социальных запросов. Показано снижение значимости традиционных карьерных лестниц и усиление ориентаций на компетентность, стабильность и баланс сфер жизни у молодежи. На материале эмпирического исследования выявлены противоречия между внутренними и внешними мотивами, проявления мотивационных конфликтов и защитных механизмов. Обосновывается необходимость расширенного карьерного сопровождения, ориентированного на личностное развитие и психологическую безопасность.

Ключевые слова: карьера, карьерные ориентации, мотивация, психологическое сопровождение.

Для цитирования: Капранова М.В. К постановке задач психологического сопровождения карьерного развития // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С. 90-95.

TO SETTING THE GOALS OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR CAREER DEVELOPMENT

Kapranova M.V.

The article analyzes trends in career development and the related tasks of psychological support in the context of the modern labor market and social demands. The decreasing significance of traditional career ladders is demonstrated, along with the strengthening of orientations toward competence, stability, and life balance among young people. Based on empirical research, contradictions between internal and external motives, manifestations of motivational conflicts, and defense mechanisms are revealed. The necessity of extended career support aimed at personal development and psychological security is substantiated.

Keywords: career, career orientations, motivation, psychological support.

For citation: Kapranova M.V. To setting the goals of psychological support for career development. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii.* 2025; 3 (35): 90-95. (In Russ.)

Наблюдаемая динамика рынка труда и возрастание требований к профессиональной мобильности личности обусловливают необходимость переосмысления психологического содержания карьерного развития субъекта деятельности. В условиях роста нестабильных форм занятости, возрастания значимости метакомпетенций и цифровых навыков, происходит снижение роли традиционных карьерных лестниц и изменение профессиональных ориентиров.

Со времен публикации Д.Сьюпером книги «Psychology of Careers» (1957 г.) и обсуждения теории профессионального самоопределения, психология использует идею о карьере как успешном прохождении личностью последовательности профессиональных стадий. Но в современных условиях карьерные траектории не представляются планомерными. Исследовательский акцент смещается на переживания субъективного опыта, выбор стратегий самореализации, способность к адаптации и самоменеджменту.

Карьерное развитие, как сложный и противоречивый процесс, нередко сопровождается внутренними конфликтами личности. Эти конфликты проявляются в противоречии между

профессиональными устремлениями и объективными возможностями, личными амбициями и социальными ожиданиями, стремлением к самореализации и необходимостью адаптации к внешним условиям. Их наличие обусловливает риски возникновения профессиональных кризисов, снижения мотивации, фрустрации и эмоционального выгорания. В данных условиях особую значимость приобретает профессиональная психологическая помощь, направленная на преодоление деструктивных проявлений внутренних конфликтов, гармонизацию личностных ресурсов и обеспечение конструктивного построения индивидуальной траектории карьерного развития.

Таким образом, актуальность исследования определяется, с одной стороны, социальным запросом на разработку эффективных моделей психологического сопровождения профессионального пути личности, а с другой — необходимостью уточнения эмпирических закономерностей, определяющих задачи психологического сопровождения карьерного развития.

Карьерное сопровождение, как оно понималось и понимается традиционно, должно выполнять преимущественно прогностико-информационную функцию, его содержание сконцентрировано, в первую очередь, на планировании профессиональной траектории.

Психологическое сопровождение в формате карьерного коучинга подразумевает выявление профессиональных наклонностей клиента, поддержка его в выборе профессиональной деятельности, создание карьерного плана как части карьерной стратегии. Задачи карьерного консалтинга ориентируют на реализацию потенциала индивида, обучение новым эффективным моделями поведения и мышления, стимулирование развития самостоятельности и ответственности индивида. В ситуации консультирования специалист помогает клиенту рационализировать требования жизненной и профессиональной ситуации, более четко осознать возможные альтернативы и их последствия.

Формулируя эти задачи, мы априори подразумеваем, что карьерное развитие сродни стремлению личности к самоактуализации, как это представляли, например, Н. Джисберс И. Мур, говоря о том, что карьера - это процесс саморазвития индивида в течение жизни через интеграцию ролей, окружений и событий в жизни человека [4].

Признается, что для человека, осуществляющего карьеру, решающее значение имеет субъективное осознание своей успешности, а не внешние знаки и отметки. По словам Д.Холла, этот критерий определяется как «психологический успех», то есть, по сути, представления работников относительно своих успехов и неудач.

В таком контексте логично будет видеть главным фактором карьерного успеха внутреннюю мотивацию, с которой связываются не только ожидания высоких достижений, но и переживание личностью удовлетворенности и психологического благополучия.

Вместе с тем результаты социологических опросов (ВЦИОМ, 2022 г.) свидетельствуют о том, что перспективы продвижения по карьерной лестнице и достижение социального статуса для молодежи менее значимы, чем ценности семьи и условий проживания, в том числе досуг. Эти результаты согласуются с данными психологических исследований. Так, еще в 2012 г. Ш.Х. Шварц, выполняя анализ базовых ценностей, указывал, что у молодежи наблюдается тенденция к снижению карьерной мотивации в ее традиционном понимании.

Для оценки современных мотивационных трендов, наблюдаемых при карьерных решениях, проведено эмпирическое исследование, участие в котором приняли 68 IT-специалистов в возрасте 18-28 лет, находящихся на стадии профессионального становления и 48 человек, включенных в кадровый резерв, возрастные границы 30-44. Выбор профессиональной сферы продиктован высоким научным и практическим интересам к ней: IT-рынок труда развивается особенно быстро, количество IT-специалистов в России насчитывает уже более 1 млн.человек при сохранении дефицита кадров.

На первом этапе исследования с помощью методики «Якоря карьеры» Э.Шейна изучены особенности карьерных ориентаций молодых специалистов, работающих в сферах информационных технологий.

Рисунок 1. Средние значения показателей карьерных ориентаций у молодых IT-специалистов

Анализ полученных данных выявил доминирующие карьерные ориентации выборки:

- «Стабильность», проявляющаяся в стремлении к надежным условиям труда, желании получить гарантии защищённости и возможности планировать свой жизненный путь. Для молодых IT-специалистов данный фактор может рассматриваться как базовый ориентир, определяющий удовлетворенность своей профессиональной реализацией;
- «Компетентность» — ориентация на постоянное развитие профессиональных знаний и умений, стремление к экспертности;
- «Интеграция стилей жизни», демонстрирующая важность внепрофессиональных ценностей и стремление к таким условиям, в которых профессиональная деятельность не становится барьером для увлечений и интересов, с ней не связанных.

Обращает на себя внимание то, что традиционные ориентиры карьерного роста (менеджмент, предпринимательство) выражены значительно слабее. Однако эти результаты нельзя интерпретировать как показатель неготовности к карьере и профессиональному развитию. Правильнее констатировать, что карьера как достижение иерархического статуса теряет свою значимость. Именно в таком смысле карьера может восприниматься как нечто неинтересное и ненужное. Однако исследования показывают, что выраженность ориентации на стабильность и интеграцию, в сочетании со значимостью профессиональной компетентности, не противоречит достижению профессиональной идентичности, стремлению создавать что-то новое, выполнять свою работу без давления авторитета [1].

Молодые люди готовы строить карьеру на основе развития своей компетентности, жизненного баланса и поддержание комфортных условий. Популярным является мнение, что достижение успехов в профессиональном развитии никак не связано с иерархическими продвижениями внутри организации. Л.М. Митина определяет такой тип личности как профессионально-личностный, для которого характерно понимание значимости карьерного продвижение только тогда, когда оно помогает личностному развитию, в противном случае ценность карьеры отвергается вообще [2].

На втором этапе исследования были изучены личностно-мотивационные особенности выборки респондентов, включенных в кадровый резерв. Критериями включения в резерв являются высокие профессиональные показатели, подтвержденные руководителями организаций, и документально заверенное решение кандидата о своем согласии развивать свою карьеру.

Для изучения особенностей мотивации использована методика попарного сравнения Ф.Герцберга.

Рисунок 2 Средние значения шкал методики Ф.Герцберга по выборке кадрового резерва

Полученные с помощью теста Герцберга средние результаты по шкалам с одной стороны подтверждают наличие высокой мотивации к карьерному продвижению в изучаемой выборке. Но нельзя не обратить внимание на то, что при этом 16,7% респондентов демонстрируют низкую значимость карьеры для себя, то есть их участие в программе кадрового резерва более продиктовано внешними обстоятельствами, нежели личной заинтересованностью.

Специфичным является также то, что именно эти респонденты показывают высокую значимость для них содержания работы, в то время, как для работников с высокой карьерной мотивацией значение фактора содержания труда не превышает средний уровень.

Проведенный корреляционный анализ факторов обнаруживает две существенные связи:

- прямая связь мотивации к карьере с финансовым мотивом($r=0,41$ при $p<0,01$): чем выше показатели мотивации на карьерные достижения, тем выше финансовая заинтересованность;

- отрицательная корреляция мотивации к карьере и значимости отношений с руководителем ($r=-0,497$ при $p<0,01$): чем больше интерес к карьере, тем меньше ценность отношений с руководителем. Получается, что влияние отношений с руководством оценивается не в категории «благодаря», а, наоборот, - «вопреки».

Эта условная категория «Карьера – вопреки» представляется очень интересной и перспективной для дальнейшего анализа. Она обладает чертами избегательной мотивации и понимается как попытка противостоять давлению ситуации и людей, попытка самоутверждения за счет обладания карьерными ресурсами. Но проблема в том, что карьерная мотивация, построенная на конфликтной позиции, почти никогда не сопровождается решением этого конфликта, сопровождаясь напряженностью и развитием профессиональных деструкций.

Показательно, что шкала «Отношение с руководителем» получила наименьший показатель по выборке кадрового резерва, а шкала «Сотрудничество в коллективе» занимает предпоследнее место в рейтинге профессиональных факторов.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что карьерная мотивация в данной выборке преимущественно обладает признаками внешней детерминации, в частности финансовой заинтересованности, влиянием отношений с руководителем.

Объяснением возможной зависимости карьерного решения не от внутренней, а от внешней мотивации в данном случае может быть то, что условия карьерного развития внутри организации ориентируют, в подавляющем большинстве случаев на внешние мотивационные факторы: хорошее финансовое вознаграждение, высокий социальный статус, престижность занимаемой должности, иерархический контроль и т.д., Следовательно, тенденции внутренней мотивации, взлелеянные в традициях гуманистической психологии, в таких условиях ока-

зываются слабо востребованными, а ориентации личности на внешние условия при планировании своего профессионального пути – обоснованными и ожидаемыми. Возникает особенная атрибутивная тенденция, когда при объяснении карьерных неудач, потери профессиональной востребованности на первый план выделяются внешние социальные причины: «У меня не получается, потому что мне мешают другие люди».

Проблема внешней мотивации для личности потенциально предполагает уязвимость к развитию мотивационных конфликтов, когда возникновение дискомфортных когнитивных и аффективных состояний провоцирует психологические защиты. При анализе напряженности защит в группе кадрового резерва обнаруживаются высокие показатели, особенно по шкалам «рационализация» (Mx=7,32) и «отрицание» (Mx=6,31).

При этом корреляционный анализ значений обнаруживает тенденцию к взаимосвязи между показателями механизма «отрицание» и карьеры как мотивационного фактора (чем больше интерес к карьере, тем больше тенденция игнорировать внешние проблемы): $r=0,31$ при $p<0,05$. Вероятно, карьерный выбор, предполагающий готовность личности к интенсивному воздействию внешних социальных условий, усиливая внутреннюю напряженность, связан со склонностью личности снижать собственную сензитивность к тревожной для нее информации. Таким образом, формируется защита к переживанию возможного мотивационного конфликта, который угрожает Я-концепции и социальному статусу личности. В крайних вариантах проявления механизма отрицания может наблюдаться явное искажение восприятия внешней действительности, когда информация, очевидная для окружающих, не признается личностью.

Таким образом, исследование обнаруживает две противоположных тенденции:

- в одном случае наблюдается снижение интереса начинающих специалистов к традиционной, вертикальной, карьере на фоне усиленной ориентации на стабильность, интеграцию стилей жизни и профессиональную компетентность;

- в другом – обнаруживается взаимозависимость карьерных решений от внешней мотивации с наблюдаемыми конфликтными тенденциями и напряженностью защитных механизмов.

Проведенное исследование является срезовым и не претендует на генерализацию на другие выборки. Однако оно позволяет проследить личностные особенности работников, принимающих решение о карьерном продвижении, и выявить потенциальные психологические проблемы, которые указывают на то, что в настоящее время программы сопровождения карьерного развития должны рассматриваться расширительно.

Несомненным остается правило карьерного консультирования и коучинга - поддержка осознания клиентом своих целей. Но согласно данным, подтверждаемым эмпирикой, это осознание должно касаться не только карьерного целеполагания и планирования как должностного продвижения, но и тех значимых целей, которые лежат за его границами. Игнорирование жизненных ценностей на начальных этапах профессионального становления приводит к глубоким кризисам профессиональной востребованности в будущем и снижению удовлетворенности и карьерой, и жизнью.

Важно поддерживать условия, предотвращающие фрустрацию внутренних мотивов и помогающих разрешить мотивационные конфликты личности при карьерном развитии. Такими условиями является понимание внутренних противоречий, поддержка активной самостоятельной позиции личности, преобразование составляющих внутриличностного конфликта, развитие навыков рефлексии.

Существенным условием успешности психологического сопровождения является решение задачи обеспечения психологической безопасности личности перед социально-психологическими факторами. Это особенно важно в силу высокой напряженности защитных механизмов личности и переживанием социального давления. Лозунг «Никого не слушать и жить своей жизнью» в этом случае может не работать, ведь карьерное развитие – это процесс изначально зависимый от социума. Гораздо более правильным является стимулирование опыта восстановления здоровых, адаптивных границ личности.

Как говорил В.Франкл, «качество нашей жизни определяется тем, как мы относимся к реальностям, какое значение мы им приписываем, как мы к ним относимся, какое состояние души они нам создают».

Литература:

1. Ластовенко, Д. В. Особенности профидентичности студентов технологического университета / Д. В. Ластовенко, Л. В. Резникова // Социально-гуманитарные технологии. – 2022. – № 2(22). – С. 56-62.
2. Митина, Л.М. Психология профессионально-карьерного развития личности. - СПб: Нестор-История, 2019. – 400 с.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. Общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева; Вступ. ст. Д. А. Леонтьева [с. 5-21]. - Москва : Прогресс, 1990. - 366 с.
4. Gysbers N.C., Moore E.J. Career counseling: skills and techniques for practioners. Englewood Cliffs. New Jersey, 1987.
5. Hall D.T, Chandler D.E Psychological Success: When the Career Is a Calling | Journal of Organizational Behavior. Vol. 26, No. 2, Special Issue: Reconceptualizing Career Success (Mar., 2005). https://doi.org/10.1002/job.301
6. Schwartz, S. H. . An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. Online Readings in Psychology and Culture, 2(1), 2012. https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116

УДК 159.99

ОБ АВТОРЕ:

Никулина Татьяна Ивановна,
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», Иркутск, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

Nikulina Tatyana I.,
candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor of the department of sociology and psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russia

Никулина Т.И.

Различия эмоционального выгорания у практикующих психологов и студентов психологов направления подготовки служебной деятельности

Представлены эмпирические исследования по изучению различий эмоционального выгорания у практикующих психологов и студентов пятого курса, обучающихся по направлению подготовки психология служебной деятельности. Научный интерес представленного материала связан с поиском индивидуально-психологических причин эмоционального выгорания у студентов на старшем этапе обучения в вузе и как следствие нежелание идти работать по профилю. В теоретическом обобщении представленных проблем обозначено решение задач по поиску ответов на вопрос, какие имеются факторы, влияющие на возникновение профессионального выгорания у психологов, имеющих стаж свыше 15 лет и будущих психологов. Авторами представлены различия профессионального выгорания у двух групп выборки и сформулированы возможные причины и последствия эмоционального выгорания. Результаты исследования свидетельствуют о том, что обнаружены различия в показателях эмоционального выгорания у практикующих психологов и студентов психологов. Практическая значимость исследования заключается в необходимости разработки рекомендаций по учету возможной профилактики эмоционального выгорания, которые могут быть использованы педагогами и психологами в работе по психологическому обеспечению служебной деятельности будущих психологов и психологов с профессиональным стажем.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, практикующие психологи, психология служебной деятельности.

Для цитирования: Никулина Т.И. Различия эмоционального выгорания у практикующих психологов и студентов психологов направления подготовки служебной деятельности // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С. 96-102.

DIFFERENCES IN EMOTIONAL BURNOUT IN PRACTICING PSYCHOLOGISTS AND STUDENTS PSYCHOLOGISTS OF THE DIRECTION OF PREPARATION FOR SERVICE ACTIVITIES

Nikulina T.I.

The article presents empirical research on the differences in emotional burnout among practicing psychologists and fifth-year students studying in the field of psychology of service activities. The scientific interest of the presented material is associated with the search for individual psychological causes of emotional burnout among students at the senior stage of study at the university and, as a consequence, the unwillingness to go to work in the profile. In the theoretical generalization of the presented problems, the solution to the problems of finding answers to the question of what are the factors influencing the occurrence of professional burnout in psychologists with over 15 years of experience and future psychologists is outlined. The authors present the differences in professional burnout in two groups of the sample and formulate possible causes and consequences of emotional burnout. The results of the study indicate that differences in the indicators of emotional burnout were found among practicing psychologists and psychology students. The practical significance of the study lies in the need to develop recommendations for taking into account possible prevention of emotional burnout, which can be used by teachers and psychologists in their work on psychological support for the professional activities of future psychologists and psychologists with professional experience.

Keywords: emotional burnout, practicing psychologists, psychology of service activities.

For citation: Nikulina T.I. Differences in emotional burnout in practicing psychologists and students psychologists of the direction of preparation for service activities. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii.* 2025; 3 (35): 96-102. (In Russ.)

На современном этапе, в связи с происходящими переменами в обществе, профессия психолога становится все более востребованной, поскольку психологическое сопровождение сотрудников в организациях внедряется практически во все сферы профессиональной деятельности. Значительная загруженность, большая ответственность и неумение регулировать режим труда, участвовать в супервизиях требует от психолога большой эмоциональной нагрузки, что зачастую приводит к стрессовым ситуациям и профессиональному выгоранию.

Общее представление о сложностях профессиональной деятельности психолога приводит и к эмоциональному выгоранию, повышению уровня тревожности, и как следствие, снижение учебно-познавательной мотивации к работе психолога уже на пятом курсе. В связи с этим становится актуальным изучение особенностей эмоционального выгорания у психологов с высоким уровнем профессионализации и начинающих психологов, делающих первые шаги в своей профессии.

Кожевина А.П. подчеркивает, что в условиях современной действительности, высокой нагрузки и стресса на рабочем месте у сотрудников служебной деятельности волевая организация личности влияет на эмоциональное состояние. Эмоции играют ключевую роль в формировании продуктивности, удовлетворенности работой и общей психической устойчивости [3].

О.Г. Седых и Ю.Г. Алсаева описывая синдром профессионального выгорания подчеркивают, что важным компонентом в этой связи является опыт изучения данного феномена на практике. На сегодняшний день в условиях социально-экономических преобразований, как сопряженных с высоким уровнем стресса работников и социальной напряженностью в обществе, так и обусловленных ростом требований к специалистам в их профессиональной стезе, особую актуальность приобретает проблема синдрома эмоционального выгорания сотрудников социальной сферы. Практические психологи в сфере социальной работы наиболее подвержены риску развития психоэмоциональных расстройств и психологических нарушений в силу специфики выполняемых ими обязанностей [4].

Синева О.В., Зимина Е.В., Михайлова О.П. анализируют специфику деятельности практического консультирования с точки зрения развития лидерских качеств, что в свою очередь также может провоцировать возникновение эмоционального выгорания в силу чрезмерная загруженности специалистов [5].

Исходя из актуальности и новизны представленного вопроса определена цель исследования, заключающаяся в выявлении различий эмоционального выгорания у психологов с высоким уровнем профессионализации и студентов психологов пятого курса, направления подготовки «Психология служебной деятельности».

Кириллова Ю. Г. в своей статье ссылается на концепцию К. Маслач и С. Джексон, согласно которой, синдром выгорания содержит три компонента:

1) эмоциональное истощение понимается автором, как снижение интереса и позитивных эмоции к себе, другим людям, к окружающему миру, появление ощущение опустошенности и неудовлетворенности жизнью в целом;

2) деперсонализация представляется, как эмоциональное отрешенность, уход от социальных контактов, равнодушие к людям, к саморазвитию, снижение мотивации в деятельности и проявление цинизма и негатива, приводящее к дегуманизации отношений;

3) редукция профессиональных достижений – проявляется в занижении собственных успехов, достижений, потери стремления добиваться профессиональных целей, критическая оценка своей компетентности [2].

Катунин А. П. подчеркивает, что В. В. Бойко в своей работе представил эмоциональное выгорание как механизм психологической защиты, когда человек не проявляет эмоции, уходит от контактов в ответ на конкретные психотравмирующие воздействия. Данный синдром автор рассматривает, как профессиональную деформацию, возникающую под влиянием внешних и внутренних факторов [1].

Задача исследования состояла в определении выработанного личностью механизма психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействия. Важно было выявить, различия в профессионализации у начинающих психологов студентов, не имеющих профессионального стажа и психологов, имеющих свыше 15 лет профессиональной деятельности, умеющих регулировать эмоциональную, когнитивную и физическую энергию, проявляющуюся в симптомах умственного истощения, личностной отстраненности и снижения удовлетворения исполнением профессиональных задач.

Исследование проводилось на базе ГКУ «Центр профилактики, реабилитации и коррекции» и ФГБОУ ВО «БГУ» г.Иркутска. Выборку испытуемых составили психологи центра и студенты направления подготовки служебной деятельности вуза.

В процессе исследования были использованы: опросник «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В. Бойко; «Диагностика профессионального выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой); опросник «Экспресс-оценка выгорания» (В. Каппони, Т. Новак).

Анализ данных исследования эмоционального выгорания по методике «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В. Бойко выявил различия у психологов со стажем более 15 лет и у студентов психологов, обучающихся на пятом курсе (см. рис. 1 и 2).

У 23% психологов определился, как сформированный фактор «Напряжение», в стадии формирования находится у 27% психологов, не сформирован у 50% психологов. Фактор «Резистенция» сформировался у 25% респондентов, в стадии формирования у 54% респондентов, не сформирован у 21% респондентов. Фактор «Истощение» сформирован у 20% респондентов, в стадии формирования у 22% респондентов, не сформирован у 58% респондентов.

Данные показывают, что значимым фактором эмоционального выгорания у психологов со стажем является степень «Резистенции», которая находится на стадии сформированности или формирования.

Из анализа полученных данных можно сказать, что доминирующим фактором в «эмоциональном выгорании» является фактор «Резистенция» - у 80% психологов этот фактор или уже сформировался, или находится в стадии формирования.

Результаты анализа данных исследования студентов психологов показали, что фактор «Напряжение» не выявлен ни у одного респондента 0%, в стадии формирования у 22% респондентов, не сформирован у 68% респондентов. Фактор «Резистенция» сформировался у 12% респондентов, в стадии формирования у 38% респондентов, не сформировался у 52% респондентов. Фактор «Истощение» не выявлен не у одного респондента 0%, в стадии формирования у 8% респондентов, не сформировался у 92% респондентов.

Таблица 1. Степень выраженности эмоционального выгорания по методике В. Бойко у психологов

Этапы / степень выраженности	Этап сформировался	Этап в стадии формирования	Этап не сформировался
	проценты	проценты	проценты
«Напряжение»	23 %	27 %	50 %
«Резистенция»	25 %	54 %	21 %
«Истощение»	20 %	22 %	58 %

Таблица 2. Результаты степени выраженности эмоционального выгорания по В. Бойко у психологов студентов

Этапы / степень выраженности	Этап сформировался	Этап в стадии формирования	Этап не сформировался
	проценты	проценты	проценты
«Напряжение»	0 %	22 %	68 %
«Резистенция»	10 %	38 %	52 %
«Истощение»	0 %	8 %	92 %

Доминирующим фактором в «эмоциональном выгорании» является фактор «Резистенция» - у 52% будущих психологов, этот фактор или уже сформировался, или находится в стадии формирования. Анализ представленных данных исследования выявил различия в характеристиках и показателях эмоционального выгорания по В. Бойко у психологов с 15-летним стажем и психологов студентов (см. на рис. 1).

У 20% психологов выявлен фактор «Напряжение», на стадии формирования у 26% психологов и у 20% студентов. Это указывает на то, что испытуемым свойственно ощущение эмоционального истощения, утомляемость, вызванная сложностями выполнения профессиональной деятельности. Качественный анализ подтверждает предположение, что эмоциональное выгорание у психологов и у студентов проявляется в таких симптомах, как переживание повседневных событий воспринимается, как психотравмирующие обстоятельства, появляется неудовлетворенность собой в профессиональной деятельности, нежелание развиваться, строить карьеру, «синдром менеджера» – ощущение чрезмерной загруженности.

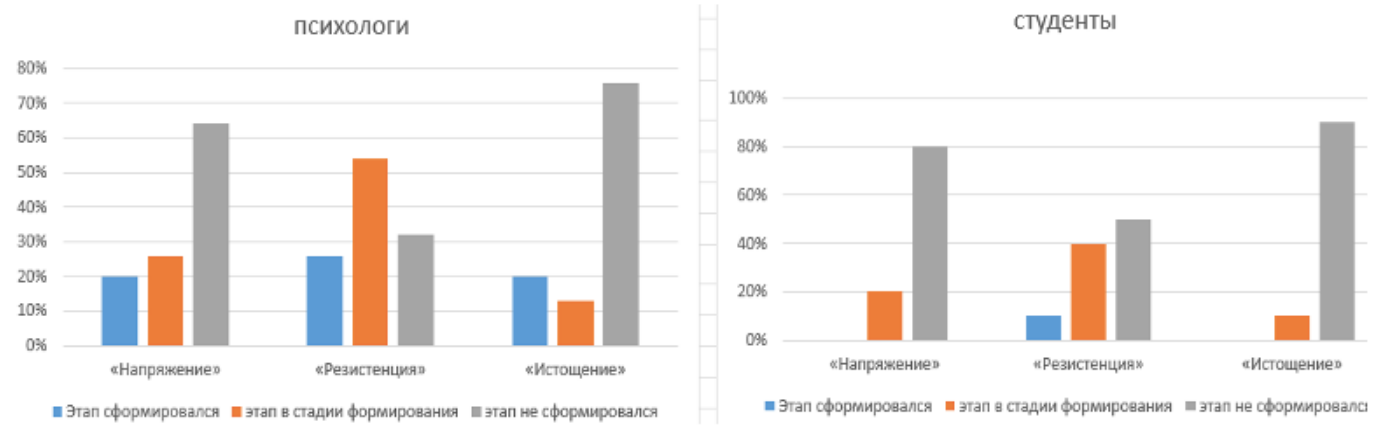

Рисунок 1. Данные в степени выраженности эмоционального выгорания по методике В. Бойко у психологов и студентов

У 26% психологов и у 10% студентов психологов сформировался фактор «Резистенция», на стадии формирования находится у 54% психологов и у 40% студентов психологов. В связи с этим, следует указать, что данной категории испытуемых характерно высокое эмоциональное истощение. Такое истощение характеризуется также возникновением защитных реакций, что чаще всего проявляется в эмоциональном уходе и отстранении от общения в социуме. Данный факт не приемлем для профессиональной деятельности психолога, поскольку может привести к чувству избыточного переутомления. В работе психолога это состояние может проявляться в неадекватном выборочном эмоциональном реагировании, смене настроения и невозможности его контроля, иногда и в более ярком проявлении, таком как эмоционально-моральная дезориентация, замкнутость, отчуждение, желание уйти от коммуникации. Естественно, что все эти качества влияют на редукцию профессиональных, снижение профессионально важных компетенций, таких как стремление развиваться и своевременно выполнять профессиональные обязанности.

У 20% психологов фактор «Истощение» сформировался, а в стадии формирования выявлен также у 20% психологов и у 10% студентов психологов. Можно предположить, что данным испытуемым может быть свойственно психофизическое переутомление и чувство опустошенности. В связи с этим, возможно нарушение профессиональных коммуникаций, как в коллективе сотрудников, так и с клиентами, появление циничного отношения к окружающим, происходящим событиям и в дальнейшем возникновение психосоматических нарушений.

Известно, что в таких симптомах проявляется эмоциональный дефицит на фоне переутомления, снижается эмоциональный вклад в работу, профессионально важные дела выполняются на автоматизме и, как результат возникает эмоциональное отчуждение во взаимодействии с коллегами и клиентами, формируется защитный барьер в отстаивании своей позиции, ухудшается физическое самочувствие в связи с развитием психосоматических нарушений сна, давления, состояния.

В результате анализа исследований по методике «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой выявлен низкий уровень эмоционального истощения у 12% психологов, средний уровень у 28% испытуемых и у 60% психологов высокий уровень.

Деперсонализация на низком уровне у 16% психологов, на среднем уровне у 48% психологов, у 36% психологов на высоком уровне. Редукция личных достижений присутствует на низком уровне у 64% психологов, у 32% психологов на среднем уровне, у 4% психологов на высоком уровне.

Анализ данных исследования по двум независимым выборкам это – психологи и студенты психологи (см. таблица 3). В группе практикующих психологов отмечается высокий уровень «эмоционального истощения» у 56% респондентов. Средний и низкий уровень составил по 22% респондентов.

Также отмечаются высокие показатели по шкале «Деперсонализация», где высокий уровень составил 36% респондентов, средний уровень эмоционального выгорания определил 41% испытуемых, низкий уровень составил 23% респондентов. Высокий уровень «редукции личных достижений» выявлен у 6% респондентов, у 37% средний уровень.

Таблица 3. Результаты уровня эмоционального выгорания у психологов по методике «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой

Этапы / степень выраженности	Этап сформировался	Этап в стадии формирования	Этап не сформировался
	проценты	проценты	проценты
«Эмоциональное истощение»	56 %	22 %	22 %
«Деперсонализация»	36 %	41 %	23 %
«Редукция личных достижений»	6 %	37 %	57 %

Низкий уровень выявлен у 57% респондентов, что говорит, о том, что данные испытуемые удовлетворены своей работой и оценивают свои достижения позитивно. Высокий показатель по этой шкале может говорить, о том, что психологи могут испытывать проблемы с мотивацией и самооценкой в профессиональной сфере.

Анализ исследования студентов психологов по методике «Диагностика профессионального выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой) представленный в таблице 4 определил, что у данных испытуемых отмечается сформировался высокий уровень «эмоционального истощения» у 58% респондентов, средний уровень составил 42% респондентов.

Таблица 4. Результаты уровня эмоционального выгорания у студентов психологов по методике «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой

Этапы / степень выраженности	Этап сформировался	Этап в стадии формирования	Этап не сформировался
	проценты	проценты	проценты
«Эмоциональное истощение»	58 %	43 %	26 %
«Деперсонализация»	42 %	57 %	0 %
«Редукция личных достижений»	0 %	0 %	74 %

В стадии формирования по шкале «деперсонализация» у 43% испытуемых высокий уровень эмоционального выгорания, и у 57% средний уровень. 74% респондентов не испытывают серьезных проблем с редукцией личных достижений. Они в большей степени удовлетворены своей учебой и оценивают свои успехи позитивно, у 26% эмоциональное истощение не обнаружено. Испытуемые испытывают значительное эмоциональное истощение, что может быть связано с напряженной работой с клиентами, высокой ответственностью, необходимостью эмоциональной вовлеченности.

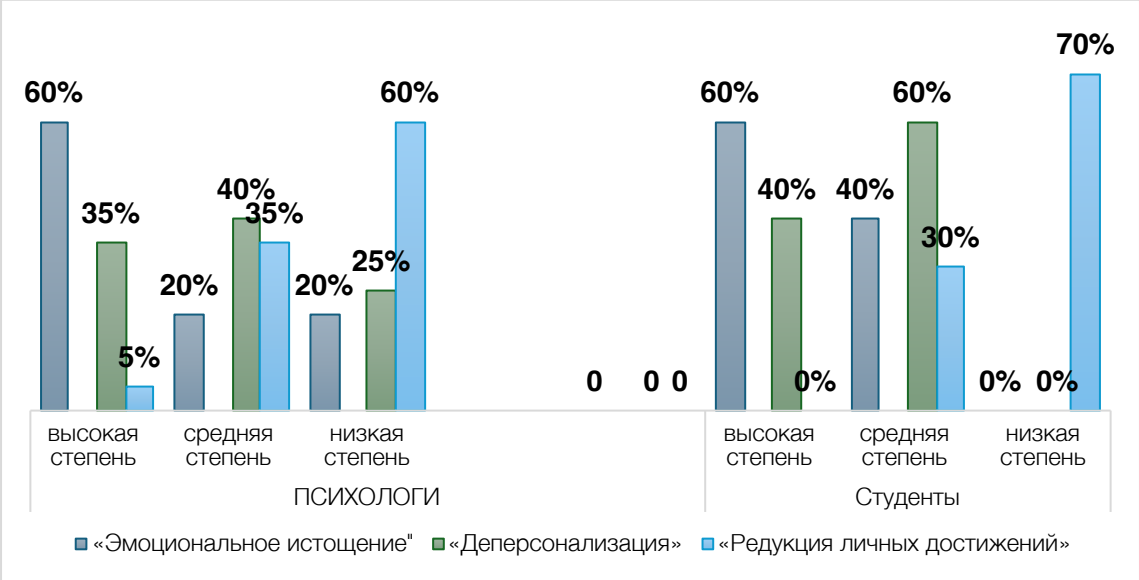

Рисунок 2. Различия профессионального выгорания у психологов и студентов психологов

Средняя степень выявлена у 20% психологов и 40% студентов. Средняя степень эмоционального истощения может быть сигналом о том, что человек находится в зоне риска развития профессионального выгорания. Важно обратить внимание на эту проблему и предпринять меры по ее предотвращению. Низкая степень присуща 20% психологов.

По результатам данной методики можно говорить о том, что студентам психологам в большей степени характерно проявление выгорания, нежели практикующим психологам.

Для подтверждения различий в уровнях эмоционального выгорания между практикующими психологами и студентам психологами, был использован t-критерий Стьюдента для независимых переменных. В результате были получены статистически значимые различия по методике «Эмоциональное выгорание» (В. В. Бойко).

Сравнивая полученное значение t-критерия Стьюдента 2,282 с критическим на стадии «напряжение», критическое значение t-критерия Стьюдента при уровне значимости p=0,05 составляет 2,069, что указывает на статистически значимы различия при уровне значимости p

<0,05. Стадия «резистенция» при 2,268 с критическим при уровне значимости p=0,05 составляет 2,069. Стадия «Истощения» 2,733 с критическим, критическое значение t-критерия Стьюдента при уровне значимости p=0,05 составляет 2,069, что также указывает на рассчитанное значение критерия больше критического, поэтому наблюдаемые различия статистически значимы при уровне значимости p <0,05.

Высокая степень деперсонализации может быть связана с перегрузкой работой, конфликтами с клиентами, недостатком поддержки и отсутствием границы между работой и личной жизнью. Средняя степень деперсонализации может быть сигналом о том, что человек находится в зоне риска развития профессионального выгорания. Важно обратить внимание на это и предпринять меры по ее предотвращению. Редукция профессиональных достижений может отражаться в снижении самооценки и значимости в представлении и достижении результатов своей профессиональной деятельности. Подводя итог, можно заключить, что в группе психологов, в синдроме выгорания превалирует «эмоциональное истощение». В группе студентов психологов превалирует «эмоциональное истощение» и «деперсонализация».

Литература:

1. Катунин А. П. Эмоциональное выгорание: сущность и содержание / А. П. Катунин, Д. В Бутынко // Молодой ученый. 2020. № 18 (308). С. 399–401.

2. Кириллова Ю. Г. Основные причины и следствия эмоционального выгорания психолога / Ю. Г. Кириллова // Педагогика: история, перспективы. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 47–53.

3. Кожевина А.П. Взаимосвязь волевой организации личности и доминирующих эмоций у сотрудников служебной деятельности. // Baikal research journal. - 2025. Т.16 № 3 С. 1637-1648.

4. Седых О.Г., Алсаева Ю.Г. Синдром профессионального выгорания: опыт изучения в социальной практике. // Baikal research journal. - 2024. Т.15 № 4. С. 1624-1637. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(4).1624-1637

5. Синева О.В., Зимина Е.В., Михайлова О.П. Развитие лидерских качеств у руководителей в процессе психологического консультирования. // Baikal research journal. - 2025. Т.16 № 1. С. 1635-1648

.

5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378

ОБ АВТОРАХ:

Прусакова Дарья Алексеевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Москва, Россия

Ершова Ольга Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №1, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Prusakova Daria A.,
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages № 3, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov», Moscow, Russia

Ershova Olga V.,
PhD {Pedagogical Science}, Associate professor of the Department of Foreign Languages №1, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov», Moscow, Russia

Прусакова Д.А., Ершова О.В.

Аксиологический подход как основа методологии формирования гражданской идентичности выпускников вуза

Статья посвящена обоснованию аксиологического подхода как методологической основы формирования гражданской идентичности выпускников вуза. Авторы фиксируют критическую ситуацию в современном образовательном пространстве, где глобализация, цифровизация и политические потрясения разрушают традиционные ценности системы, рассматривая аксиологию как концептуальный стержень педагогической стратегии, интегрирующий ценностное измерение в учебно-воспитательный процесс. В статье проводится системный анализ отечественных и зарубежных исследований, выявляется «разрыв» между общественными ценностями и личными установками студентов, зафиксировано единой методологии и недостаточность практических решений в вузовской внеаудиторной работе, описывается использование теоретических методов анализа, синтеза и систематизации, а также дается сравнительный обзор зарубежного опыта аксиологически ориентированного гражданского образования. Практическая значимость исследования заключается в разработке методической базы и педагогических технологий, пригодных для апробации в вузах. Аксиологическая платформа позволяет выстраивать иерархию ценностей, формировать у студентов мотивацию к гражданской ответственности и интегрировать учебную и внеаудиторную деятельность. Авторы приходят к выводу, что аксиологический подход обеспечивает более глубокие, целостные и устойчивые условия для формирования гражданской идентичности выпускников вуза, чем традиционные компетентностные или деятельностные модели.

Ключевые слова: гражданская идентичность, аксиологический подход, система ценностей, высшее образование, аксиологический кризис, выпускники вуза, методологическая основа, воспитание, образовательная среда, глобализация.

Для цитирования: Прусакова Д.А., Ершова О.В. Аксиологический подход как основа методологии формирования гражданской идентичности выпускников вуза // *Социально-гуманитарные технологии*. 2025. №3 (35). С. 103-113.

AXIOLOGICAL APPROACH AS A BASIS FOR THE METHODOLOGY OF FORMING CIVIL IDENTITY OF UNIVERSITY GRADUATES

Prusakova D.A., Ershova O.V.

The article is devoted to the substantiation of axiological approach as a methodological basis for the formation of civic identity of university graduates. The authors record the critical situation in the modern educational space, where globalization, digitalization and political upheavals destroy traditional values of the system, considering axiology as a conceptual core of the pedagogical strategy, integrating the value dimension into the educational process. The article conducts a systemic analysis of domestic and foreign studies, reveals the "gap" between social values and personal attitudes of students, the lack of a unified methodology and the insufficiency of practical solutions in university extracurricular work, describes the use of theoretical methods of analysis, synthesis and systematization,

and provides a comparative review of foreign experience in axiologically oriented civic education. The practical significance of the study lies in the development of a methodological base and pedagogical technologies suitable for testing in universities; the axiological platform allows building a hierarchy of values, forming students' motivation for civic responsibility and integrating educational and extracurricular activities. The authors conclude that the axiological approach provides deeper, more holistic and sustainable conditions for the formation of civic identity of university graduates than traditional competence or activity models.

Keywords: civil identity, axiological approach, value system, higher education, axiological crisis, university graduates, methodological basis, education, educational environment, globalization.

For citation: Prusakova D.A., Ershova O.V. Axiological approach as a basis for the methodology of forming civil identity of university graduates. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 3 (35): 103-113. (In Russ.)

Введение

В условиях стремительной глобализации, нарастающего информационного давления и усложнения международных отношений формирование у молодого поколения устойчивой гражданской идентичности становится одной из ключевых задач образовательной системы [15, с.56-60]. Гражданская идентичность выступает интегративным феноменом, объединяющим когнитивный компонент (знания о государстве, его институтах, правах и обязанностях), эмоционально-ценностный компонент (чувство сопричастности, гордости, ответственности) и поведенческий компонент (готовность к участию в общественной жизни, волонтерским и политическим инициативам).

Для Российской Федерации, обладающей уникальным полиэтническим и поликонфессиональным составом, актуальность данной проблемы усиливается необходимостью выстраивания общей ценностной платформы, позволяющей преодолевать внутренние и внешние вызовы последних лет. Данный приоритет находит свое отражение в нормативно-правовой базе: так, Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании» закрепляет духовно-нравственное развитие как неотъемлемую часть образовательного процесса [17, ст. 7598], а Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» провозглашает приоритет патриотического и гражданского воспитания [16, ст. 7977].

Высказывания Президента В.В. Путина подчеркивают, что «общероссийская гражданская идентичность» должна объединять представителей любых этнических групп, делая Россию «общей страной» для всех ее граждан. При этом российский лидер говорит о недопустимости противопоставления гражданской и этнической идентичностей, что отражает современные вызовы многокультурного общества и задачи по интеграции мигрантов [11].

Важно понимать, что сегодня современное общество находится в состоянии аксиологического кризиса: ускоренные технологии и социальные трансформации опережают гуманитарное развитие, что приводит к размыванию моральных ориентиров, усилению ценностного плюрализма и фрагментации сознания. Цифровые платформы и социальные сети используют манипуляции, которые усложняют процесс формирования устойчивой гражданской идентичности [24, с. 504-520; 4, с. 7-29]. Поток разнородной информации приводит к дефициту подлинных духовных и культурных ориентиров, а такие вызовы, как поляризация общества, индивидуализм, требуют поиска новых методологических оснований для развития гражданственности молодого поколения.

Несмотря на академический интерес к проблематике формирования гражданской идентичности, в российской системе высшего образования все еще недостаточно разработаны единые, апробированные механизмы внедрения и методические рекомендации по системному применению аксиологического подхода в образовательной среде вуза. Это приводит к разрыву между разработанными теоретическими моделями и их внедрением в повседневную педагогическую практику, что особенно ярко проявляется во внеаудиторной и воспитательной работе со студентами. Такая ситуация актуализирует необходимость проведения комплексных педагогических междисциплинарных исследований, направленных на развитие, методическую проработку и внедрение аксиологически ориентированных моделей, формирую-

щих гражданскую идентичность выпускников высшей школы [5, с. 178-190].

В контексте современного кризиса ценностей и необходимости разработки и внедрения эффективных педагогических моделей формирования гражданской идентичности, аксиологический подход может выступать в качестве методологического стержня современной педагогической стратегии. Опора именно на ценностные основания позволяет интегрировать образы гражданской идентичности на всех уровнях образовательного процесса, превращая образовательное пространство вуза в структуру нравственного выбора, формируя созидательную активность личности. Такой подход не только соответствует запросам времени, но и задает долгосрочный вектор современного российского высшего образования. Следовательно, исследование аксиологического подхода как методологической основы формирования гражданской идентичности представляет собой особую актуальность и демонстрирует теоретико-прикладную значимость в современных социокультурных и образовательных реалиях [29, с. 219-226].

Методология

В ходе данного исследования, которое носит прикладной характер, была поставлена цель подробно обосновать применение аксиологического подхода, как методологической основы формирования гражданской идентичности выпускников высших учебных заведений и тем самым подготовить теоретико-методологическую базу для разработки педагогической модели формирования гражданской идентичности выпускников вуза. Для достижения этой цели в ходе исследования решаются следующие задачи: во-первых, анализируется аксиологический подход как методологическая база для формирования гражданской идентичности, во-вторых, определяется система базовых ценностей, формирующая идентичность выпускника, в-третьих, разрабатывается концептуальная основа педагогической модели формирования гражданской идентичности выпускников в вузовской среде.

Объектом настоящего исследования является процесс формирования гражданской идентичности у выпускников вуза. Предметом исследования определен аксиологический подход, рассматриваемый в качестве методологической основы формирования гражданской идентичности на уровне высшего образования. В работе применяются теоретические методы: анализ научной литературы современных отечественных и зарубежных авторов, синтез, обобщение, сравнение педагогических практик, а также систематизация результатов междисциплинарных исследований в области аксиологии, гражданского образования и воспитания.

Особое внимание уделяется изучению международного опыта в данной области. Научные публикации последних лет подчеркивают, что в странах экономической Европы, а также в США и Китае формирование гражданской идентичности реализуются через призму ценностных подходов, но с рядом отличительных признаков по сравнению с российскими реалиями. В рассматриваемых исследованиях отмечается ключевая роль диалога культуры, плюрализма, толерантности, а педагогические акценты определяют взаимосвязь критического мышления и способностей к выбору в рамках гражданского образования. В то же время актуализируются и глобальные вызовы: процессы возникновения мультикультурализма, влияние цифровых медиа и сетевой социализации, что обусловливает поиск новых педагогических инструментов для формирования устойчивой глобальной идентичности. Сравнительный анализ зарубежных и отечественных подходов позволяет выстроить универсальную аксиологическую платформу, способную интегрировать лучшие практики и ответить на вызовы современной формационной среды.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут служить основой для создания и апробации эффективной педагогической модели формирования гражданской идентичности выпускников вуза, воплощающей как отечественные традиции, так и анализирующей опыт западных образовательных систем. Методологические основания, разработанные на основе аксиологического подхода, обогащают целостность педагогической концепции, направленной на развитие у студентов устойчивой системы ценностей, нравственных, культурных.

Таким образом, обоснование и дополнительная апробация аксиологического подхода в данном контексте предусматривают не только теоретическое обновление педагогической науки, но и разработку прикладных методик, необходимых для содействия формирования

гражданской идентичности современного выпускника вуза в условиях принятия социокультурных изменений.

Результаты

Для более точного осмысления аксиологического подхода обратимся к исторической справке. Аксиологический подход основан на философской дисциплине аксиологии (науке о ценностях жизни человека), возникшей на рубеже XIX–XX веков как самостоятельное направление философии и педагогики. Ключевыми фигурами в становлении аксиологической мысли стали Рудольф Эйкен, Вильгельм Виндельбанд, Генрих Риккерт, Николай Гартман, которые считаются основателями теории аксиологии, а также представители русской философии, среди которых особое место отводится таким ученым, как Семен Франк, Василий Зеньковский, Алексей Лосев, развивавшим аксиологическую философию и педагогику в России. Позднее существенный вклад внесут К. Ясперс, М. Шелер и П. Сорокин, последний из которых разработал ценностно-нормативный анализ культуры и общества [14, с. 28-53].

Переход от рационалистических и натуралистических интерпретаций к ценностным объяснениям стал настоящей «аксиологической революцией» в гуманитарном знании. В XX столетии ценности становятся не только философской, но и психолого-педагогической категорией, определяющей смысловые основы образования, воспитания и человеческого существования [12, с. 63-72].

В отечественной педагогике важный аксиологический пласт заложили И.С. Якиманская, А.С. Гришанова, Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков. В современной философии образования аксиологические идеи активно развивают В.В. Сергеева, И.А. Колесникова, В.Д. Шадриков. Имена вышеперечисленных ученых принято связывать с внедрением аксиологического подхода в отечественную педагогическую практику и исследования.

В рамках аксиологического подхода вся система образования, процесс формирования личности, социокультурное пространство анализируются через призму концептуальных и актуальных для данной эпохи или общества ценностей. Сам человек выступает в качестве субъекта, способного сделать выбор, сформировать и транслировать ценностные ориентиры. Аксиологический подход требует осмысления и критического анализа ценностей, учитывающих их позицию на уровне образовательных программ, целей, форм, средств, результатов обучения и воспитания. Важна не только множественность ценностных ориентиров, но и умение выстраивать их иерархию, не нарушая своеобразие личности и группового единства [8, с. 34-39].

Аксиологический подход учитывает историко-культурные, социокультурные и личностные контексты, которые часто выступают частью культурного наследия и фактора развития личности. Человек в рамках данного подхода понимается как творческая, ответственная и нравственная личность. Он конструирует свой внутренний и внешний мир через свободный выбор и освоение ценностей, образование становится пространством этого выбора, личностной рефлексии и внутреннего роста.

В рамках педагогического исследования, нацеленного на разработку модели формирования гражданской идентичности выпускников вуза, значимость аксиологического потенциала возрастает, поскольку данный подход имеет ряд фундаментальных характеристик.

Во-первых, речь идет о методологическом преимуществе. Аксиологический подход позволяет исследователю выйти за рамки прагматической и технократической ориентации, определить глубокие смыслы воспитательного процесса.

Во-вторых, аксиологический подход обладает гуманистической функцией. Он формирует образовательную среду, ориентированную на развитие целостности личности, способность к самоценностной рефлексии, осознанию собственной уникальности и социальной ответственности.

В-третьих, аксиологический подход способствует интеграции, единству науки и практики, поскольку образовательные программы, педагогические технологии, методы воспитания разрабатываются с учетом духовно-нравственных ориентиров, достижений культуры и особенностей исторической эпохи [9].

Именно поэтому аксиологический подход используется для определения результатов и показателей воспитательного процесса, содержания образовательных программ, диагностики и прогноза духовно-нравственного развития выпускников, формирования гражданской

идентичности и патриотизма студентов.

Наш интерес к данному подходу и его возможностям вызван, как уже было заявлено выше, прежде всего, кризисным состоянием общества, а также преобразованиями социокультурного пространства. Как известно, поиск новых ценностей, адекватно отражающий изменяющуюся в обществе ситуацию, приобретает особую значимость именно в периоды социальной нестабильности. Поэтому он перестает быть исключительно философским аппаратом и применяется при решении самых разнообразных проблем в социологии, психологии, педагогике, политологии, экономике, культурологии и других областях научного знания. Постепенно он приобретает статус стержневого методологического ориентира современной науки, а ценности рассматриваются как специфическая объективная среда, существующая наряду с природной и социальной реальностью [1, с. 24-39].

Аксиологический подход означает исследование явлений и процессов с позиций их ценности для воспитания и развития личности; его применение предполагает определение ведущих ценностных ориентаций, а также изучение перспективных путей их формирования в условиях образовательного процесса. Исходя из этого аксиология может и должна рассматриваться как методологическая основа педагогического исследования гражданско-воспитательной направленности, а не один из множества подходов, учитывая, что современная педагогика трактует образование не только как инструмент передачи знаний, но и как средство формирования ценностных ориентиров личности [5, с. 178-190].

Для понимания сущности и выявления путей выхода из аксиологического кризиса следует проанализировать его причины, проявления и последствия в различных сферах жизни, среди которых можно выделить философию, геополитику, технологии, общество и образование. Исследователи данной проблематики отмечают, что технологический прогресс, а именно цифровизация, искусственный интеллект, идет быстрее, чем гуманитарное развитие общества, что ведет к кризису ценностей [5, с. 178-190]. Кроме того, утрата традиционных моральных норм в эпоху постмодерна, геополитическое противостояние и политические манипуляции, возрастание влияния масс-медиа, интернета и социальных сетей, коммерциализация культуры, разрушение традиционных форм искусства лежит в основе аксиологического кризиса современного общества [23, с. 1-10].

Проявления кризиса выражаются в размывании нравственных ориентиров в обществе, ослаблении системы образования в гуманистическом аспекте, манипуляции общественным сознанием через технологии и информационные войны, попытках трансформации ценностей с учетом глобалистской повестки [13]. В такое время особенно возрастает роль образования в преодолении кризиса, поскольку именно последнее должно быть не только источником знаний, но и инструментом воспитания, формирующим нравственные ориентиры и устойчивые ценности. Следовательно, возникает необходимость анализа, коррекции и доработки методологических оснований формирования гражданской идентичности на разных уровнях системы образования [24, с. 504-520]. Не менее важным представляется необходимость учитывать угрозы цифровизации и информационного воздействия на личность. Аксиологический кризис современного общества может быть преодолен через возрождение нравственных основ, воспитание молодежи в духе морально-этической ответственности [4, с. 7-29].

В качестве решения предлагается усилить гуманистическую составляющую в образовании и воспитании. Современные исследователи данной проблематики выделяют три ключевые процедуры, необходимые для успешного внедрения аксиологического подхода в образовательную практику. Так, необходимо выявить ценностный потенциал педагогического явления, затем установить иерархию ценностей и определить методы формирования ценностей у выпускников [29, с. 219-226]. Однако представляется необходимым учитывать потенциальные проблемы при реализации аксиологического подхода. Речь идет о разрыве между ценностями общества и личностными ориентирами выпускников, сложностями при выявлении иерархии ценностей, недостаточной методической базе для формирования ценностных ориентиров в образовательных учреждениях, потребности в новых педагогических технологиях, учитывающих ценностные компоненты образования [2, с. 7-25].

Тем не менее очевидно, что аксиологический подход является ключевым инструментом для модернизации образовательной системы. Его внедрение должно опираться на комплексный подход, объединяющий философские, педагогические и социокультурные исследования.

Формирование устойчивых ценностных ориентаций у выпускников должно стать одним из приоритетов образовательной политики.

Педагогическая аксиология как научное направление подчёркивает необходимое осмысление ценностных основ педагогической деятельности. Она рассматривает образование как ценностно-ориентированную сферу, где обучающийся является наивысшей ценностью общества [19]. Педагогическая аксиология изучает ценности научно-педагогических исследований, такие как новизна, актуальность, социальная значимость, ценности инновационной деятельности в образовании, педагогические явления, воспринимаемые как ценности в массовой практике, конкретные ценности, необходимые для формирования личности обучающихся [21].

Педагогические ценности предполагают деление на несколько групп. К их числу относятся:

– гуманистические ценности — личность обучающегося как основа образовательного процесса, понимание детства как уникального и самоценного периода жизни;

– профессионально-нравственные ценности — добро, сострадание, милосердие, а для преподавателя — справедливость, честность, верность;

– ценности творческой самореализации — развитие профессионально-творческих способностей и стремление к самосовершенствованию;

– интеллектуальные ценности — истина, знания, творчество, познание и свободный доступ к информации;

– социальные ценности — педагогическое общение, роль традиций, семьи и любви к детям;

– эстетические ценности — красота и гармония как основы образовательной среды [6, с. 184-187].

Педагогическая аксиология определяет стратегию развития образования через систему ценностей, влияет на эффективность взаимодействия преподавателя и обучающегося, способствует формированию у обучающихся осознанного отношения к жизни и обществу, является важным методологическим направлением, способствующим развитию ценностной сферы личности. Знания, превращенные в ценности, становятся основой формирования мировоззрения обучающихся и повышения профессиональной компетентности преподавателя [3, с. 91-97].

На основании вышеизложенного можно заключить, что ценностная направленность образовательного процесса в общем и воспитательного процесса, в частности, стимулирует внутреннюю мотивацию обучающихся к активному гражданскому поведению, тогда как формально-деловой подход оказывается недостаточно эффективным для формирования глубинных личностных установок. Более того, именно наличие системы ценностей дает возможность выпускнику не просто знать о гражданских правах и обязанностях, но и жить ими, демонстрируя гражданскую вовлеченность и ответственность. В свою очередь, ценностная ориентированность, интегративность аудиторной с внеаудиторной деятельностью, субъект-субъектное взаимодействие преподавателя и обучающегося, а также надситуативность образовательных целей рисует четкий практический алгоритм, готовый к апробации и масштабированию в условиях вуза [26, с. 693-711].

Научный обзор зарубежного опыта применения аксиологического подхода в рамках формирования гражданской идентичности обучающихся высших учебных заведений позволяет утверждать следующее.

В европейских образовательных системах формирование гражданской идентичности базируется на ценностях либерального гуманизма, критического мышления и демократического участия. Исследования показывают, что европейские вузы применяют мультипарадигмальную модель образования, где гражданские ценности представлены через концепции межэтнической толерантности, здорового образа жизни, экологической культуры и национальных ценностей. [22, с. 431-457].

Особое место в европейской практике занимает Bildung-ориентированная дидактика, которая выходит за рамки компетентностного подхода и фокусируется на развитии индивидуальности человека, способного не только решать проблемы в существующих социальных структурах, но и генерировать идеи и решения, превосходящие существующие рамки. Данный

подход подчеркивает важность формирования критического мышления и способности к автономному анализу гражданских вопросов. [27, с. 39-57].

Результаты зарубежных исследований показывают, что европейские образовательные системы, сочетающие стабильную демократию и экономическое процветание с демократически ориентированными подходами к обучению, добиваются высоких показателей в подготовке молодых граждан. Особенно положительные результаты в формировании гражданской компетентности молодежи наблюдаются там, где преподаватели приоритизируют развитие автономного критического мышления в гражданском образовании.

В США гражданское образование в высшей школе развивается через концепцию «глобального гражданства», которое интегрирует локальную гражданскую активность с глобальными компетенциями. Американские исследователи выделяют три основных подхода к глобальному гражданскому образованию: неолиберальный (ориентированный на глобальную конкурентоспособность и ценности достижения), либерально-гуманистический (продвигающий ценности универсализма) и критический (ставящий под сомнение предписание определенных ценностей). Глобальная гражданская идентичность может быть определена как форма самоидентификации человека с мировым сообществом и осознание своей принадлежности не только к национальному государству, но и к человечеству в целом. Она предполагает признание универсальных ценностей, норм и прав, готовность действовать в интересах всего мира, уважение к разнообразию культур и осознание глобальных взаимосвязей и ответственности. Очевидно, что глобальная гражданская идентичность выходит за рамки традиционного национального контекста и связана с такими установками, как толерантность, признание равенства, забота о сохранении окружающей среды, миротворчество, открытость культурному и этническому многообразию. Она формируется под влиянием глобализационных процессов, роста международной мобильности, использования глобальных информационных технологий, расширения образовательных контактов, а также через участие в международных программах и социальных инициативах.

Особенностью американского подхода является акцент на обучение служением (service learning) как неотъемлемом элементе гражданского образования, который развивает у обучающихся знания, навыки, диспозиции и поведение, необходимые для активного гражданского участия. Данный подход подчеркивает важность практического применения гражданских ценностей через общественно полезную деятельность. [20, с. 1-14].

В азиатских индустриальных центрах, таких как Гонконг и Сингапур, глобальное гражданское образование фокусируется преимущественно на утилитарных целях производства адаптивных работников, способных поддерживать национальные экономические проекты в глобальной экономике. Хотя критические, транснациональные и другие альтернативные гражданские перспективы присутствуют в обеих системах, данные показывают мало свидетельств учебных возможностей для обучающихся ознакомиться с альтернативными дискурсами. [18, с. 21-25]. В китайской системе высшего образования формирование гражданской идентичности тесно связано с национальной культурой и традиционными ценностями, при этом особое внимание уделяется этнокультурным традициям как основе формирования гражданской компетентности обучающихся и, соответственно, будущих выпускников [25, с. 79-88].

Среди ключевых отличий подходов зарубежных стран от российской можно выделить следующие. Зарубежные системы чаще опираются на множественность ценностных ориентаций без четкой иерархии национальных приоритетов, делая акцент на развитии критического анализа и способностей к альтернативному мышлению, что может вступить в противоречие с патриотическим воспитанием. Зарубежные подходы чаще интегрируют глобальные компетенции и космополитические ценности, тогда как российская система опирается на национальную специфику.

Сравнительный анализ зарубежного опыта показывает, что аксиологический подход к формированию гражданской идентичности в высшем образовании имеет различные национальные и региональные особенности. Европейский опыт демонстрирует эффективность сочетания критического мышления с демократическими ценностями, американская модель подчеркивает важность практического применения глобальных гражданских ценностей, азиатские системы интегрируют национальные традиции с глобальными экономическими целями.

Эти различия обусловлены культурными, историческими и политическими особенностями каждого региона, что необходимо учитывать при адаптации зарубежного опыта к российским условиям.

Обсуждение

Сравнение полученных результатов с данными предыдущих исследований позволяет констатировать их определенное соответствие и в то же время существенное расширение теоретико-методологического поля. Сравнительный анализ аксиологического подхода с альтернативными методологическими основами формирования гражданской идентичности показывает, что каждый из приведенных ниже подходов имеет свои особенности, преимущества и ограничения.

Начнем с компетентностного подхода, концепции, ориентированной на формирование у обучающихся совокупности ключевых компетенций, необходимых для успешной самореализации в профессии, обществе и личной жизни. Исследования показывают, что этот подход эффективен для развития практических навыков и профессиональной деятельности [18, с. 21-25]. В то время как данный подход ориентирован преимущественно на внешние проявления результатов деятельности, аксиологический подход направлен на мотивационно-ценностную сферу личности, формируя ее устойчивые основы, обеспечивая не только функциональную готовность к определенной деятельности, но и духовно-нравственное развитие личности. Однако некоторые исследователи отмечают, что компетентностный подход может привести к технократизации образования и недооценке ценностного измерения личности.

Далее рассмотрим деятельностный подход, который акцентирует внимание на организации деятельности обучающихся на основе формирования знаний, умений и личностных качеств. Этот подход широко используется в современном российском образовании и демонстрирует эффективность в активизации познавательной деятельности обучающихся [18, с. 21-25]. Однако аксиологический подход есть не только сама деятельность, но ее ценностно-смысловое наполнение, что особенно важно для формирования гражданской идентичности. В то время как деятельностный подход часто опирается на внешние стимулы, аксиологический подход развивает внутреннюю мотивацию через осознание личностной системы ценностей.

Переходя к культурологическому подходу, который рассматривает образование как процесс освоения культурного наследия и формирования культурной идентичности личности, важно отметить, что данный подход имеет богатую традицию в отечественной педагогике и показывает хорошие результаты в гуманитарном образовании [18, с. 21-25]. При этом аксиологический подход не ограничивается трансляцией культурных образцов, а предполагает их критическое осмысление и отбор с позиций соответствующих ценностей. В отличие от традиционного культурологического подхода, предполагающего преимущественно репродуктивное освоение культурного наследия, аксиологический подход формирует способность к творческому преобразованию последнего.

Важное место в методологии формирования гражданской идентичности отводится личностному подходу. Данный подход в образовательном процессе способствует развитию индивидуальности каждого обучающегося, учету его личностных особенностей и потребностей. Данный подход широко признан в современной педагогике и психологии. Учитывая эти особенности, аксиологический подход одновременно ориентирует личность на освоение социально значимых ценностей, что важно для гражданской идентичности, а, в отличие от личностно-ориентированных систем, которые могут привести к ценностному релятивизму, обеспечивает интеграцию личности в систему общенациональных ценностей [10, с. 50-55].

Исследования показывают, что аксиологический подход обладает высоким интеграционным потенциалом и может эффективно сочетаться с другими подходами, усиливая их воздействие.

Сравнительный анализ демонстрирует, что аксиологический подход обладает рядом отличительных характеристик, делающих его методологической основой для формирования гражданской идентичности в сфере профессионального образования. В отличие от функционально ориентированных подходов (компетентностного, деятельностного), он оказывает не только практическое, но и глубокое ценностно-смысловое влияние на личность. По сравнению с культурологическим и личностно-ориентированным подходами, он в большей степени

интегрирует развитие личности с конкретными задачами формирования гражданственности и патриотизма.

Выводы

На основании вышеизложенного представляется возможным утверждение, что аксиологический подход в педагогике может быть определен как фундаментальная методология, позволяющая не только изучать и формировать системные ценности в образовательном процессе, но и реализовать гуманистический потенциал современного образования, ориентировать его на ценности личности, способной к свободному ценностному выбору, моральной ответственности и осознанному подходу к жизни. Кроме того, представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, основные преимущества аксиологического подхода в качестве основы формирования гражданской идентичности выпускников вуза сводится к тому, что демонстрируют:

· методологическую универсальность, то есть он может интегрировать достижения различных педагогических подходов, создавая методологическое единство;

· долговечность формируемых качеств, поскольку ценностные ориентиры, сформированные на основе аксиологического подхода, обладают большой устойчивостью по сравнению с компетенциями или навыками;

· социально-интегративную функцию в силу того, что аксиологический подход обеспечивает формирование общих ценностных оснований, необходимых для социальной сплоченности и национального единства.

· адаптивность к социокультурным изменениям, так как ценностные ориентиры, сформированные на основе фундаментальных гуманистических принципов, поддерживают личность в конструктивном развитии в условиях социальных преобразований.

Во-вторых, специфика формирования гражданской идентичности в контексте аксиологического подхода, заключается в том, что трехкомпонентная структура гражданской идентичности (когнитивный, эмоционально-ценностный и поведенческий компоненты) наиболее эффективно реализуется именно через него. Это обеспечивает единство знаний, чувств и действий выпускника. При этом ценностная направленность образовательного процесса стимулирует внутреннюю мотивацию к гражданскому поведению, тогда как формально-деловая модель оказывается недостаточно результативной для формирования глубинных личностных установок. Системная реализация аксиологического подхода предполагает интеграцию аудиторной и внеаудиторной деятельности, создание субъект-субъектных отношений между преподавателем и обучающимся, что обеспечивает целостность воспитательного воздействия.

В-третьих, сравнительный анализ аксиологического с альтернативными подходами показывает, что по сравнению с компетентностным подходом, аксиологический воздействует на мотивационно-ценностную сферу личности, предотвращает технократизацию образования и способствует духовно-нравственному развитию обучающихся. В отличие от деятельностного подхода, который часто опирается на внешние стимулы, аксиологический развивает внутреннюю мотивацию через осознание собственной системы ценностей. Его преимущество перед культурологическим подходом заключается в том, что он предполагает не только трансляцию культурных образцов, но и их критическое осмысление с позиций актуальных ценностей. По сравнению с личностным подходом, аксиология направлена на интеграцию личности в систему общенациональных ценностей.

Анализ зарубежного опыта показал, что ключевые отличия российского подхода заключаются в большей структурированности ценностной иерархии, акценте на патриотическом воспитании и обеспечении баланса между гражданской и этнической идентичностью. Универсальная аксиологическая платформа требует учета культурных, исторических и политических особенностей каждого региона, поэтому прямое копирование зарубежных моделей зачастую оказывается неэффективным.

В-четвертых, выявлены потенциальные барьеры и трудности в процессе реализации аксиологического подхода как методологической основы формирования гражданской идентичности выпускников вуза. Прежде всего речь идет о разрыве между ценностными установками общества и личными ориентирами обучающихся, что делает необходимым применение специальных диагностических инструментов и индивидуализацию воспитательного процесса.

Кроме того, цифровая среда создает новые вызовы для формирования устойчивых ценностных ориентиров, что требует разработки новых подходов к диагностике и индивидуализации воспитания. Дополнительными барьерами выступают: влияние цифровой среды, недостаточная методическая подготовленность программ, отсутствие целостных требований к гражданскому воспитанию в вузах и необходимость повышения квалификации педагогов для внедрения аксиологически ориентированных программ.

В-пятых, на основании изложенного материала могут быть сформулированы практические рекомендации по имплементации аксиологического подхода. Так, вузы должны стать пространством, где ценности гражданственности органично интегрированы в образовательный процесс, а студенческая жизнь способствует развитию социальной активности и ответственности. Необходимо создание научно-методических центров по разработке аксиологически ориентированных педагогических технологий и современных образовательных платформ. Требуется разработка системы и оценка эффективности формирования гражданской идентичности на основе аксиологических принципов. Важно обеспечить преемственность между различными уровнями образования в формировании ценностных ориентаций и гражданской идентичности.

В завершении следует отметить важность вышеизложенного для перспективы дальнейших исследований. Приоритетной задачей является разработка конкретных педагогических условий, способствующих эффективному внедрению аксиологически ориентированной модели формирования гражданской идентичности выпускников вуза. Еще одним перспективным направлением представляется разработка диагностического инструментария для оценки сформированности компонентов гражданской идентичности на основе аксиологического подхода. Кроме того, необходимо проведение лонгитюдных исследований для изучения долгосрочных перспектив применения аксиологического подхода в условиях процесса формирования гражданской идентичности. Стоит отметить важность разработки технологий адаптации аксиологического подхода к специфике различных направлений подготовки в высшем образовании. Безусловно, актуальной задачей остается исследование возможностей цифровизации аксиологически ориентированного образовательного процесса без утраты его гуманистической сущности.

В целом, проведенное исследование подтверждает, что аксиологический подход следует рассматривать как основополагающую методологию формирования гражданской идентичности выпускников вуза в условиях современного кризиса ценностей, так как он обеспечивает не только передачу знаний, но и воспитание осознанных граждан с устойчивыми ценностными установками, готовых к ответственному участию в жизни общества и государства.

Литература:

1. Богданов Н.А., Коржуев А.В. Аксиология педагогического знания: палитра взглядов и логико-эпистемологический код // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – 2019. – No4. – С. 24-39. – DOI 10.51314/2073- 2635-2019-4-24-39.

2. Дроботенко Ю.Б. Современные проблемы педагогической аксиологии // Вестник ОГУ. 2023. №4 (240). С. 17-25. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-pedagogicheskoy-aksiologii (дата обращения: 27.06.2025).

3. Ершова О.В. Воспитание менеджмента жизни: организатор, лидер, создатель бренда личности / О. В. Ершова // Инновации в образовании. – 2024. – № 5. – С. 91-97. – EDN IYNNLQ.

4. Иванова С.В., Иванов О.Б. Аксиологический кризис в современном мире: найти выход // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. №1. С. 7-29. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskiy-krizis-v-sovremennom-mire-nayti-vyhod (дата обращения: 27.06.2025).

5. Клипакова Д.М. Ценность педагогического дискурса в современной образовательной среде // ЦИТИСЭ. – 2023. – No2. – С. 178-190. DOI: http://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.2.15

6. Коковина Л. Н. Реализация аксиологического подхода в профессиональном педагогическом образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2025. №86-2. С. 184-187. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-aksiologicheskogo-podhoda-v-professionalnom-pedagogicheskom-obrazovanii (дата обращения: 10.08.2025)

7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

8. Магомедов Р.Р., Идрисова Э.С., Шмакова Н.Н. Формирование познавательных умений учащихся в процессе исследовательской деятельности // Вестник ОГУ. 2018. №6 (218). С. 34-39. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-poznavatelnyh-umeniy-uchaschihsya-v-protsesse-issledovatelskoy-deyatelnosti (дата обращения:

06.08.2025).
9. Мурадян А. К. Систематизация процесса социально-культурной самореализации учащейся молодежи в волонтерской деятельности: аксиологический подход : аксиологический подход : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.05 / Мурадян Анна Кареновна; [Место защиты: Московский государственный институт культуры]. - Москва, 2019. - 186 с. : ил.
10. Прусакова Д.А. Определение сущности понятия «гражданская идентичность» посредством сравнительного анализа сопутствующих понятий / Д. А. Прусакова // Гуманитарные науки и образование. – 2025. – Т. 16, № 2(62). – С. 50-55. – DOI 10.51609/2079-3499_2025_16_02_50. – EDN KRZVBE.
11. Путин призвал к укреплению общероссийской гражданской идентичности. URL: https://www.5-tv.ru/news/337572/putin-prizval-kukrepleniu-obserossijskoj-grazdanskoj-identicnosti/?ysclid=lzcdypnzgj128640090
12. Смолонский Г.В. Природа креативного класса когнитивного общества: концептуальный аспект // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – No 4. – С. 63–72. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1932
13. Сухоруких А.В. Аксиология инноваций в современной образовательной культуре: специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – Курск, 2020. – 41 с.
14. Тореева Т.А. (2025). Аксиологический компонент подготовки педагогов-исследователей в классическом университете: педагогические и философские аспекты. Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование, 23(1), С. 28–53. https://doi.org/10.55959/LPEJ-25-02
15. Третьякова А.И. Особенности формирования идентичности в условиях глобализации // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. №2 (39). С. 56-60. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-identichnosti-v-usloviyah-globalizatsii (дата обращения: 27.06.2025).
16. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 46, 14.11.2022, ст. 7977.
17. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 22.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 53 (ч.I), 31.12.2012, ст. 7598.
18. Фоминых Н.Ю. Об инновационных подходах к научно-педагогическому исследованию // Современное педагогическое образование. 2021. №5. С. 21-25. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-innovatsionnyh-podhodah-k-nauchno-pedagogicheskomu-issledovaniyu (дата обращения: 06.08.2025).
19. Al-Samarraie H., Saeed N., Eldenfria A., et al. Axiological foundations of innovation in STEM education: A systematic review // Heliyon. – 2024. – Vol. 10, Issue 12. – Article e32381. – DOI: https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e32381 – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844024084123 (дата обращения: 27.06.2025).
20. Bringle RG and Clayton PH (2021) Civic Learning: A Sine Qua Non of Service Learning. Front. Educ. 6:606443. doi: 10.3389/feduc.2021.606443. Pp. 1-14.
21. Exploring 21st Century Innovative Pedagogy Paradigms in Higher Education – NEP 2020 // International Journal of Research and Scientific Innovation (IJRSI). – 2024. – Vol. 11, Issue 5. – URL: https://rsisinternational.org/journals/ijrsi/articles/exploring-21stcentury-innovative-pedagogy-paradigms-in-higher-education-nep-2020 (дата обращения: 27.06.2025).
22. Hoskins B., Saisana M., & Villalba C. M. H. (2015). Civic competence of youth in Europe: Measuring cross national variation through the creation of a composite indicator. Social Indicators Research, 123, Pp. 431–457. https://doi.org/10.1007/s11205-014-0746-z . - DOI - PubMed
23. Nazarova L. Axiological Approach in Pedagogy in the Context of the Problems of Semiotics of Culture // Revista de Gestão Social e Ambiental (RGSA). – 2024. – Vol. 18, No. 10. – Article No. 288. – Pp. 1-10. URL: https://rgsa.openaccesspublications.org/rgsa/article/view/8500 (дата обращения: 27.06.2025).
24. Pieterse J. N. The nexus between globalization and ethnic identity: A view from below // Ethnicities. – 2019. – Vol. 19, No. 3. – Pp. 504–520. – DOI: https://doi.org/10.1177/1468796819834951 – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1468796819834951 (дата обращения: 27.06.2025).
25. Poghosyan G. S., & Gasparyan A. M. (2020). THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' CIVIC COMPETENCE IN THE CONTEXT OF ETHNOCULTURAL TRADITIONS. Modern Psychology, 3(2 (7), Pp. 79-88. https://doi.org/10.46991/SBMP/2020.3.2.079
26. Ruck D., Bentley R. A., & Hudson M. J. Values in crisis: Societal value change under existential insecurity // Social Indicators Research. – 2023. – Vol. 170, Issue 2. – Pp. 693–711. – DOI: https://doi.org/10.1007/s11205-023-03226-2– URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11205-023-03226-2 (дата обращения: 27.06.2025)
27. Ryen Erik & Jøsok Evy. (2021). Citizenship-as-knowledge: How perspectives from Bildung-centred Didaktik can contribute to European Citizenship Education beyond competence. European Educational Research Journal. 10.1177/14749041211045777. Pp. 39-57.
28. Sherrod L. R. (2015). Recognizing civic engagement as a critical domain of human development. Research in Human Development, 12, Pp. 312–318. https://doi.org/10.1080/15427609.2015.1068040 . - DOI
29. Shubina E., Sazonova T., & Leonova A. The Influence of Axiological Knowledge on Western Pedagogy: A Historical Overview // Web of Scientist: International Scientific Research Journal. – 2024. – Vol. 5, No. 5. – Pp. 219–226. – URL: https://wos.academiascience.org/index.php/wos/article/view/4956 (дата обращения: 27.06.2025).

УДК 378

ОБ АВТОРАХ:

Квач Сергей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Е5 экологии и производственной безопасности, БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия

Квач Ирина Валериевна,
старший преподаватель кафедры О3 инженерной и машинной геометрии и графики, БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Kvach Sergey S.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate professor of the Department of Ecology and Industrial Safety E5, BSTU «VOENMEH» named after I.F. Ustinov, Saint-Petersburg, Russia

Kvach Irina V.,
Senior Lecturer at the Department of Engineering and Machine Geometry and Graphics O3, BSTU «VOENMEH» named after I.F. Ustinov, Saint-Petersburg, Russia

Квач С.С., Квач И.В.

Институт правовой помощи в международном частном праве как учебная дисциплина: содержательное наполнение и методические аспекты преподавания

Статья обосновывает необходимость выделения института правовой помощи по гражданским и семейным делам в международном частном праве (МЧП) в самостоятельную учебную дисциплину в рамках подготовки юристов-международников. Авторы аргументируют актуальность этого шага комплексом факторов: резким ростом трансграничных споров, исключительной практической востребованностью компетенций в области международного процессуального сотрудничества, сложностью и многоуровневостью регулирования (универсальные Гаагские конвенции, региональные акты ЕС/СНГ, двусторонние договоры, национальное законодательство РФ), а также динамичным развитием сферы, включая цифровизацию (e-APP, e-Evidence).

Предлагается детальная модель содержательного наполнения курса, охватывающая теоретические основы, анализ международно-правовых и национальных источников, процедурные аспекты оказания помощи (вручение документов, получение доказательств, исполнение решений), особенности отдельных видов помощи и разбор практических проблем. Особое внимание уделяется методике преподавания, ориентированной на формирование практических навыков через проблемные лекции, case-study, ролевые игры, работу с первичными документами, привлечение практиков и использование электронных ресурсов.

Статья подчеркивает, что результатом освоения дисциплины является формирование у студентов уникального комплекса профессиональных компетенций (системные знания, практические умения, навыки работы с нормативным массивом, юридического письма, цифровыми инструментами, иностранным языком) и ключевых личностных качеств (системное мышление, внимательность к деталям, коммуникативные способности), необходимых для эффективной работы в сфере международной правовой помощи.

Ключевые слова: международное частное право, правовая помощь, гражданские дела, семейные дела, учебная дисциплина, юридическое образование, международное сотрудничество, исполнительное производство, доказательства.

Для цитирования: Квач С.С., Квач И.В. Институт правовой помощи в международном частном праве как учебная дисциплина: содержательное наполнение и методические аспекты преподавания // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С. 114-122.

THE INSTITUTE OF LEGAL AID IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW AS AN ACADEMIC DISCIPLINE: SUBSTANTIVE CONTENT AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF TEACHING

Kvach S.S., Kvach I.V.

The article substantiates the need to separate the Institute of legal assistance in civil and family matters in private international law (IIE) into an independent academic discipline within the framework of the training of international lawyers. The authors argue the relevance of this step by a set of factors: a sharp increase in cross-border disputes, the exceptional practical demand for competencies in the field of international procedural cooperation, the complexity and multilevel regulation (universal Hague Conventions, regional acts of the EU/CIS, bilateral treaties, national legislation of the Russian Federation), as well as the dynamic development of the sphere, including

digitalization (e-APP, e--Evidence).
A detailed model of the content of the course is proposed, covering the theoretical foundations, analysis of international legal and national sources, procedural aspects of assistance (handing over documents, obtaining evidence, executing decisions), the specifics of certain types of assistance and analysis of practical problems. Special attention is paid to teaching methods focused on the formation of practical skills through problem lectures, case study, role-playing games, working with primary documents, attracting practitioners and using electronic resources.
The article emphasizes that the result of mastering the discipline is the formation of a unique set of professional competencies among students (system knowledge, practical skills, skills in working with a regulatory array, legal writing, digital tools, a foreign language) and key personal qualities (systemic thinking, attention to detail, communication skills) necessary for effective work in the field of international legal assistance.

Keywords: private international law, legal aid, civil cases, family matters, academic discipline, legal education, international cooperation, enforcement proceedings, evidence.

For citation: Kvach S.S., Kvach I.V. TThe Institute of Legal Aid in Private International Law as an academic discipline: substantive content and methodological aspects of teaching. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 3 (35): 114-122. (In Russ.)

Институт правовой помощи в международном частном праве занимает центральное место в обеспечении эффективной защиты прав участников трансграничных частноправовых отношений.

Усложнение международного оборота, рост числа споров с иностранным элементом, расширение миграционных потоков – все это объективно повышает спрос на юристов, компетентных в вопросах оказания и получения правовой помощи. Традиционно данный институт изучается в рамках общего курса МЧП, однако его сложность, объем нормативного материала и исключительная практическая значимость диктуют необходимость выделения в отдельную учебную дисциплину (спецкурс, факультатив) в магистратуре или на завершающих этапах бакалавриата юридических вузов.

1. Актуальность и целесообразность выделения дисциплины. В современном мире, характеризующемся неуклонной глобализацией экономических связей, интенсификацией миграционных потоков и стремительным развитием цифровых коммуникаций, трансграничные частноправовые отношения приобрели масштабный и повседневный характер.

Это объективно приводит к резкому увеличению числа споров с иностранным элементом – от взыскания алиментов и наследственных дел до сложных корпоративных конфликтов и исполнения международных контрактов. В таком контексте институт международной правовой помощи по гражданским и семейным делам перестает быть экзотической редкостью, превращаясь в рутинный, но критически важный инструмент обеспечения реальной, а не декларативной защиты прав участников международного оборота. Именно здесь возникает ключевой аргумент в пользу выделения данного института в отдельную учебную дисциплину: его исключительная практическая востребованность. Юристы, работающие в международных фирмах, судах общей юрисдикции и арбитражах, органах прокуратуры и юстиции, службах судебных приставов, постоянно сталкиваются с необходимостью корректно направить запрос о вручении процессуальных документов за границу, истребовать доказательства с территории иностранного государства, обеспечить исполнение решения своего суда в другой стране или, наоборот, исполнить иностранное судебное решение на территории Российской Федерации. Без глубокого понимания процедур правовой помощи эффективное ведение дел с иностранным элементом становится невозможным, что наносит ущерб интересам доверителей и подрывает авторитет правовой системы.

Однако практическая значимость – не единственный довод. Сложность и специфика регулирования института правовой помощи предопределяют необходимость его углубленного изучения.

Этот институт представляет собой уникальный правовой конгломерат, где тесно переплетаются нормы многочисленных международных договоров (универсальных Гаагских конвенций, региональных актов, таких как регламенты ЕС или конвенции СНГ, и обширной сети двусторонних договоров о правовой помощи) с положениями национального процессуально-

го законодательства (ГПК РФ [1], АПК РФ [2], закона "Об исполнительном производстве" [3]). Студенту и будущему практику необходимо не только знать содержание этих источников, но и уметь разрешать неизбежные коллизии между ними, определять приоритет применения в конкретной ситуации, понимать тонкости взаимодействия международных и внутригосударственных процедур. Добавляет сложности и то, что сам процесс оказания помощи (составление запроса, выбор канала передачи – через центральные органы, дипломатический, почтовый или напрямую между судами, обеспечение соблюдения сроков и правил о языке, оценка оснований для возможного отказа) требует ювелирной точности и внимания к деталям.

Динамичность развития международного сотрудничества в сфере правовой помощи также подчеркивает целесообразность отдельного курса. Традиционные механизмы, основанные на бумажных носителях и дипломатических каналах, активно дополняются, а иногда и замещаются, электронными средствами взаимодействия. Инициативы Гаагской конференции по международному частному праву, такие как e-APP (электронный портал по вручению документов и получению доказательств) или развитие стандартов e-Evidence, а также цифровизация процедур в рамках Европейского Союза, требуют от юриста постоянного обновления знаний и навыков работы с современными ИТ-инструментами. Преподавание этих аспектов в рамках общего курса МЧП часто не успевает за стремительными изменениями практики.

Наконец, выделение дисциплины отвечает потребности рынка юридических услуг в формировании узкой специализации. Комплексный характер знаний и навыков, необходимых для эффективной работы с запросами о правовой помощи (сочетание знания МЧП, гражданского и арбитражного процесса, исполнительного производства, международного права, иностранных языков), делает специалистов в этой области особо востребованными. Углубленный курс готовит кадры для работы в специализированных подразделениях Министерства юстиции РФ (действующих в качестве центральных органов по конвенциям), международных отделах судов и арбитражей, крупных юридических фирмах, занимающихся трансграничными спорами, и других структурах, где компетенция в вопросах международного процессуального сотрудничества является ключевой. Таким образом, актуальность и целесообразность выделения "Института правовой помощи в МЧП" в самостоятельную учебную дисциплину продиктованы мощным сочетанием факторов: острой практической необходимостью, исключительной сложностью и многоуровневостью регулирования, постоянной динамикой развития и четко выраженной потребностью юридической практики в высококвалифицированных профильных специалистах, способных обеспечить эффективное функционирование этого жизненно важного механизма международного частного права.

2. Содержательное наполнение учебной дисциплины

Формирование содержания дисциплины «Институт правовой помощи в международном частном праве» требует тщательного структурирования, охватывающего как фундаментальные теоретические основы, так и детализированные практические аспекты этого комплексного правового явления. Ядро курса закономерно начинается с теоретико-концептуального блока, где раскрывается сама сущность международной правовой помощи по гражданским и семейным делам: ее цели в обеспечении эффективности судопроизводства и защиты прав участников трансграничных отношений, основополагающие принципы (судебного суверенитета, взаимности, сотрудничества), а также ее ключевое значение как гарантии реальной, а не иллюзорной, реализации прав. Здесь же определяется система видов правовой помощи – от вручения документов и получения доказательств до обеспечения иска, признания и исполнения иностранных решений и установления юридически значимых фактов. Важнейшей задачей становится четкое позиционирование института правовой помощи в общей системе МЧП, выявление его взаимосвязей и отличий от смежных институтов – международной подсудности, определения применимого права и признания/исполнения решений, подчеркивая его процессуально-процедурную природу. Неотъемлемой частью этого блока является глубокий анализ источников правового регулирования, формирующих сложный, многоуровневый каркас норм: от международных договоров (универсальных, региональных, двусторонних) до национального законодательства и значимой роли судебной практики в их толковании и применении.

Следующая содержательная платформа посвящена международно-правовому регулированию, выступающему основным двигателем сотрудничества. Центральное место здесь за-

нимает изучение универсальных конвенций, разработанных под эгидой Гаагской конференции по международному частному праву. Детальному анализу подвергаются ключевые инструменты: Конвенция 1965 года о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам, Конвенция 1970 года о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам, а также более современные акты, такие как Конвенция 2005 года о соглашениях о выборе суда и Конвенция 2007 года о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания членов семьи, демонстрирующие эволюцию подходов. Параллельно рассматривается мощный пласт регионального регулирования, прежде всего в рамках Европейского Союза (Регламент (ЕС) № 1393/2007 о вручении документов и Регламент (ЕС) № 1206/2001 о сотрудничестве между судами государств-членов в области получения доказательств по гражданским или торговым делам) и на пространстве СНГ (Конвенция 1993/2002 гг. о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам). Значительное внимание уделяется обширной сети двусторонних договоров о правовой помощи, заключенных Российской Федерацией, и, что критически важно, методологии разрешения неизбежных коллизий между этими разноуровневыми источниками (иерархия, принцип специализированности (lex specialis), прямое действие).

Не менее важным является блок национального регулирования, где студенты погружаются во внутреннее законодательство РФ, регламентирующее процедуры оказания и получения правовой помощи. Анализируются соответствующие нормы Арбитражного процессуального кодекса (АПК РФ) и Гражданского процессуального кодекса (ГПК РФ), Федерального конституционного закона "О судебной системе", Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", Федерального закона "Об исполнительном производстве" и подзаконных актов (например, Административный регламент Минюста России). Особый акцент делается на функциональной роли Министерства юстиции РФ и его территориальных органов как центральных органов по большинству международных договоров, через которые осуществляется основное взаимодействие, и на распределении компетенции между различными национальными органами (суды общей юрисдикции и арбитражные суды, нотариат, Федеральная служба судебных приставов) в процессе исполнения запросов или направления поручений за рубеж.

Ключевым для формирования практических навыков становится блок процедурных аспектов оказания и получения помощи. Здесь детально разбирается "жизненный цикл" запроса о правовой помощи: от правил составления и оформления (с учетом требований конкретных конвенций, использования стандартных форм Hague Request Forms), выбора оптимального канала передачи (дипломатический путь, центральные органы, почта, непосредственная коммуникация между судебными учреждениями) и решения вопросов языка и легализации, до процедуры исполнения запроса иностранным органом. Анализируются основания и правовые последствия отказа в оказании правовой помощи (ссылки на суверенитет, безопасность, публичный порядок), а также практические вопросы соблюдения сроков исполнения и распределения связанных расходов. Особо выделяются современные тенденции цифровизации – использование электронных систем передачи запросов и доказательств (e-APP, e-Evidence), упрощение процедур, что требует от будущих юристов владения соответствующими технологиями.

Углублению понимания способствует блок, посвященный особенностям регулирования отдельных видов правовой помощи. Изучаются специфика процедур вручения судебных и внесудебных документов за рубежом, включая альтернативные методы и последствия невручения. Детально рассматриваются сложные вопросы получения доказательств за границей: порядок истребования письменных доказательств, особенности проведения допросов свидетелей и назначения экспертиз с участием иностранных юрисдикций, гарантии прав участников процесса. Значительное внимание уделяется институту признания и исполнения иностранных судебных решений, разбираются классическая процедура экзекватуры и упрощенные механизмы, предусмотренные, например, Гаагской конвенцией 2005 года или Регламентами ЕС. Отдельно освещаются вопросы обеспечения иска с иностранным элементом и специфика правовой помощи по семейным делам, особенно актуальная в контексте взыскания алиментов, международного усыновления/удочерения и процедур возврата детей по Гаагским кон-

венциям 1980 и 1996 годов.

Завершающим, интегрирующим элементом содержания выступает анализ реальной практики и возникающих проблем. Изучение и обсуждение конкретных кейсов из судебной практики РФ (постановления Верховного Суда, определения Суда по интеллектуальным правам) и зарубежных стран, а также административной практики Минюста России, позволяет студентам увидеть теоретические конструкции в действии, понять, как применяются нормы конвенций и закона, сталкиваясь с реальными сложностями. Выявляются типичные проблемы исполнения запросов: затягивание сроков по различным причинам (организационным, бюрократическим, правовым), необоснованные отказы, трудности, порождаемые различиями в национальных процессуальных системах и подходах к сбору доказательств. Особо подчеркивается аспект защиты прав лиц, вовлеченных в процесс оказания правовой помощи, особенно при получении доказательств (гарантии для свидетелей и экспертов, обеспечение права на справедливое судебное разбирательство). Этот практико-ориентированный блок служит мостом между теорией и будущей профессиональной деятельностью, формируя способность критически оценивать существующие механизмы и предлагать пути решения возникающих коллизий. Таким образом, содержательное наполнение дисциплины представляет собой целостную систему знаний, последовательно ведущую студента от понимания фундаментальных принципов через освоение сложного массива международных и национальных норм к овладению конкретными процедурами и навыками анализа практических ситуаций в динамично развивающейся сфере международной правовой помощи.

3. Методические аспекты преподавания. Преподавание дисциплины «Институт правовой помощи в международном частном праве» в силу ее ярко выраженного практико-ориентированного характера и сложности регулирующего нормативного массива требует выхода за рамки традиционной лекционно-семинарской системы и активного внедрения инновационных, интерактивных методов обучения. Ключевая задача заключается в том, чтобы не просто передать студентам объем знаний о международных конвенциях и национальных процедурах, но и сформировать у них устойчивые навыки применения этих знаний для решения конкретных профессиональных задач, с которыми они столкнутся в реальной юридической практике. Это диктует необходимость построения учебного процесса вокруг имитации профессиональной деятельности и решения практических когнитивных задач. Центральное место в методическом арсенале должны занимать проблемные лекции, где изложение материала строится не как монолог, а как диалог, фокусируясь на анализе сложных коллизий, возникающих при взаимодействии разноуровневых источников права (например, приоритет Гаагской конвенции 1965 г. над двусторонним договором или нормами ГПК РФ в определенных аспектах), разборе спорных случаев из актуальной судебной практики, в том числе постановлений Верховного Суда РФ, определений Суда по интеллектуальным правам, решений Европейского Суда по правам человека или национальных судов иностранных государств, а также обсуждению оснований и последствий отказов в оказании правовой помощи, демонстрирующих пределы международного сотрудничества. Такой подход позволяет с первых занятий погрузить студентов в контекст реальных правовых проблем, стимулируя критическое мышление и аналитические способности.

Наиболее эффективным инструментом формирования практических компетенций становятся семинарские занятия, построенные по методу case-study. Детальный разбор конкретных, желательно реальных, ситуаций – например, необходимости вручить исковое заявление ответчику, находящемуся в государстве-участнике Гаагской конвенции 1965 г. и одновременно имеющему с РФ двусторонний договор, или истребовать свидетельские показания из страны, не участвующей в основных конвенциях, – заставляет студентов самостоятельно определять применимый правовой режим, выявлять коллизионные вопросы, разрабатывать алгоритм действий юриста (составление ходатайства в суд, выбор центрального органа, подготовка запроса на соответствующем языке с использованием стандартных форм Hague Request Forms), прогнозировать потенциальные препятствия и пути их преодоления. Углублению понимания процедурных тонкостей способствует моделирование (ролевые игры), где студенты, разделившись на группы («российский суд/юрист», «иностранный центральный орган», «компетентный суд иностранного государства»), проигрывают процесс взаимодействия: от составления и отправления запроса о вручении документов или получении доказательств

до рассмотрения возможного отказа по мотивам публичного порядка или суверенитета и оформления ответа. Этот метод не только развивает профессиональные навыки составления юридических документов и ведения переписки, но и формирует критически важные коммуникативные и межкультурные компетенции.

Неотъемлемой частью методики является интенсивная работа с первичными документами. Студенты должны научиться уверенно ориентироваться в текстах международных конвенций (Гаагских, регламентов ЕС, Конвенции СНГ), двусторонних договоров РФ, нормах АПК РФ, ГПК РФ, ФЗ «Об исполнительном производстве», административных регламентах Минюста России. Анализ этих источников на семинарах, сравнение их положений (например, процедур вручения документов по Гаагской конвенции 1965 г. и Регламенту ЕС 1393/2007), поиск ответов на конкретные практические вопросы (сроки исполнения, допустимые способы вручения, требования к переводу) прямо на занятии формируют навык работы с нормативным материалом, столь необходимый юристу. Особое внимание уделяется составлению процессуальных документов: проектов запросов о правовой помощи, ходатайств в суд о направлении поручения за границу или об истребовании доказательств, отзывов на ходатайства об исполнении иностранных судебных решений, юридических заключений по вопросам применимого режима сотрудничества. Важным элементом является привлечение практикующих специалистов – судей, рассматривающих дела с иностранным элементом, сотрудников международно-правового управления Минюста России, юристов международных юридических фирм. Их выступления, мастер-классы по составлению документов или разбору сложных кейсов, рассказы о реальных проблемах и путях их решения (затягивание сроков, неисполнение запросов, различия в процессуальных культурах) придают курсу неоценимую практическую ценность и авторитетность, демонстрируя студентам непосредственную связь изучаемого материала с будущей профессией.

Цифровая трансформация сферы правовой помощи требует интеграции в учебный процесс современных электронных ресурсов и технологий. Студенты должны уметь эффективно пользоваться официальными базами: сайтом Гаагской конференции по международному частному праву (www.hcch.net) для доступа к текстам конвенций, практическим руководствам, информации о присоединениях и оговорках; электронными ресурсами Минюста РФ (раздел о международном сотрудничестве) и МИД РФ (база действующих международных договоров РФ); порталами судебных органов; специализированными системами типа e-APP. Практические задания могут включать поиск конкретного двустороннего договора, анализ статуса конвенции для конкретной страны, изучение форм запросов и технических требований к электронному взаимодействию. Письменные практические работы (составление запроса, анализ судебного акта, подготовка заключения) и текущий контроль в форме решения ситуационных задач позволяют оценить не только усвоение знаний, но и сформированность практических умений. Крайне важна обратная связь на таких работах с детальным разбором ошибок и рекомендациями. Учитывая специфику дисциплины, владение иностранным языком (преимущественно английским) для работы с международными документами и ресурсами является не просто желательным, а необходимым элементом, который следует поощрять и развивать в рамках курса, например, через анализ англоязычных текстов конвенций или судебных решений. Таким образом, эффективная методика преподавания данного курса представляет собой синтез глубокой теоретической проработки материала через призму реальных проблем, активного использования интерактивных и имитационных методов, формирования навыков документальной работы и применения цифровых инструментов, что в совокупности готовит компетентных специалистов, способных уверенно действовать в сложном мире международного процессуального сотрудничества.

4. Формируемые компетенции. Успешное освоение дисциплины «Институт правовой помощи в международном частном праве» направлено на формирование у студентов уникального комплекса профессиональных компетенций, выходящих за рамки базовых знаний МЧП и обеспечивающих их готовность к эффективной работе в сложной сфере трансграничного процессуального сотрудничества. Сердцевиной этих компетенций выступают глубокие системные знания, позволяющие будущему юристу не просто перечислить источники регулирования, но и понять их внутреннюю логику, иерархию и динамику взаимодействия. Студент овладевает фундаментальным пониманием природы, целей и принципов международной пра-

вовой помощи, четко различает ее виды (от вручения документов до исполнения решений) и осознает ее место в общей системе международного частного права как важнейшего процессуального гаранта реализации материальных прав. Он приобретает исчерпывающее знание ключевых международных инструментов – универсальных Гаагских конвенций (1965, 1970, 2005, 2007 гг.), региональных актов ЕС и СНГ, сети двусторонних договоров РФ – и национального законодательства (ГПК РФ, АПК РФ, ФЗ «Об исполнительном производстве», регламенты Минюста), включая тонкие нюансы их применения и коллизии между ними. Понимание роли и функций центральных органов, прежде всего Минюста России, и других компетентных учреждений (судов, нотариата, ФССП) становится неотъемлемой частью его профессионального кругозора, равно как и знание современных цифровых тенденций в сфере сотрудничества (e-APP, e-Evidence).

Однако знания сами по себе недостаточны; курс нацелен на формирование практических умений, превращающих теорию в инструмент решения реальных задач. Выпускник приобретает способность уверенно анализировать конкретную ситуацию с иностранным элементом, выявлять потребность в правовой помощи и точно определять применимый правовой режим, разрешая коллизии между международными договорами и национальным законом. Ключевым становится умение составлять юридически безупречные и процедурно корректные запросы о правовой помощи (на вручение документов, получение доказательств, исполнение решения), используя стандартные формы (Hague Request Forms) и учитывая требования языка, перевода и легализации. Он учится эффективно взаимодействовать с центральными органами и компетентными учреждениями как внутри страны, так и за рубежом, оформлять необходимые ходатайства в суд, готовить отзывы на запросы об исполнении иностранных решений и давать обоснованные заключения по сложным вопросам международного процессуального сотрудничества. Важнейшим умением становится способность предвидеть и минимизировать риски, связанные с возможными отказами в оказании помощи, затягиванием сроков или различиями в процессуальных системах, а также разрабатывать стратегию защиты прав клиента в этих условиях.

Формирование устойчивых профессиональных навыков закрепляет способность к самостоятельной деятельности. Студент овладевает навыком свободной работы с текстами международных конвенций, двусторонних договоров, национальных законов и подзаконных актов, быстро находя и интерпретируя необходимые нормы. Он приобретает мастерство юридического письма, позволяющее четко, структурированно и аргументированно излагать позиции в процессуальных документах и запросах. Навык поиска, анализа и использования актуальной судебной и административной практики (Верховный Суд РФ, Суд по интеллектуальным правам, ЕСПЧ, практика Минюста) становится для него рутинным инструментом работы. Критически важным является навык эффективного использования специализированных электронных ресурсов: официальных сайтов Гаагской конференции, Минюста и МИД России, баз международных договоров, электронных систем передачи запросов и доказательств, что требует цифровой грамотности и адаптивности. Не менее значим навык работы на иностранном языке, преимущественно английском, для чтения международных документов, судебных решений, общения с зарубежными коллегами и использования англоязычных интерфейсов электронных систем.

Помимо сугубо профессиональных знаний, умений и навыков, курс способствует развитию ключевых личностных качеств и метакомпетенций. Системное мышление позволяет видеть институт правовой помощи как часть глобального механизма защиты прав и анализировать последствия процессуальных действий в трансграничном контексте. Внимательность к деталям становится не просто добродетелью, а профессиональной необходимостью, учитывая формализованный характер процедур и катастрофические последствия ошибок в оформлении документов или выборе процедуры. Развитые коммуникативные навыки, включая межкультурную коммуникацию, необходимы для эффективного взаимодействия с иностранными органами и коллегами, понимания их правовых традиций и преодоления возможных барьеров непонимания. Способность к постоянному самообучению и отслеживанию динамично меняющегося законодательства и практики является залогом долгосрочной профессиональной востребованности. Таким образом, совокупность формируемых дисциплиной компетенций создает портрет высококвалифицированного юриста-международника, способ-

ного не только оперировать сложным нормативным массивом, но и эффективно действовать в практической плоскости, обеспечивая реальную защиту прав и законных интересов в условиях трансграничных частноправовых отношений, что и составляет конечную цель ее преподавания.

Заключение.

Проведённое исследование института правовой помощи в международном частном праве в контексте его становления и развития как самостоятельной учебной дисциплины убедительно демонстрирует высокую степень актуальности и безусловную целесообразность данного подхода в современной системе юридического образования. Глобализация экономических и социальных связей, стремительный рост трансграничных частноправовых споров и цифровая трансформация правового сотрудничества создали объективную потребность в подготовке юристов нового типа – специалистов, владеющих не только глубокими теоретическими знаниями в области МЧП, но и уникальным комплексом практических навыков в сфере международного процессуального взаимодействия.

Выделение дисциплины «Институт правовой помощи в МЧП» в отдельный курс, как показал анализ, является закономерным ответом на вызовы современности. Исключительная сложность и многоуровневость регулирования, объединяющего универсальные Гаагские конвенции, региональные акты (ЕС, СНГ), обширную сеть двусторонних договоров и детализированные нормы национального процессуального законодательства (ГПК РФ, АПК РФ, ФЗ «Об исполнительном производстве»), требует углубленного и систематизированного изучения, выходящего за рамки традиционного курса МЧП. Практическая востребованность специалистов, способных эффективно направлять и исполнять запросы о вручении документов, истребовании доказательств, признании и исполнении иностранных решений, обеспечении иска в трансграничном контексте, делает такую подготовку не просто полезной, а жизненно необходимой для функционирования правовой системы и защиты прав участников международного оборота.

Предложенная модель содержательного наполнения дисциплины, интегрирующая теоретические основы (понятие, цели, принципы, виды помощи, источники права), детальный анализ международно-правового и национального регулирования (с акцентом на роль Минюста РФ как центрального органа), глубокую проработку процедурных аспектов и особенностей отдельных видов помощи, а также критический разбор реальной практики и проблем, формирует целостную систему знаний. Эта система последовательно ведет студента от понимания фундаментальных категорий к овладению конкретными алгоритмами действий в сложных ситуациях международного сотрудничества, включая работу с современными электронными системами (e-APP, e-Evidence).

Ключевым условием эффективности преподавания выступает применение специфических методических подходов, ориентированных на формирование практических компетенций. Акцент на проблемных лекциях, интерактивных семинарах в формате case-study, ролевых играх (моделирование взаимодействия органов), интенсивной работе с первичными документами (конвенции, запросы, судебные акты) и привлечении практикующих специалистов позволяет преодолеть разрыв между теорией и реальной юридической практикой. Интеграция цифровых ресурсов (официальные порталы Гаагской конференции, Минюста, МИД России) и развитие навыков работы на иностранном языке (преимущественно английском) являются неотъемлемыми элементами подготовки, отвечающими на вызовы цифровизации правового пространства.

Формируемый в результате освоения дисциплины комплекс компетенций – глубокие системные знания, практические умения (анализ ситуаций, составление запросов, взаимодействие с органами), профессиональные навыки (работа с нормативным материалом, юридическое письмо, использование электронных ресурсов и иностранного языка) и ключевые личностные качества (системное мышление, внимательность к деталям, коммуникативные способности, способность к самообучению) – создает портрет высококвалифицированного юриста-международника. Такой специалист способен не только оперировать сложным нормативным массивом, но и эффективно действовать в практической плоскости, обеспечивая реальную, а не декларативную, защиту прав и законных интересов граждан и организаций в условиях глобализации.

Таким образом, введение специализированной дисциплины «Институт правовой помощи в международном частном праве» в программы подготовки магистров или на завершающих этапах обучения бакалавров юриспруденции представляется стратегически важным шагом. Оно способно существенно повысить качество подготовки кадров для органов юстиции (прежде всего Минюста РФ), судов, прокуратуры, международных юридических фирм, нотариата и службы судебных приставов, специализирующихся на трансграничных спорах. Реализация предложенной модели, сочетающей фундаментальность, практическую направленность и ориентацию на современные технологии, будет способствовать укреплению международного правового сотрудничества, повышению эффективности правосудия в делах с иностранным элементом и, в конечном счете, усилению гарантий защиты прав в глобализирующемся мире. Дальнейшее развитие курса видится в постоянном обновлении его содержания в соответствии с динамикой международного регулирования и судебной практики, а также в усилении компонента, связанного с цифровыми инструментами сотрудничества.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // "Собрание законодательства РФ", 18.11.2002, N 46, ст. 4532
2. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // "Собрание законодательства РФ", 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
3. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 04.08.2023) "Об исполнительном производстве" // "Собрание законодательства РФ", 08.10.2007, N 41, ст. 4849

УДК 378

ОБ АВТОРЕ:

Романов Петр Сергеевич,
Доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии», Королёв, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Romanov Petr S.,
Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Cosmonaut A.A. Leonov is a branch of a federal state budgetary educational institution of higher Education "Moscow State University of Geodesy and Cartography", Korolev, Russia

Романов П.С.

Искусственный интеллект в системе высшего образования США и Канады

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) побуждает высшие учебные заведения (ВУЗы) Северной Америки существенно пересмотреть свои будущие стратегии и деятельность. Руководствуясь теоретической концепцией Эверетта Роджерса о распространении инноваций, ряд зарубежных исследователей предпринимают попытки определить этапы принятия решений и критические факторы распространения и внедрения информации о высшем образовании в вузе. При этом, они уделяют особое внимание тому, как информация об ИИ распространяется среди четырёх ключевых социальных групп в вузе: администрации, вспомогательного персонала, преподавателей и студентов. Результаты показали, что внедрение ИИ в вузе происходит ошеломляющими темпами — в 2,34 раза быстрее, чем предполагал Эверетт Роджерс, — и поставщики инноваций принимают решения, ориентируясь на социальные группы, а не на сам вуз. Социальные группы оказывали значительное влияние на лидерство и организационные инновации, распространяя информацию через свои сети, демонстрируя динамическое взаимодействие между поставщиками инноваций и социальными сетями. Эти результаты имеют важное практическое значение для разработки институциональной политики и стратегического планирования в вузах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, инновации, внедрение, система высшего образования.

Для цитирования: Романов П.С. Искусственный интеллект в системе высшего образования США и Канады // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С. 123–130.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN US AND CANADA

Romanov P.S.

The introduction of artificial intelligence (AI) is prompting higher education institutions (HEIs) in North America to significantly reconsider their future strategies and activities. Guided by Rogers' theoretical concept of the diffusion of innovations, a number of foreign researchers are attempting to identify the stages of decision-making and critical factors in the dissemination and implementation of higher education information in a university. In doing so, they pay special attention to how information about AI is distributed among four key social groups in a university: administration, support staff, faculty, and students. The results showed that the implementation of AI in a university is occurring at a stunning pace - 2.34 times faster than Rogers assumed - and innovation providers make decisions based on social groups, rather than the university itself. Social groups had a significant impact on leadership and organizational innovation by disseminating information through their networks, demonstrating the dynamic interaction between innovation providers and social networks. These results have important practical implications for the development of institutional policy and strategic planning in universities.

Keywords: artificial intelligence, innovations, diffusion, higher education.

For citation: Romanov P.S. Artificial intelligence in a higher education institutions in US and Canada. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 3 (35): 123-130. (In Russ.)

На современном этапе развития концепции искусственного интеллекта (далее по тексту-ИИ) и его практического применения в профессиональных областях невозможно обойти

вниманием вопросы его применения в системе высшего образования. С этой точки зрения представляет определенный интерес анализ воззрений и подходов к этой области зарубежных исследователей. Многие из них высказывают мысль о том, что ИИ обладает значительным потенциалом для того, чтобы сыграть важнейшую, если не сказать - революционную роль в системе высшего образования западной системы высшего образования.

Отдельные зарубежные авторы утверждают, что влияние ИИ на систему высшего образования носит феноменальный преобразующий характер, значение которого невозможно было представить еще несколько лет назад. Другими словами, эти исследователи предлагают охарактеризовать значение и роль ИИ как информационный взрыв определенного рода, занимающий уникальное положение среди инновационных событий двадцать первого века [6]. Некоторые ученые выделяют конкретные точки приложения сил ИИ в области высшего образования, как-то: индивидуальное персонифицированные умение, знание и опыт; адаптированное тестирование; прогностический анализ; специальные компьютерные программы для общения продавцов с потенциальными покупателями [15]. По мере дальнейшего развития и усложнения перечисленных технологий происходит дальнейшее усложнение и совершенствование подходов и приемов ИИ. В этом процессе все более важное значение приобретает применение ИИ именно в области образования и профессионального обучения, который становится просто необходимым именно в этой области теории и практики. Особый интерес представляет применение ИИ в сочетании развития системы высшего образования и создания инновационных технологий в областях науки и техники, имеющих приоритетное значение на современном этапе развития общества. Здесь, возможно, будет уместно привести пример использования ИИ на волне его популярности даже отнюдь не в области образования. Так, по итогам торгов 25 июля 2025г. акции американского разработчика шпионских технологий Palantir Technologies выросли на 2,5%. Капитализация компании достигла $375 млрд. Тем самым она вошла в топ-20 самых дорогих компаний США. Palantir разрабатывает ПО для сбора и анализа данных, используемое военными и спецслужбами разных стран. За последний год акции компании выросли почти на 500%. Только в сентябре прошлого года она появилась в индексе S&P 500, объединяющем 500 крупнейших публичных компаний в США. Теперь же Palantir находится уже в топ-20, опередив, в частности, такие компании, как Procter & Gamble, Bank of America и Coca-Cola.

Как отмечают аналитики, инвесторов, в частности, привлекает расширяющееся использование Palantir искусственного интеллекта в своих инструментах слежки, а также тесные связи с американским правительством, особенно усилившиеся при Дональде Трампе. В первом квартале текущего года выручка компании от государственных контрактов в США увеличилась на 45%, составив $373 млн. При этом, как отмечает CNBC, капитализация Palantir слабо соответствует ее выручке: в 2024 году она составила $3,1 млрд, это самый низкий показатель для компании из топ-20 по капитализации. Для сравнения, следующая за Palantir по этому показателю платежная система Mastercard имеет выручку $29 млрд при капитализации $518 млрд. Эти сведения нам сообщают источники Интернета [17]. Если ИИ так органично и эффективно вписывается в картину коммерческих и финансовых операций государства, то в области образования и главное—высшего образования ему явно зажигается зеленый свет. В дополнение к казанному следует добавить, что по оценкам информационных аналитиков на современных рынках труда различных стран, в том числе и России, особенно востребованы сейчас специалисты по кибербезопасности, нейросетям и разработчики отечественных платформ.

Вероятно, в рамках данной статьи будет уместно вспомнить историю возникновения термина «искусственный интеллект» в зарубежной науке, поскольку это добавит определенную порцию пониманию существа происходящих инновационных процессов в политико-экономической жизни мировой цивилизации. Автору статьи удалось установить, что одним из первых случаев введения данного термина в научный оборот состоялся в коллективной публикации 1955 года американских ученых J. McCarthy из колледжа Дартмута, M.L. Minsky из Гарвардского университета, N. Rochester из корпорации IBM, C.E. Shannon из научно-исследовательских лабораторий Белла. Эта публикация была посвящена теме применения искусственного интеллекта на практике. Исследования проводилось перечисленными авторами на базе колледжа Дартмута, который согласно справочным данным Википедии представляет

собой частный исследовательский университет, один из старейших в США, входящий в элитную Лигу плюща. Несмотря на название, Дартмут – не только колледж, де-факто это громадный университет системы высшего образования США, в нём учатся аспиранты и ведутся научные исследования, проходят обучение почти семь тысяч студентов. Это один из девяти колониальных колледжей, основанных до Американской революции еще в 1769 году в городе Гановер штата Нью-Гемпшир (США) недалеко от границы с Канадой. Научный поиск, осуществленный в течение летних месяцев 1954 года, был основан на гипотезе о том, что любой аспект образовательного процесса можно формализовать таким образом, чтобы стало возможным применение построения его модели при помощи ЭВМ. Также были предприняты усилия по определению возможностей электронно-вычислительных устройств в аспекте языковых средств, использования абстрактных понятий в процессе формализации, решения проблем, присущих межличностному общению в обществе. Они же указали и те аспекты, в которых по их мнения целесообразно применение ИИ. В первую очередь, это работа компьютеров в автоматизированных устройствах и промышленном оборудовании, в которых они смогли бы участвовать в процессах создания продукции. Во-вторых, программирование при помощи языка человеческого общения. В-третьих, создание и работа нейронных сетей. В-четвертых, повышение эффективности вычислений путем перебора всевозможных вариантов решений. В-пятых, самосовершенствование и развитие компьютерных устройств. В-шестых, применение метода случайной выборки вариантов при проведении проектных расчетов. Здесь задача искусственного интеллекта мыслится в преодолении элемента случайности, на который сильное влияние может оказывать человеческий фактор [10]. Современные зарубежные исследователи связывают успех анализа распространения подходов ИИ в области высшего образования с правилом Роджера о диффузионном характере внедрения инновационных технологий в жизни современного общества [13]. В этих схемах также были задействованы и некоторые эмпирические формулы, относящиеся к области принятия решений, что указывает на ярко выраженный междисциплинарный характер применения ИИ в областях высшего образования. Оптимистичный характер такого вывода несколько блекнет в результате выводов, сделанных командой исследователей обьединенной комиссии по изучению новых обучающих технологий в 2023 году [8]. Ученый из США, преподаватель английского языка в системе высшего и среднего образования и журналист Kate Lucariello, возглавившая эту комиссию, публикует –заключение о сравнительно невысоких темпах внедрения ИИ в области высшего образования. Какие же здесь возникают препоны, почему и каким образом их удается избежать по мнению американских коллег? Рассмотрим вначале позитивные результаты внедрения нейросетей в области высшего образования государств Северной Америки.

Вопреки сложившемуся мнению ИИ не относится к числу методов, которые проявляют свой эффект исключительно дистанционно. среди зарубежных исследователей бытует мнение, что наиболее эффективным способом реализовать возможности ИИ в среде высшего образования будет рассмотрение его возможностей с точки зрения современной теории научного управления. Именно эти возможности будут наилучшим подходом к внедрению ИИ в систему высшего образования, к достижению основных целей системы высшего образования при помощи инструментария ИИ. Начиная с первых шагов по применению ИИ его технологии получили широкое применение именно в научно-исследовательской сфере, тесно увязанной с повседневной деятельностью североамериканских университетов и колледжей. Поэтому выглядят логичными попытки первых разработчиков систем ИИ применить его именно в системе высшего образования, более чуткой сфере к внедрению инновационных технологий по сравнению, например, с коммерческими проектами, в которых темпы такого внедрения традиционно ниже на первоначальном оценочном этапе [12] из-за тщательной проверки возможных сопутствующих рисков. С первых шагов исследования указанной проблемы был выявлен явный упор на применение свода аналитических приемов в исследовании из сферы научно менеджмента, что представляется достаточно логичным. В этом аспекте внимание исследователей привлекла внимание возможность проводить анализ в рамках рассмотрения распространения информационных технологий в учебном процессе североамериканских университетов и колледжей, что обозначается часто англоязычной аббревиатурой HEI (higher education institutions). Именно в этом аспекте привлечено внимание многих заинтересованных лиц в системе высшего образования для изучения сформулированной проблемы, ее целей и

задач. И это внимание становится решающим фактором в процессе исследования проблемы и согласования целей внедрения ИИ с решаемыми задачами в рамках указанных учебных заведений. Логичным также представляется попытка исследователей описать параметры внедрения технологий ИИ при помощи индекса DOI (diffusion of innovation), что нашло свое отражение в публикациях ряда американских ученых [5, 7, 11]. Как уже упоминалось, американские исследователи столкнулись с неожиданной для себя проблемой небыстрого процесса внедрения технологий и элементов ИИ в повседневную практику. Это стало для них первоочередным предметов рассмотрения, требующим осмысления и получения возможностей влиять как-то на скорость протекания процесса, поскольку научное сообщество США и Канады не предполагало, что процесс внедрения хаотичным и неуправляемым, поскольку на него возлагались большие надежды на получение прорывных решений и многообещающих результатов. Более того, зарубежные исследователи не скупятся на восторженные эпитеты для этого процесса и называют роль ИИ не иначе как преобразующей и призванной изменить само существо работы в рамках системы высшего образования страны. Проведенные до этого момента исследования подчеркивали в первую очередь роль ИИ в совершенствовании процесса обучения студентов и достижения конечных результатов академического процесса. Тем не менее и в них уже обретала свои конкретные черты задача по выяснению всех деталей инновационного процесса распространения методов и элементов ИИ.

Сама по себе идея проанализировать распространение платформы ИИ в системе высшего образования, безусловно, не оригинальна, в настоящее время сотни публикаций и во многих странах силами экспертов различного уровня дают нам возможность погрузиться в массив изысканий по этому вопросу. Упоминаемые в моей статье исследовательские проекты североамериканских коллег, на мой взгляд, представляют определенный интерес именно тем, что в этих целях ими применяется апробированный и солидный с научной точки зрения инструментарий, хорошо изученный специалистами в области распространения научно-технической информации. К числу таких инструментов, безусловно, относится и методы исследования DOI (diffusion of innovation), которые вкупе с такими известными подходами к изучению явления распространения информации в обществе на базе закона Бредфорда дают возможность смоделировать определенные процессы, представляющие интерес с научной точки зрения.

Зарубежные публикации по вопросу распространения ИИ в среде высшего образования эволюционируют и усложняются, что можно сравнить с информационным взрывом. По заключению многих зарубежных исследователей этого вопроса распространение платформы ИИ охватывает практически все аспекты системы высшего образования. Здесь можно с достаточной степенью осторожности говорить о глобальных возможных изменениях, носящий эффективный характер, именно в этих аспектах без исключения. Только практика сможет показать их истинную эффективность в действительности, но на данном этапе рассмотрение первоначального опыта неизбежно. тем более это важно потому, что именно система высшего образования находится среди тех отраслей науки и техники, которые наиболее чутко реагируют на интеллектуальные новации. Естественно, что научная среда достаточно осторожно относится к первым шагам по применению платформ ИИ, слишком часто многие подобные шаги оказывались на поверку неким мыльным пузырем и не приносили того эффекта, который был анонсирован некоторыми не в меру восторженными адептами отдельных новаций. Это нормальный процесс, метод проб и ошибок, неизбежный в любом поступательном движении инновационных свершений. На этом пути, видимо, неизбежны определенные ошибки и возможные результаты, приносящие разочарование. В проводимых исследованиях зарубежных специалистов конечными потребителями получаемых результатов выступают студенты высших учебных заведений, в число которых входят как университеты, так и отдельные колледжи, профессорско-преподавательский состав, административный аппарат этих заведений (например, сотрудники деканатов и учебно-методических подразделений), сотрудники научно-технических и учебных библиотек. В этом потоке рассмотренных исследовательских работ отдельное место занимают те, которые анализируют проявляющийся эффект с точки зрения тех персон в системе высшего образования, которые принадлежат к сообществу принимающих ответственные решения, в определенной степени и организационные и финансовые, стратегического плана. Хотя число таких исследований в общем потоке сравнительно и неве-

лико, как это отмечают и сами зарубежные исследователи [12]. Выдвигаются предложения увеличить число исследований, посвященных этому аспекту, поскольку в конечном итоге это на первых порах самая влиятельная прослойка управленческого контингента в системе высшего образования Северной Америки. Вместе с тем высказывается и подкрепляется определенными резонами мнение о том, что с внедрением платформы ИИ система высшего образования получит новый импульс в своем развитии и выйдет на качественно новый уровень своей деятельности. В среде профессорско–преподавательского персонала раздаются даже восторженные голоса о ренессансе всей системы высшего образования США и Канады.

Инструмент исследования феномена ИИ представляет собой разработанные еще в начале 60-х годов прошлого века подходы к исследованию особенностей распространения инновационных разработок в науке и технике, тесно связанные также с уже упоминавшимся в данной статье законом рассеяния информации Бредфорда. Попутно отметим, что это закономерность, впервые описанная математиком и библиотекарем Самуэлом Бредфордом в 1934 году, которая оценивает зависимость результатов нахождения новых ссылок по определенной теме в научных журналах в зависимости от числа просмотров. Интерпретация закона Бредфорда в терминах геометрической прогрессии была предложена ВА. Яцко, который показал, что распределение Бредфорда универсально и может быть применимо к различным обьектам, а не только к вычислению распределения статей в научных журналах [18].В начале шестидесятых годов прошлого столетия теория диффузии инноваций усилиями Эверетта Роджера получила широкое распространение в самых различных отраслях науки и техники, оставаясь в то же время практически невостребованной в сфере образования. В этом аспекте можно отметить работы американских исследователей Lund and al.2020; Tsou 2023; Zhai and al. 2021[9, 14, 16]. Перечисленные ученые привели в своих работах убедительные аргументы в пользу широкого применения подходов теории Diffusion of innovation (далее по тексту DOI) именно в сфере образования, и в том числе – системе высшего образования. Многочисленные открытия в области науки и техники во второй половине прошлого века позволили сформулировать в научном сообществе задачу добиться понимания внедрения инноваций именно в сфере системы высшего образования США и Канады, которые обьективно требовали углубления этой темы в науке, а также поиска определенных закономерностей с тем, чтобы поддерживать в период холодной войны паритет с бывшим Советским Союзом в области освоения космоса. Существующие публикации американских ученых, посвященные исследованию обозначенной темы приводят также к осознанию необходимости проводить подобные изыскания в более широком плане, другими словами—на макроуровне, на институциональном уровне. Именно в этом направлении существовал определенный пробел в исследованиях зарубежных ученых, можно сказать – существовала недооценка роли исследований закономерностей внедрения ИИ в аспекты высшего образования, недооценка важности сформулировать общую стратегическую задачу по внедрению ИИ во все аспекты системы высшего образования.

Подобная попытка была предпринята американским ученым соискателем ученой степени Doctor of Education (Ed.D.) Kirk N.Phillips в диссертационном исследовании «Artificial Intelligence: diffusion of innovation and generational considerations in higher education institution». В ней была построена модель применения теоретических положений и предпринята попытка реализации ее в практических условиях [12].

По своей сути эта модель представляет собой модификацию теоретических построений теории DOI, которое получила свое дальнейшее развитие в указанной работе для целей анализа распространения ИИ в системе высшего образования. По своим граничным условиям и критериям применимости теория DOI сочетается с возможными решениями данной проблемы при наличии модификационных поправок и изменений. Исходная модель DOI призвана обеспечить понимание того как именно качественных параметров степени распространенности информации, включающей в себя теоретические положения ИИ и его практических воплощений в тех или иных аспектах высшего образования. Теоретическая основа модели Эверетта Роджерса создает глубокий процесс для понимания того, как информация об инновационных артефактах распространяется и воспринимается в различных сегментах общества. Усовершенствованная за прошедшие шесть десятилетий эта теория определяет ключевые обьекты, которые выступают в роли реципиентов инновационных знаний и артефактов; про-

водит элементарную классификацию этих реципиентов. После соответствующих трансформаций данная модель вполне применима для подобного образа действия в целях анализ распространения информации об инновациях (а конкретнее—платформа ИИ) во многих аспектах системы высшего образования США и Канады. В проведенном диссертационном исследовании как раз была использована подобная модель для проведения опросов в различных слоях системы высшего образования стран Северной Америки и получения интерпретируемых результатов.

Особенности инновационных внедрений платформы ИИ на практике удобнее всего интерпретировать при помощи инструментария исследования рыночных структур. Особенностью инструментов анализа рынков, которые находятся в стадии насыщения, является концепция значительного воздействия, которое фиксируется в момент, когда информация о новом продукте насыщает его участников до такой степени, что или она принимается реципиентами, либо отклоняется. В число реципиентов входят управленческий персонал и административный, профессорско-преподавательский состав и студенты. Каждый из сегментов рассматривается как независимый рыночный сегмент со своими особенностями восприятия информации и характером принятия управленческих решений.

В своем видоизмененном варианте модель DOI обеспечивает многообещающие перспективы анализа эффективности внедрения новинок ИИ во всех областях высшего образования. Исследование, проведенное Эвереттом Роджерсом в 1962 году, имело весьма плодотворный характер для проведения подобного рода исследований в области управления потоками информации в странах Северной Америки[3], в том числе для оценки распространения инновационных технологий и сопряженными с этими технологиями информационными потоками. Используя модель Эверетта Роджерса, зарубежные исследователи получили возможность добиться понимания того, каким образом инновации, особенно связанные с ИИ, распространяются, принимаются или отвергаются в университетах и колледжах Северной Америки. В свою очередь теория Роджера строилась на работах ученых предыдущих поколений. Например, одними из первых исследователей стали Брайс Райан и Нил Гросс, которые впервые в зарубежной науке дали определение усвоения новой информации в форме процесса в 1943 году. Затем в последующих работах Эверетта Роджерса этот процесс был тщательно исследован, и Э. Роджерс предложил рассматривать этот поток как интегральную величину, состоящую из нескольких этапов трансформаций, в том числе: осведомленность (знание), интерес (убеждение), оценка (решение), испытание (апробация) и принятие (подтверждение) [13]. Согласно утверждению ’Эверетта Роджерса стадия принятия инновационной информации характеризуется наличием нескольких каналов научной коммуникации и определенным периодом времени, в течение которого эта информация усваивается реципиентами. Любая поступающая в общество инновация должна быть четко понята и осознана заинтересованными лицами. Для этих целей необходимо наличие и бесперебойное функционирование коммуникационных каналов, что будет способствовать эффективному распространению информации о потенциальных возможностях технологий ИИ в учебной работе, административной деятельности в рамках вуза и в научно-исследовательских изысканиях. Критичное значение имеет период адаптации поступившей информации к ее получателям и заинтересованным в ее применении лицам и инстанциям. В системе высшего образования Северной Америки бытует мнение, что важнейшим условием повышения эффективности применения инновации является поступление информации об инновационных обьектах в первую очередь к лицам, принимающим управленческие решения. В конечном итоге необходимо учитывать и тот социальный слой в системе высшего образования, куда по плану должна попасть важнейшая информация об инновации и найти свое конкретное применение в технологии обеспечения рабочих процессов в учебном заведении, в данном случае либо в университете, либо колледже. Планируя внедрение инновационных технологий и подходов к применению ИИ, университет или колледж вполне в состоянии определить те необходимые элементы поступающей технологии, которые вписываются в систему управления вузом и составить так называемую дорожную карту для внедрения этих элементов. Схема, полученная в результате трансформации модели Эверетта Роджерса, позволяет осуществлять прогнозирующий анализ по всем перечисленным выше аспектам плюс в разрезе различных возрастных слоев, поскольку создатель модели исходил из того, что различные возрастные поколения по-разному воспринимают посту-

пающую в общество инновационную информацию. Дополнительные учетные факторы в итоге позволяют охватить всю пропущенную ранее дополнительную информацию, учесть эти факторы наилучшим образом и повысить в конечном итоге эффективность внедрения технологий ИИ.

Процесс внедрения технологий ИИ в деятельность высших учебных заведений стран Северной Америки представляет собой набирающий силу процесс, приобретающий все более широкий масштаб. В академической среде в качестве инструментария для оценки степени внедрения новых технологий в повседневную деятельность вузов и эффективности этого процесса применяют уже испытанный и зарекомендовавший себя набор методов исследования рынка и социологических исследований, в том числе метод фокус-групп. В отечественной практике аналогичные методы исследованы и достаточно глубоко и активно применяются на практике, например, широко известны и пользуются популярностью социологические методы, получившие свое освещение в трудах отечественных ученых, в частности К.П. Боришполец, Токарева Б.Е., Кирилиной Т.Ю.[1,2, 4].

Многочисленные исследования по заявленной теме англоязычных авторов приводят к выводу о применимости теории диффузии и его модификациях для определения эффективности распространения ИИ в системе высшего образования стран Северной Америки. Применяя теоретический аппарат концепции Эверетта Роджерса к конкретному практическому аспекту внедрения платформы ИИ в системе высшего образования, можно получить четкое представление о том, какими путями, то есть через какие коммуникационные канала и в каких социальных группах, можно добиваться успешного внедрения инновационных технологий ИИ. Эти изыскания проливают свет на возможности применения теории Эверетта Роджерса к современным условиям, которые настоятельно требуют осмысления и анализа процесса внедрения ИИ в технологии высшего образования по многим причинам. Рамки и объём данной статьи не позволяют в полной мере проанализировать эти причины, что автор предполагает сделать в последующих публикациях по заявленной теме.

Литература:

1. Боришполец К.П. Методы политических исследований: учебное пособие для студентов вузов, 2-е изд. испр. и доп., М., Аспект-Пресс. – 2010. – 230 с.;

2. Кирилина Т.Ю. Возможности использования информационных технологий в образовательном процессе. «Инновационные технологии в современном образовании» сборник трудов по материалам II Международной научно-практической интернет-конференции. Издательство: Технологический университет (Королев). -2015. С.157-161.

3. Романов П.С. Экономика и управление библиотечно-информационной деятельностью за рубежом / П.С. Романов: монография. – М.: ЦНСХБ Россельхозакадемии, 2010. – 357 с.

4. Токарев Б.Е. Маркетинговые исследования. Учебник для вузов, Москва, изд-во магистр, 2022. – 512 с.;

5. Chan, C. K. Y., & Lee, K. K. W. (2023). The AI generation gap: Are Gen Z students more interested in adopting generative AI such as ChatGPT in teaching and learning than their Gen X and millennial generation teachers? Smart Learning Environments, 10, Article 60. https://doi.org/10.1186/s40561-023-00269-3

6. Dai, M. (2024). Frontiers of intelligent education: Artificial intelligence reshaping the new landscape of Chinese higher education. Journal of Advanced Research in Education, 3(2), 37–43. https://doi.org/10.56397/jare.2024.03.05

7. Joshi, A., Dencker, J. C., & Franz, G. (2011). Generations in organizations. Research in Organizational Behavior, 31, 177–205. https://doi.org/10.1016/j.riob.2011.10.002

8. Lucariello, K. (2023, August 16). WCET survey finds slow AI adoption at colleges and universities. Campus Technology. https://campustechnology.com/articles/2023/08/16/wcet-survey-finds-slow-ai-adoption-at-colleges-and-universities.aspx

9. Lund, B., Omame, I. M., Tijani, S., & Agbaji, D. (2020). Perceptions toward artificial intelligence among academic library employees and alignment with the diffusion of innovations' adopter categories. College & Research Libraries, 81(5). https://doi.org/10.5860/crl.81.5.865

10. McCarthy, J., Jr., Minsky, M. L., Rochester, N., Shannon, C. E., Dartmouth College, Harvard University, I.B.M. Corporation, Bell Telephone Laboratories, & Rockefeller Foundation. (1955). A proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. http://jmc.stanford.edu/articles/dartmouth/dartmouth.pdf

11. McCrindle, M. (2021). Generation Alpha. Headline Home.

12. Phillips Kirk N. Artificial intelligence: diffusion of innovation and generational considerations in a higher education institution, Doctor of Education, Ed.D.dissertation, Marymount University, Arlington, Virginia. – 2025. – 196 p.

13. Rogers, E. M. Diffusion of innovations. Free Press. 1962. – 236 p.

14. Tsou, C. (2023). Implementing artificial intelligence (AI) in higher education: A narrative literature review.

ResearchGate. https://www.researchgate.net/publication/376553922_Implementing_Artificial_Intelligence_AI_in_Higher_Education_A_Narrative_Literature_Review
15. Wang, T., Lund, B. D., Marengo, A., Pagano, A., Mannuru, N. R., Teel, Z. A., & Pange, J. (2023). Exploring the potential impact of artificial intelligence (AI) on international students in higher education: generative AI, chatbots, analytics, and international student success. Applied Sciences, 13(11), Article 6716. https://doi.org/10.3390/app13116716
16. Zhai, Y., Ding, Y., & Wang, F. (2021). Measuring the diffusion of an innovation: A citation analysis. https://yingding.ischool.utexas.edu/Publication/JASIST-2017-Zhai.pdf
17. Электронный источник: режим доступа: https://finance.mail.ru/article/razrabotchik-shpionskogo-po-palantir-voshel-v-top-20-samyh-dorogih-kompaniy-ssha-67184993/?utm_partner_id=515).
18. Электронный источник: режим доступа: ruwiki.ru/wiki/Закон_Бредфорда

УДК 378

ОБ АВТОРАХ:

Филатова Елена Александровна,
кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «ОмГПУ», Омск, Россия

Айданова Юлия Файзиевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «ОмГПУ», Омск, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Filatova Elena A.,
PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Omsk State Pedagogical University", OmSPU, Omsk

Aydanova Yulia F.,
PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Omsk State Pedagogical University", OmSPU, Omsk

Филатова Е.А., Айданова Ю.Ф.

Особенности диагностики и развития КИ российских и зарубежных студентов в образовательном пространстве вуза средствами английского языка

Авторами в статье обусловлена практическая значимость развития культурного интеллекта студентов из разных стран, представлены аспекты диагностики культурного интеллекта с целью выявления сильных и слабых сторон для достижения продуктивного межкультурного взаимодействия с представителями различных культур в образовательной, межличностной и профессиональной плоскостях.

Ключевые слова: культурный интеллект (КИ), межкультурная коммуникация, диагностика КИ российских и иностранных студентов, образовательное пространство, английский язык.

Для цитирования: Филатова Е.А., Айданова Ю.Ф. Особенности диагностики и развития КИ российских и зарубежных студентов в образовательном пространстве вуза средствами английского языка // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №3 (35). С. 131–140.

FEATURES OF THE DIAGNOSTICS AND DEVELOPMENT OF CULTURAL INTELLIGENCE OF RUSSIAN AND FOREIGN STUDENTS IN THE EDUCATIONAL SPACE OF THE UNIVERSITY THROUGH THE ENGLISH LANGUAGE

Filatova E.A., Aydanova Yu.F.

The authors of the article emphasize the practical significance of developing cultural intelligence in students from different countries and present aspects of diagnosing cultural intelligence to identify strengths and weaknesses for achieving productive intercultural interaction with representatives of various cultures in educational, interpersonal, and professional contexts.

Keywords: Cultural Intelligence (CQ), intercultural communication, diagnostics of CQ of Russian and foreign students, educational field, English language.

For citation: Filatova E.A., Aydanova Yu.F. Features of the diagnostics and development of cultural intelligence of Russian and foreign students in the educational space of the university through the English language. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 5 (35): 131-140. (In Russ.)

В современном мире, характеризующемся глобализацией, миграцией и интенсивным межкультурным взаимодействием, культурный интеллект (КИ/CQ) приобретает особую актуальность. Для российских студентов и обучающихся, приехавших получать высшее образование из других стран, как будущих специалистов в различных сферах, КИ/CQ становится не

только желательным, но и необходимым качеством, определяющим их успешность в образовательной, личностной и профессиональной областях.

Способность эффективно взаимодействовать с представителями различных культур, понимать и учитывать их ценности, традиции и особенности поведения является инструментом успешной и эффективной коммуникации, сотрудничества и достижения целей в многокультурном обществе.

Актуальность развития КИ/CQ студентов обусловлена рядом факторов, а именно:

- глобализацией рынка труда, так как компании все чаще работают с международными партнерами и клиентами, требуя от сотрудников межкультурной компетентности;

международной академической мобильностью, соответственно, студенты имеют все больше возможностей для обучения и стажировок за рубежом, где КИ/CQ играет ключевую роль в успешной адаптации, коммуникации, учебе и в воспитательно-педагогической деятельности в мультикультурной профессиональной среде;

- развитием информационных технологий, поскольку интернет и социальные сети стирают границы между странами и культурами, делая межкультурную коммуникацию частью повседневной жизни;

- миграционными процессами, так как многообразие культур в современном обществе требует от каждого человека умения строить гармоничные отношения с представителями разных этнических, религиозных и культурных групп;

- предотвращением существующих и потенциальных конфликтов - в этом аспекте КИ/ CQ способствует пониманию и уважению культурных различий, снижая риск возникновения конфликтов на межличностном и межгрупповом уровнях.

Очевидно, что для эффективного развития КИ/ CQ необходимо применять инструменты его измерения и оценки. Диагностика позволяет выявить сильные и слабые стороны студента в области межкультурной компетентности, а также определить направления для дальнейшего развития.

Если рассматривать диагностику КИ/ CQ с позиции использования английского, как международного языка в качестве средства его развития в концепции, представленной авторами (американским профессором Кристофером Эрли (Christopher Earley) и профессором Сингапурского технологического университета Сун Ангом (Soon Ang) теории культурного интеллекта через четыре аспекта, то выстраивается следующее взаимосвязь:

Методические и практические аспекты формирования высокого уровня КИ / CQ студентов также напрямую связаны с развитием soft skills, эффективных способов развития логического мышления и эмоционального интеллекта, где происходит нарративизация прошлого профессионального, учебного, жизненного опыта, расширение мировосприятия через иностранный язык. Проживая и проигрывая роли в различных социокультурных ситуациях, студенты решают коммуникативные задачи, активно и эффективно используя гибкие навыки ведения переговоров, решения сложных вопросов, презентации, кооперации и многие другие в формате соизучения иностранного языка, культуры и межкультурной специфики международного взаимодействия. В процессе культурно-языкового обучения студентам приходится мобилизовать все свои фоновые знания, научиться быстро ориентироваться в информационном пространстве, мыслить и действовать в новом гибком формате [1, с.82].

Таким образом, к эффективным методам и подходам диагностики КИ/ CQ, можно отнести следующие диагностические виды работ.

Тестирование. Стандартизированные тесты на знание культуры и межкультурную компетентность, например, Cultural Intelligence Scale (CQS), позволяют оценить когнитивный, мотивационный, поведенческий и метакогнитивный компоненты КИ/ CQ.

В качестве примера, ниже приведен один из вариантов вводного тестирования на определение базового уровня развития КИ:

CQ Test (cultural intelligence test)
Тест на культурный интеллект
What do you think about the level of your cultural intelligence?
So, determine your cultural intelligence. Choose only one option

1. I talk about my own culture with others. (Я говорю о своей культуре с другими).
a) Often (Часто)
b) Sometimes (Иногда)
c) Never (Никогда)

2. I have changed my behaviour in order to adapt to other cultures over the last six months. (За последние шесть месяцев я менял(а) свое поведение, чтобы адаптироваться к другим культурам).

a) Often (Часто)
b) Sometimes (Иногда)
c) Never (Никогда)

3. I have found that there are some things which really matter to me that I will not compromise on. (Я обнаружил(а), что есть вещи, которые действительно важны для меня, и в которых я не пойду на компромисс).
a) Often (Часто)
b) Sometimes (Иногда)
c) Never (Никогда)

4. I am known to have friends from many different cultures. (Известно, что у меня есть друзья из разных культур).
a) Yes (Да)
b) No (Нет)

5. I have courageous conversations with people from a different culture from me. (Я смело веду разговоры с людьми из другой культуры).
a) Often (Часто)
b) Sometimes (Иногда)
c) Never (Никогда)

6. I have made a friend over the last year with someone who was born at least 7,000 miles away from me. (За последний год я подружился(-лась) с кем-то, кто родился как минимум в 7000 милях от меня).
a) Yes (Да)
b) No (Нет)

7. I have discovered a bias in the last six months that I didn't know I had. (За последние шесть месяцев я обнаружил(а) в себе предубеждение, о котором раньше не знал(а)).
a) Yes (Да)
b) No (Нет)

8. I avoid people who don't speak my language fluently. (Я избегаю людей, которые не очень хорошо говорят на моем языке).
a) Often (Часто)
b) Sometimes (Иногда)
c) Never (Никогда)

9. I avoid situations when I will find myself in a minority. (Я избегаю ситуаций, когда оказываюсь в меньшинстве).
a) Often (Часто)
b) Sometimes (Иногда)
c) Never (Никогда)

10. I am ashamed of myself for not standing up when I witness cultural intolerance. (Мне стыдно за себя, если я не выступился (-лась), когда стал(а) свидетелем культурной нетерпимости.
a) Often (Часто)
b) Sometimes (Иногда)
c) Never (Никогда)

11. Fellow students who don't know me well would describe me as: (Другие студенты, которые меня плохо знают, описали бы меня как):
a) Noisy (Шумного (ую))

b) Quiet (Спокойного (ую))
c) Neither of these (Ни то, ни другое)

12. I would define culture as relating to (Я бы определил(а) культуру как относящуюся к):
a) Nationality (Национальности)
b) Class (Классу)
c) Generation (Поколению)
d) Religion (Религии)
e) All of the above (Всему вышеперечисленному)

Ключ: 1: a) + 2, b) +1, c) + 0; 2: a) + 2, b) +1, c) + 0; 3: a) + 1, b) +2, c) + 0; 4: a) + 2, b) +1; 5: a) + 2, b) +1, c) + 0; 6: a) + 1, b) +0; 7: a) + 2, b) +1; 8: a) + 0, b) +1, c) + 2; 9: a) + 0, b) +1, c) + 2; 10: a) + 2, b) +1, c) + 0; 11: a) + 2, b) +2, c) + 1; 12: a) + 1, b) +1, c) + 1, d) +1, e) +3.

Variants of result

High CQ for a score of 24-18

Congratulations, you scored high. Check out your responses with someone who doesn't know you well.

Medium CQ for a score of 17-12

Congratulations, you scored well. Check out your responses with someone who doesn't know you well.

Low CQ for a score of 11-5

It's pity. Your result is not very good. Check out your responses with someone who doesn't know you well.

Cultural Intelligence is the ability to cross divides and thrive in multiple cultures. In the future, most of all organizations and educational establishments will promote for CQ, so start developing yours now!

Возможные результаты:

Высокий КИ/ CQ - от 24 до 18

Поздравляем, вы набрали высокий балл. Проверьте свои ответы с тем, с кем вы не знакомы слишком близко.

Средний КИ/ CQ - от 17 до 12

Поздравляем, вы набрали хороший балл. Проверьте свои ответы с кем-то, кто не знает вас хорошо.

Низкий КИ/ CQ для - от 11 до 5

Жаль. Ваш результат не очень хороший. Проверьте свои ответы с кем-то, кто не знает вас близко.

Культурный интеллект — это способность преодолевать различия и успешно адаптироваться в различных культурах. В будущем большинство организаций и учебных заведений будет продвигать развитие КИ/ CQ, так что начинайте развивать его прямо сейчас! [2, с. 87-89]

Самооценка и взаимооценка. Студенты оценивают свой и/ или уровень КИ/ CQ одногруппников, используя специальные опросники. Этот метод позволяет получить субъективную оценку, которая может быть полезна для рефлексии.

Cultural Intelligence (CQ) Self-Assessment Questionnaire
Опросник для самооценки культурного интеллекта (КИ)

This questionnaire is designed to help you assess your level of cultural intelligence (CQ). Cultural intelligence is the capability to relate and work effectively across cultures. Please answer each question honestly based on your typical behavior and experiences. (Данный опросник предназначен для того, чтобы помочь вам оценить свой уровень культурного интеллекта (КИ). Культурный интеллект - это способность эффективно взаимодействовать с представителями разных культур. Пожалуйста, ответьте на каждый вопрос честно, основываясь на вашем ти-

пичном поведении и опыте).

Instructions: For each statement, please indicate your level of agreement on a scale of 1 to 5, where: 1-Strongly Disagree

2- Disagree

3- Neutral

4- Agree

5- Strongly Agree

(Инструкции: Для каждого утверждения, пожалуйста, укажите уровень вашего согласия по шкале от 1 до 5, где: 1- категорически не согласен; 2- не согласен; 3- отношусь нейтрально; 4- согласен; 5- полностью согласен).

CQ Knowledge (Cognitive CQ) / Уровень знаний (когнитивный компонент)

This section assesses your understanding of different cultures, including cultural norms, practices, and values. (В этом разделе дается оценка вашего понимания различных культур, включая культурные нормы, обычаи и ценности).

1) I am aware of the similarities and differences between my own culture and other cultures. (Я осознаю сходства и различия между моей собственной культурой и культурами других стран).

2) I know how different cultures communicate, both verbally and non-verbally. (Я знаю, как общаются представители разных культур, как вербально, так и невербально).

3) I understand the role of cultural values in shaping people's behavior and attitudes. (Я понимаю роль культурных ценностей в формировании поведения и установок людей).

4) I can identify common cultural stereotypes and understand why they might be inaccurate. (Я в состоянии определить распространенные культурные стереотипы и понять, почему они могут быть неточными).

5) I am familiar with the legal and economic systems of various cultures. (Я знаком с правовыми и экономическими системами различных культур).

CQ Strategy (Metacognitive CQ) / Стратегии КИ (метакогнитивный компонент)

This section assesses your awareness and planning capabilities related to cross-cultural interactions. (В этом разделе оценивается ваша осведомленность и возможности планирования, связанные с межкультурными взаимодействиями).

1) Before interacting with someone from a different culture, I consciously think about their cultural background. (Прежде чем вступить в контакт с человеком, принадлежащим к другой культуре, я сознательно размышляю о его культурном бэкграунде).

2) I adjust my thinking to account for cultural differences when I interact with people from other cultures. (Я адаптирую свое мышление к культурным различиям, когда общаюсь с представителями других культур).

3) I check my assumptions about cultural differences before acting on them. (Я проверяю свои предположения о культурных различиях, прежде чем действовать в соответствии с ними).

4) When I encounter unexpected cultural behavior, I pause and try to understand the reasons behind it. (Когда я сталкиваюсь с неожиданным культурным поведением, я беру паузу и пытаюсь понять его причины).

5) I plan my cross-cultural interactions to ensure they are effective and respectful. (Я планирую свои межкультурные взаимодействия таким образом, чтобы они были эффективными и уважительными).

CQ Motivation (Affective CQ) / Мотивация (эмоциональный уровень КИ)

This section assesses your interest, drive, and confidence in engaging with diverse cultures. (В этом разделе оценивается ваш интерес, целеустремленность и уверенность в общении с представителями разных культур).

1) I am interested in learning about other cultures and ways of life. (Мне интересно узнавать о других культурах и образе жизни).

2) I enjoy interacting with people from different cultural backgrounds. (Мне нравится общаться с представителями разных культур).

3) I feel confident in my ability to navigate cross-cultural situations. (Я уверен в своей способности ориентироваться в межкультурных ситуациях).

4) I am motivated to adapt my behavior to different cultural contexts. (У меня есть мотивация адаптировать свое поведение к различным культурным контекстам).

5) I am willing to take risks and step outside my comfort zone to engage with other cultures. (Я готов рискнуть и выйти за пределы своей зоны комфорта, чтобы познакомиться с другими культурами).

CQ Action (Behavioral CQ) / Действие (поведенческий компонент КИ)

This section assesses your ability to adapt your verbal and non-verbal behavior to different cultural contexts. (В этом разделе оценивается ваша способность адаптировать свое вербальное и невербальное поведение по отношению к различным культурным контекстам).

1) I can adjust my verbal communication (e.g., tone, speed, vocabulary) to suit different cultural norms. (Я могу скорректировать свое вербальное общение (например, тон, скорость, словарный запас) в соответствии с различными культурными нормами).

2) I can adapt my non-verbal communication (e.g., body language, gestures, eye contact) to be appropriate in different cultures. (Я могу адаптировать свою невербальную коммуникацию (например, язык тела, жесты, зрительный контакт) таким образом, чтобы она была уместна в различных культурах).

3) I can modify my behavior to be effective when working with people from different cultures. (Я могу изменить свое поведение, чтобы быть эффективным при работе с людьми из разных культур).

4) I can switch between different communication styles depending on the cultural context. (Я могу применять различные стили общения в зависимости от культурного контекста).

5) I can make appropriate changes to my behavior to create positive cross-cultural relationships. (Я способен внести соответствующие изменения в свое поведение, чтобы реализовать позитивные межкультурные отношения).

Scoring / Результат:

To get a general idea of your CQ, sum your scores for each section. A higher total score indicates a higher level of cultural intelligence. (Чтобы получить общее представление о вашем КИ, суммируйте ваши баллы по каждому разделу. Более высокий общий балл указывает на более высокий уровень культурного интеллекта).

CQ Knowledge Score: (Sum of answers 1-5)
CQ Strategy Score: (Sum of answers 6-10)
CQ Motivation Score: (Sum of answers 11-15)
CQ Action Score: (Sum of answers 16-20)
Total CQ Score: (Sum of all scores 1-20)
(Оценка знаний КИ: (Сумма ответов 1-5)
Оценка стратегии КИ: (Сумма ответов 6-10)
Оценка мотивации по шкале КИ: (Сумма ответов 11-15)
Оценка действий по шкале КИ: (Сумма ответов 16-20)
Общая оценка по шкале КИ: (Сумма всех баллов 1-20))

Interpretation (General Guidelines) / Расшифровка (общие рекомендации):

80-100: High Cultural Intelligence
60-79: Above Average Cultural Intelligence
40-59: Average Cultural Intelligence
20-39: Below Average Cultural Intelligence
(80-100: Высокий культурный интеллект
60-79: Культурный интеллект выше среднего
40-59: Культурный интеллект средний
20-39: Культурный интеллект ниже среднего)

This questionnaire is a self-assessment tool. For a more comprehensive evaluation, consider seeking feedback from others or participating in structured CQ development programs. (Этот опросник предназначен для самооценки. Для более всесторонней оценки рассмотрите возможность получения обратной связи от других представителей).

Наблюдение. Преподаватель-эксперт следит за поведением студентов в процессе межкультурного взаимодействия или в смоделированных межкультурных ситуациях, ролевых играх в рамках учебного процесса, оценивая их способность адаптироваться к различным культурным контекстам и эффективно в них коммуницировать.

Список основных критериев при наблюдении за межкультурной коммуникацией:

1. Демонстрация осведомленности о культурных различиях: способность понимать и учитывать, как культурные ценности, нормы и стили общения влияют на взаимодействие.

2. Активное слушание и понимание: умение внимательно слушать, задавать уточняющие вопросы и проверять понимание, особенно при столкновении с культурными нюансами.

3. Адаптация вербальной коммуникации: гибкость в использовании языка, включая темп речи, выбор слов и ясность изложения, для эффективного общения с представителями разных культур.

4. Адаптация невербальной коммуникации: адекватное использование и интерпретация невербальных сигналов (жесты, мимика, зрительный контакт, личное пространство) в соответствии с культурным контекстом.

5. Управление межкультурными недопониманиями: способность распознавать, анализировать и конструктивно разрешать ситуации, когда культурные различия приводят к недопониманию или конфликту.

6. Проявление уважения и открытости: демонстрация уважительного отношения к другим культурам, их представителям и точкам зрения, готовность принимать различия.

7. Эмпатия и способность взглянуть с чужой точки зрения: умение поставить себя на место другого человека, понять его мотивы и чувства, исходя из его культурного фона.

8. Гибкость в поведении и действиях: способность корректировать собственное поведение, подходы и стратегии для достижения эффективного взаимодействия в новой культурной среде.

9. Достижение коммуникативных целей: успешное выполнение задач, поставленных в рамках смоделированной ситуации, при этом поддерживая позитивное межкультурное взаимодействие.

10. Рефлективность и самосознание: способность анализировать собственный опыт межкультурного взаимодействия, выявлять свои сильные стороны и зоны для развития.

Данные критерии охватывают ключевые аспекты межкультурной компетентности и позволяют педагогу получить комплексное представление об уровне развития этих навыков как у иностранных, так и у российских студентов.

Анализ продуктов деятельности. Оценка письменных работ (эссе, статьи), презентаций, проектов, выполненных студентами на основе аутентичных и адаптированных материалов, позволяет судить об их понимании и учете культурных особенностей.

Список основных критериев, которыми педагог может воспользоваться для оценки письменных и устных работ студентов на уровень развития культурного интеллекта (КИ):

1. Глубина понимания культурных контекстов. То есть то, насколько глубоко студент анализирует культурные факторы, влияющие на тему (исторические, социальные, экономические, ценностные аспекты). Насколько полно и точно студент раскрывает культурный контекст, показывая осведомленность о специфических нормах, ценностях и традициях.

2. Применение культурных знаний. Это то, насколько эффективно студент использует свои знания о разных культурах для аргументации, анализа или решения поставленной задачи. Демонстрирует ли студент, как культурные знания помогают объяснить явление, решить проблему или понять поведение.

3. Анализ межкультурных различий и сходств. Как точно студент выявляет и сравнивает культурные различия и сходства, избегая стереотипов. Способен ли наглядно представить и объяснить, как культурные различия влияют на ситуации, коммуникацию или поведение.

4. Стратегическое мышление в межкультурном контексте. Описывает ли студент, каким образом он бы планировал или адаптировал свое поведение в межкультурной ситуации, учитывая риски и возможности. Представляет ли студент свой подход к планированию или решению межкультурных задач, демонстрируя осознанность и стратегический подход.

5. Мотивация к межкультурному взаимодействию: Отражает ли студент свой интерес,

позитивное отношение и желание понимать и взаимодействовать с представителями других культур. Демонстрирует ли студент энтузиазм, уверенность и открытость при обсуждении межкультурных тем.

6. Адаптивность поведения: Описывает ли студент, как он может адаптировать свое вербальное и невербальное поведение в зависимости от культурного контекста. Делает ли студент сознательные попытки адаптировать свою речь, тон, жесты и другие аспекты представления, чтобы они были уместны и понятны разной аудитории.

7. Избегание стереотипов и предвзятости: Оценивается, насколько работа свободна от упрощенных или негативных стереотипов о культурах, присутствует ли критический взгляд. Не использует ли студент стереотипные образы или обобщения, демонстрирует ли уважение и нейтральный тон при обсуждении культур.

8. Ясность и точность межкультурной коммуникации: Насколько ясно и точно изложены мысли, касающиеся межкультурных аспектов; насколько убедительна аргументация. Насколько понятно и логично студент доносит информацию, использует ли он язык, понятный аудитории, и избегает ли двусмысленностей.

9. Рефлексия и самосознание. Включает ли студент элементы саморефлексии о собственном культурном бэкграунде, своих предубеждениях и опыте межкультурного взаимодействия. Демонстрирует ли студент понимание своих сильных сторон в области межкультурного интеллекта.

10. Общая компетентность и эффективность. Насколько полно и комплексно работа отвечает поставленному заданию с точки зрения межкультурного интеллекта. Показал ли высокий/ средний/ низкий уровень межкультурного интеллекта в целом.

Безусловно, при оценке следует учитывать, что культурный интеллект проявляется поразному в письменной форме и в устном формате. Поэтому важно адаптировать фокус критериев под формат работы.

Интервью. Беседы со студентами позволяют получить более глубокое понимание их ценностей, установок и опыта межкультурного взаимодействия. Ниже представлены примеры вопросов для интервьюирования (в том числе в формате беседы) иностранных и поссийских студентов в контексте межкультурной коммуникации для диагностики развития КИ.

Interview Questions for Assessing Cultural Intelligence (CQ)

1. Can you describe a time you encountered a cultural practice or belief that was significantly different from your own? How did you seek to understand it?

2. What do you believe are the key similarities and differences between your own culture and [mention a specific target culture, e.g., Russian, Japanese, Brazilian, Indian] culture?

3. How do you think cultural values influence communication styles (e.g., directness vs. indirectness, use of non-verbal cues)? Can you provide an example?

4. What are some common stereotypes associated with people from different cultural backgrounds? How do you challenge or overcome these stereotypes in your own thinking?

5. Before interacting with someone from a different cultural background, what steps do you typically take to prepare yourself?

6. Describe a situation where you had to adjust your thinking or approach because of a cultural misunderstanding. What was your process for adapting?

7. When faced with unexpected behavior from someone from another culture, what is your immediate thought process? How do you decide how to respond?

8. How do you ensure your communication is clear and effective when interacting with people who may have different communication styles or language proficiency?

9. What interests you most about engaging with people from diverse cultural backgrounds?

10. Describe a challenging cross-cultural experience you've had. How did you stay motivated to continue engaging despite the difficulties?

11. How do you feel when you are in a situation where you don't fully understand the cultural norms or expectations? (e.g., excited, anxious, curious?)

12. What are your personal goals related to developing your cultural intelligence?

13. Can you give an example of how you've consciously changed your verbal communication (e.g., tone, pace, vocabulary) to better suit a cross-cultural interaction?

13. Describe a time you had to adapt your non-verbal communication (e.g., body language, eye contact, gestures) to be culturally appropriate. What did you do?

14. Tell me about a situation where you had to modify your behavior to work effectively with someone from a different culture. What specific adjustments did you make?

15. Imagine you are leading a multicultural team project. What specific actions would you take to ensure everyone feels included and can contribute effectively?

Данные вопросы направлены на то, чтобы получить ответы, демонстрирующие осведомлённость, стратегическое мышление, мотивацию и поведенческую адаптивность учащихся в межкультурном контексте.

Комплексный подход. Наиболее эффективным будет является сочетание различных методов диагностики, позволяющее получить более полную и объективную картину уровня КИ/ CQ студента.

Практическое применение результатов диагностики КИ/ CQ целесообразно использовать для:

1. Разработки индивидуальных планов развития.

На основе выявленных сильных и слабых сторон студента можно разработать программу обучения, направленную на развитие конкретных аспектов КИ/ CQ.

2. Формирования межкультурных компетенций в учебном процессе.

Включение в учебные программы заданий и проектов, требующих применения КИ/ CQ.

3. Организации тренингов и семинаров по межкультурной коммуникации.

4. Оценки эффективности образовательных программ, направленных на развитие КИ/ CQ.

Результаты диагностики позволяют корректировать учебный процесс, подбирать оптимальные методы и приемы обучения и воспитания, способствующие развитию культурного интеллекта студентов из разных стран с различным уровнем сформированности межкультурной компетенции.

Развитие КИ/ CQ, в том числе, через применения грамотной диагностики межкультурной компетентности мультинациональных студенческих групп в действии – важная задача современной системы образования и, безусловно, является инвестицией в будущее, которая позволит выпускникам успешно реализовать свой потенциал в глобальном поликультурном мире на межличностном и профессиональном уровнях.

Литература:

1. Кондина, А. С. Развитие soft skills и эмоционального интеллекта в языковом обучении в вузе / А. С. Кондина // Ярославский педагогический вестник. – 2023. – № 3(132). – С. 77-85.

2. Филатова, Е.А. Формирование универсальных компетенций как условие развития культурного интеллекта на занятиях по иностранному языку / Е.А. Филатова // Горизонты образования: материалы II Международной научно-практической конференции. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2021. – С. 281 – 284.

3. English for Professional Purposes = Английский язык для профессиональных целей: учебное пособие/ Н.А. Назарова, Ю.Ф. Айданова, Ю.Б. Дроботенко [и др]; под общ.ред. Н.А. Назаровой, Ю.Б. Дроботенко. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2023. – 98 с.